

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

— А.Ю. ДАВЫДОВ —

КООПЕРАТОРЫ СОВЕТСКОГО ГОРОДА В ГОДЫ НЭПА

МЕЖДУ «ВОЕННЫМ КОММУНИЗМОМ»
И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИЕЙ

УДК 334.73(09)
ББК 65.9(2)08
Д 13

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *В.С. Измозик*;
доктор исторических наук, профессор *С.В. Яров*

Давыдов А. Ю.

Д13 Кооператоры советского города в годы нэпа. Между «военным коммунизмом» и социалистической реконструкцией / А.Ю. Давыдов. — СПб.: Алетейя, 2011. — 216 с.

ISBN 978-5-91419-488-5

Автор исследует образ жизни, облик петроградских-ленинградских кооператоров. Их вклад в развитие многих сфер жизни мегаполиса в 1920-е годы очень велик. Изучая разнообразные документы, прежде всего обнаруженные в фондах шести архивов, автор выявляет тенденции взаимоотношений государственных органов с товариществами и обществами. Он прослеживает процесс становления разрушенных военным коммунизмом свободных самостоятельных начал в городской кооперации. Вместе с тем характеризуется механизм их неизбежной последующей ломки партийными структурами в условиях социалистической реконструкции.

Книга написана живым и образным языком. Приведены интересные факты из жизни Петрограда-Ленинграда в годы новой экономической политики, 90 лет введения которой исполняется в 2011 году.

УДК 334.73(09)
ББК 65.9(2)08

В оформлении обложки использованы фотографии из Центрального государственного архива кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга.

На лицевой стороне «Магазин “Пассаж”. 1924»

На оборотной стороне «Петроград. Разцвет нэпа».

ISBN 978-5-91419-488-5

9 785914 194885

© А. Ю. Давыдов, 2011

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2011

© «Алетейя. Историческая книга», 2011

*Моим учителям А. З. Ваксеру и
З. В. Степанову*

ВВЕДЕНИЕ

«Система мероприятий достигнет своих задач лишь в том случае, если она будет стремиться: 1) в максимальной степени разбудить хозяйственную инициативу и самостоятельность населения, 2) если она даст прочное русло для общей хозяйственной организации этой самостоятельности...». Человек, быстро просматривавший ранним московским утром 17 января 1924 г. отпечатанный на машинке доклад, в этом месте остановился, перечитал абзац ещё и ещё раз, взял перо и с нажимом вписал чёрными чернилами в первую строку слово «лишь», усилив тем самым основную мысль. Человеком этим был Николай Дмитриевич Кондратьев — близкий соратник А. В. Чаянова, крестьянский сын (он говорил о себе: «из неимущей семьи»), выпускник Петроградского университета, оставленный для работы на кафедре, ставший известным профессором, начальником управления Наркомата земледелия РСФСР, крупнейшим специалистом в области динамики цен, рынка, хозяйственной жизни в целом. В это утро он заканчивал подготовку к ответственному докладу на одной из секций Госплана. На нём должны были присутствовать заместитель наркома земледелия РСФСР А. Свидерский, председатель Госплана А. Д. Цюрупа.¹ Через несколько часов, днём 17 января, доклад был прочитан, и его одобрили...

Наше повествование мы начали со слов Н. Д. Кондратьева, ибо в них в отчётливой форме сформулировано существо кооперации. Это — самодеятельность. Именно так в годы нэпа понимали её петроградские, ленинградские единомышленники Николая Дмитриевича, организаторы товариществ и обществ Е. Максимов, А. Александровский, А. Степанюк и ещё многие. С другой стороны, в воспоминаниях историка и филолога Я. С. Лурье читаем: «Шёл нэп. На Большом

¹ Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 478. Оп. 2. Д. 293. Л. 57, 59.

проспекте Петроградской стороны появились многочисленные магазины — кооперативные (в обычном словоупотреблении это стало означать магазины, принадлежавшие государству) и частные».¹ Так существовала ли кооперация в городах, или же под её вывеской действовали государственные предприятия? В какой мере в делах организаторов и рядовых кооператоров периода новой экономической политики воплотились начала самостоятельности? В какой мере такие начала искажались партийно-государственным диктатом? На эти актуальные вопросы мы попытаемся ответить в данной книге. Ответив, сможем понять, стала ли кооперация в 1920-е гг. искусственным образованием, элементом авторитарной системы? Или же на отдельных этапах доминировала кооперативная самостоятельность? Насколько и каким образом была ограничена последняя? В любом случае, кооперация в годы нэпа представляла собой специфическую многообразную структуру, занимавшую важное место в организации быта, питания, жилища, снабжения товарами широкого потребления, иначе говоря — в повседневной жизни граждан.

Особо подчеркнём, что к н. XXI в. кооперативная традиция забыта российским обществом напрочь. В лучшем случае, люди вспоминают о кооперативных квартирах советского периода или об экзотических кооперативных экспериментах времён М. С. Горбачёва. Современникам, привыкшим мыслить категориями индивидуализма и прагматизма, трудно представить, что когда-то кооперативные процессы выступали ведущим фактором общественного прогресса. Но всё может измениться. И в этой связи вспомним высказывание Никколо Макиавелли: «Чтобы знать, что должно случиться, достаточно проследить, что было, потому что все события мира имеют всегда соответствующие отношения с теми, которые уже миновали. Это происходит оттого, что все человеческие дела делаются людьми, которые имели и всегда будут иметь одни и те же страсти, и потому они неизбежно должны давать одинаковые результаты».² Внимая наставлению великого флорентийца, автор ставит перед собой задачу рассуждать о людях — влиятельных и простых участниках событий, об их «страстях».

В данной работе речь пойдёт о поворотном периоде в истории отечества. Позади остались годы «военного коммунизма», когда

¹ Лурье Я. С. История одной жизни. СПб, 2004. С. 103.

² Цит. по: Бурлацкий Ф. М. Загадка Макиавелли. М., 2003. С. 208.

новая власть сконцентрировалась на воплощении в жизнь утопической идеи и в значительной мере дискредитировала её. Впереди предстояло пройти этап социалистической реконструкции, «наступление социализма по всему фронту»; под ними сталинское руководство понимало резкую ломку всех социальных отношений.¹ Между «позади» и «впереди» находился нэп, который представлял собой период относительной стабильности. Думается, тогда и обнаружались возможности движения страны по разным путям. Кооперация относилась к числу тех сил, которые воплощали «мягкий» вариант общественной эволюции.

В качестве предмета исследования взята наименее изученная городская кооперация периода новой экономической политики. В первую очередь, в городах активно развивалась самая массовая её форма — потребительские объединения.² Только там действовали жилищные и строительные кооперативы. Своеобразно проявляла себя и промыслово-кустарная кооперация.

Автор стремился познакомить читателя, прежде всего, с тремя указанными важнейшими формами кооперативного строительства на материалах Петрограда-Ленинграда. Социально-экономическое и культурное значение этого города трудно переоценить. Учтём, что в изучаемый период в стране существовало всего два города-миллионера — Ленинград и Москва. Именно в них отрабатывались и апробировались механизмы социальных, экономических, политических преобразований. Так было и с кооперацией в период нэпа.

Петроград-Ленинград являлся в тот период одним из немногих крупнейших промышленных центров страны. Достаточно сказать, что в середине 20-х гг. 40% продукции машиностроения производилось на ленинградских заводах. От того, как одевались, обувались, питались, отдыхали рабочие и служащие, в большой степени зависела индустриальная мощь государства, их идеологические установки и политические настроения. Отсюда — особая роль петроградской-ленинградской кооперации, которая взяла на себя немалую часть забот о снабжении жителей города продуктами, об организации их быта, досуга.

¹ XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М., 1930. С. 37–38.

² Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РП(б)–ВКП(б). 1923–1928. Том 1. 1923–1926. М., 2007. С. 169.

Встаёт вопрос: какими средствами решала кооперация поставленные задачи? Кооперация в условиях новой экономической политики тесно взаимодействовала с самыми различными сферами экономической, политической, духовной жизни. Это делает очень важным и необходимым её изучение. Но, в то же время, создаёт немалые трудности для исследователя, ибо ему нужно проследить множество таких взаимодействий.

При этом автор постоянно ощущал потребность в целостном восприятии новой экономической политики. Дело в том, что оценка нэпа в отечественной историографии несколько раз менялась абсолютно, в данном контексте трансформировалось полностью и общее представление о кооперации. В советские доперестроечные годы нэп определяли как вынужденную политику пролетарского государства, нацеленную на преодоление буржуазных отношений; соответственно и кооперативы успешно двигались к этой цели.¹

В годы перестройки нэп — и прежде всего его кооперативную организацию — идеализировали как воплощение гуманистических демократических начал социалистического строительства.²

В постперестроечный период новая экономическая политика чаще всего характеризовалась обреченной на провал в условиях партийной диктатуры попыткой возрождения страны; с самого начала кооперация агонизировала под ударами складывавшейся командно-административной или тоталитарной системы. Государство рассматривало её как оплот оппозиции и всячески третировало.³

Научные парадигмы менялись, но одно важное направление поиска осталось неизменным. Авторы пытались понять нэп и кооперацию, в первую очередь трактуя директивы партийно-государственных органов и характеризуя комплекс вырабатываемых мероприятий. «Дедуктивный» метод поиска истины не учитывал важнейшего обстоятельства: в России основным средством борьбы с дурными законами и распоряжениями «верхов» всегда было дурное их исполнение «низами». Небольшое отступление: по данным газеты «Известия»

¹ Экономическая политика Советского государства в переходный период от капитализма к социализму. М., 1986. С. 24–26.

² Страницы истории советского общества. Факты. Проблемы. Люди. М., 1989. С. 121.

³ Файн Л. Е. Нэповский эксперимент над российской кооперацией. — Вопросы истории. 2001. №7. С. 35; Россия нэповская. Исследования. Под ред. С. А. Павлюченкова. М., 2002. С. 47.

(2 ноября 1923 г.), на 30 тыс. деревенских жителей приходилось 15 коммунистов, 1 милиционер следил за порядком в 12,5 деревнях. Бряд ли можно говорить о партийно-государственном диктате.

Автор — сторонник своего рода «индуктивного» (от частного к общему) пути научного движения — делает попытку определить, как и чем жили кооператоры Петрограда-Ленинграда, что представляли собой их «низовые», «первичные» (термины 20-х гг.) объединения, как они боролись за хлеб насущный и как выживали в непростых экономических и административных обстоятельствах.

Заинтересовавшись темой, автор познакомился с трудами предшественников, сосредоточившихся на изучении истории кооперации. И убедился, что уже в 1920-е гг. вышло в свет немало соответствующих работ. Создателями их были чаще всего практики, вырвавшиеся на некоторое время из водоворота событий к письменным столам. Основное внимание уделялось проблемам потребительской кооперации и её борьбы с частным капиталом. Авторы в идеализированном виде представляли практическое значение идей В. И. Ленина, сформулированных в работе «О кооперации». А после того, как И. В. Сталин на XIV съезде партии упомянул о «кооперативном плане Ленина», вся кооперативная политика стала сводиться к воплощению в жизнь этого плана.¹ В 1930-е гг. на долгих два десятка лет на исследование проблем было наложено идеологическое табу.

1950–1980-е гг. составили новый этап в изучении темы. Правда, работ по истории петроградской-ленинградской кооперации не появилось. В общих трудах акцент делался на руководстве кооперацией в годы нэпа со стороны партии и государства, которое представлялось в виде отлаженного механизма реализации мифического ленинского кооперативного плана. Авторы с удовлетворением прослеживали процесс укрепления «социалистического» (читай: партийно-государственного, диктаторского) влияния и изживания «капиталистических» (по сути, рыночных, демократических) элементов в кооперации.²

¹ См.: *Гриценко И. Ф., Меркулов А. В.* Систематический указатель литературы по кооперации. 1856–1924 гг. М., 1925; *Меркулов А. В.* Систематический указатель кооперативной литературы, вышедшей в СССР в 1925 и 1926 гг. М., 1927; Библиографический десятигодник по кооперации. 1917–1927 гг. М., 1928.

² *Булатов И. Г.* Кооперация и ее роль в подготовке сплошной коллективизации М., 1960; *Бузлаева А. И.* Ленинский план кооперирования мелкой промышленности СССР. М., 1969; *Морозов Л. Ф.* От кооперации буржуазной к кооперации социалистической. М., 1969; *Степин А. П.* Социалистическое преобразование обществен-

В 1990 гг. — начале XXI в. вышли в свет труды, крайне противоречиво толкующие историю кооперации 1920-х гг. Например, имеется ввиду обобщающая работа ведущего исследователя Л. Файна. Леонид Ефремович, с одной стороны, указывает на невозможность восстановления кооперации в условиях насильственного и фари-сейского нэповского «эксперимента»; с другой, пишет о восстановлении её самостоятельности, о быстром расширении свойственных ей хозяйственных функций и т. д.¹

Противоречие обусловлено явным недостатком понимания механизмов деятельности так называемых «низовых» или «первичных» товариществ и обществ. При этом условия и результаты работы последних вызывают интерес ученых, исследующих проблемы истории повседневности. Так, рассказ о потребительских обществах Петрограда-Ленинграда обнаруживаем на страницах книги Н. Б. Лебиной и А. Н. Чистикова.² На истоки советской жилищной кооперации обращается внимание в трудах М. Г. Мееровича и Н. Б. Лебиной.³

Между тем не выяснены формы взаимодействия городской кооперации с директивными органами и с рыночными структурами. Мы не имеем сколько-нибудь полного представления о вырабатываемых кооперацией стимулах к труду, о принципах взаимоотношений между городскими, районными союзами, «первичными» коллективами, между отдельными кооперативами, между членами и руководителями каждого из них. При разработке этих тем автор опирался на большой и разнообразный исторический материал, извлеченный из многих фондов пяти петербургских и московских архивов, а также обнаруженный в опубликованных сборниках доку-

ных отношений средних городских слоев. М., 1975; *Дмитренко В. П., Морозов Л. Ф., Погудин В. И.* Партия и кооперация. М., 1978; *Дмитренко В. П.* Торговая политика советского государства после перехода к нэпу. М., 1971; Его же. Советская экономическая политика в первые годы пролетарской диктатуры. М., 1986; *Файн Л. Е.* Развитие кооперации в СССР в 20-е годы. Иваново, 1988; Индивидуально-кооперативный сектор. Перспективы развития. М., 1989.

¹ *Файн Л. Е.* Нэповский эксперимент... С.43, 45, 46, 54.

² *Лебина Н. Б., Чистиков А. Н.* Обыватель и реформы. Картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевского десятилетия. СПб., 2003. С.71–75.

³ *Меерович М. Г.* Рождение и смерть жилищной кооперации. Иркутск, 2004. С. 99–107; Он же. Наказание жилищем. Жилищная политика в СССР как средство управления людьми. 1917–1937. М., 2008. С.85–95; *Лебина Н. Б.* Повседневная жизнь советского города. Нормы и аномалии. 1920–1930-е годы. СПб., 1999. С.185.

ментов и на страницах старых газет и журналов. Особо подчеркнем, что большая часть фотоматериалов, помещенных на страницах этой книги и содействовавших более основательному осмыслению истории повседневности, обнаружена автором в Центральном государственном архиве кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга (ЦГА КФФД СПб).

Обратимся к небольшому экскурсу в далекое прошлое. Кооперация возникла и распространилась в Европе в XIX в. Постепенно выкристаллизовывались её основополагающие принципы — достижение общественно-значимых целей, распределение дохода на демократических началах, общественное самоуправление и равноправие членов (все имели по одному голосу независимо от количества паев). Большое значение придавалось финансовой дисциплине и бережливости, достигаемых за счет отлаженного управления, контролируемого общим собранием членов. Эти принципы в совокупности впервые воплотились в деятельности «Общества справедливых рочдельских пионеров». Считается, что ткачи маленького английского городка Рочдель были основателями подлинной — без натяжек — кооперации. Они собрали паевые вклады и в декабре 1844 г. открыли в полуподвальном помещении на захолустной улице Жаб «потребительскую лавку». Членам кооператива товары отпускались дешевле, чем в частной торговле, ибо прибыль шла в дело, а не в карман хозяина. В итоге у ткачей нашлось огромное множество последователей в разных странах.

В России новое движение стало распространяться в 1860–1870-е гг. вместе с общественным подъемом, вызванным реформами Александра II. Первыми ласточками были образованные в Петербурге ссудо-сберегательные товарищества ремесленников, потребительские общества «Бережливость» и «Общая польза». Кооперативную сыроварню по швейцарскому образцу организовал Н. В. Верещагин — брат известного художника.

К началу I мировой войны в кооперативах участвовали миллионы россиян. В 1908 г. в Москве состоялся Первый Всероссийский съезд кооператоров. Делегат от Петербурга Е. Д. Максимов (литературный псевдоним М. Слобожанин) рассказывал: «Движение пошло вглубь, в народную массу».¹ Были открыты кооперативные институты в Москве и Санкт-Петербурге, в средних школах чита-

¹ Слобожанин М. Смотр кооперативным силам. СПб., 1909. С.20, 32.

лись обязательные курсы по кооперации. Примечательно, что ни в одной стране мира к 1917 г. не издавалось столько кооперативной литературы, как в России.

Деятели кооперации сыграли немалую роль в развитии событий, происходивших в 1917 г. Примечательно, что некоторые из них вошли в состав Временного правительства. Работники Всероссийского центрального союза потребительских обществ — Центросоюза (до 1917 г. — МСПО) П. Н. Колокольников и А. Н. Никитин стали: первый — министром труда, второй — министром почт и телеграфа. В. Н. Зельгейм занимал пост товарища министра земледелия. Председатель созданного в марте 1917 г. совета Всероссийских кооперативных съездов С. Н. Прокопович возглавил Министерство продовольствия, которое сформировал почти полностью из кооператоров.¹

Кооперация выступила проводником экономической политики марта — октября 1917 г. Этой её роли соответствовал экономический потенциал органов «самопомощи». В 1917 г. число кредитных, ссудосберегательных, сельскохозяйственных, потребительских обществ и товариществ достигло 46 тыс.; в них объединялось до 18 млн. чел. Торговые обороты одной сельскохозяйственной (в том числе маслодельной) кооперации достигли в тот год 1 млрд. золотых рублей. По численности кооперативов, темпам их роста Россия занимала первое место в мире. Но этого было еще недостаточно для страны с необозримыми просторами: по данным секретаря Московского комитета о сельских товариществах В. А. Кильчевского, только в Европейской России требовалось создать 275 тыс. рационально действующих кооперативов. Однако времени на это история не отпустила.²

Временное правительство сделало ставку на кооперацию как на самую массовую общественную организацию. Одним из первых его законодательных актов было принятое 20 марта «Положение о кооперативных товариществах и союзах», в соответствии с кото-

¹ Билимович А. Д. Кооперация в России до, во время и после большевиков. Франкфурт-на-Майне, 1955. С. 33; Хижняков В. История и организация Совета Всероссийских кооперативных съездов. М., 1919. С.8; Хейсин М. Л. Исторический очерк кооперации в России. Л., 1926. С. 127, 128.

² Меркулов А. В. Вопросы кооперативного движения в России. Пг., 1918. С. 138; Николаев А. А. Революция и кооперация. Год русской революции. Сб.соч. М., 1919. С. 224; Фроммет Б. 25 февраля 1917 г. — 1 января 1918 г. — Вестник кооперации. 1918. № 1–2. С. 85.

рым снимались все преграды на пути организации кооперативов и их объединений (в 1917 г. возникло около 1 тысячи союзов обществ и товариществ). Через пять дней после этого правительство ввело хлебную монополию и издало «Временное положение о местных продовольственных органах». Все излишки зерна, фуража объявлялись государственной собственностью. Предпочтение в их заготовке отдавалось кооперативам и общественным организациям, из представителей которых формировались продовольственные комитеты.

Многочисленные кооперативные склады, элеваторы, транспортные средства, конторы, закупочные бюро и т. п. были полностью использованы для проведения хлебозаготовок, распределения продуктов. Член Совета всероссийских кооперативных съездов А. М. Беркенгейм рассказывал: «Нам было предложено тогда помочь правительству в продовольственном деле. И скромно, без единого слова отступая назад на политической арене, принялись мы за это дело».¹ При активнейшем участии кооперации за 8 месяцев удалось заготовить 360 млн. пудов зерна. Это хороший результат, если учесть, что советская власть в 1917–1918 гг. заготовила в 6 раз меньше, а за последние 8 месяцев существования царского режима указанные заготовки были только на 5 млн. пудов больше.² Кооперативы приняли самое деятельное участие в распределении продуктов. В Петрограде через торговую сеть потребительской кооперации население покупало 48% молока, 25% молочных продуктов, 45% картофеля и т. д. В 1917 г. только общества и союзы потребителей обеспечили треть розничного товарооборота.³

Работники российской кооперации справились с поставленной перед ними задачей и делали все возможное для недопущения гибели демократии по причине обострения продовольственного кризиса (думается, причину этой гибели следует искать в перипетиях политической борьбы). В целом, в 1917 г., когда работники потребительских, сельскохозяйственных, кредитных обществ и това-

¹ Речь А. М. Беркенгейма. — Государственное совещание. М.—Л., 1930. С. 297.

² Волобуев П. В. Экономическая политика Временного правительства. М., 1962. С. 442; Прокопович С. Н. Народное хозяйство СССР. Т. 2. Нью-Йорк, 1952. С. 152; Продовольственная политика в свете общего хозяйственного строительства. Сб. материалов. М., 1920. С. 175.

³ Бюллетень Центральной управы Петроградского продовольственного совета. 1918. 6 июня. № 15. С. 4, 5.

риществ достигли наибольшего влияния на хозяйственную жизнь страны, выявились формировавшиеся на протяжении многолетнего предшествовавшего периода позитивные тенденции развития кооперации в России.

Воспоминания о благах, приносимых кооперацией, позволяют сотням тысяч российских граждан в 1920-е гг. на время и в неполном виде возродить разрушенную кооперативную традицию.

В 1918–1921 гг. «военный коммунизм» нанес российской кооперации жестокий урон. Она была огосударствлена, а её организация превратилась в бюрократический распределительный аппарат. Однако так продолжалось недолго, и устои кооперации разрушены не были. Думается, с переходом к нэпу кооперация в нашей стране ещё имела возможность развиваться на основе прочной и плодотворной традиции (отечественной и западной). Не случайно иностранцы, побывавшие в 1922 г. на петроградских кооперативных конференциях, писали у себя на родине, что они не увидели почти никаких отличий от таких же коопфорумов в Англии, кроме разве что «головных уборов, которые многие делегаты не снимали, и неизбежных папирос тех, которые в данный момент не выступали активно».¹ Попытаемся разобраться в сложном механизме деятельности разных видов кооперации в Петрограде-Ленинграде на этапе новой экономической политики.

¹ Цит. по: Петроградская кооперация. 1922. 10 июня.

І. ОТХОД ОТ «ВОЕННОГО КОММУНИЗМА»: 1921–1924 гг.

Заседание Исполкома Петросовета 9 апреля 1921 г.

Деятель меньшевистской партии Е. А. Ананьин рассказывал о положении в Петрограде в 1920 г.: «Поездов не было или почти не было, изредка по Невскому проносилась правительственная машина с красным флагом. Мой родной город медленно погружался в агонию».¹ Петроградцами овладели уныние и апатия. Вот выдержки из их автобиографий: «...почувствовал сильную перегрузку во всем организме...», «по болезни тифа я больше не мог работать...», «...я был сильно болен и слаб...», «...больше не было сил...».

В полуразгромленном состоянии пребывала процветавшая в недавнем прошлом петербургская–петроградская кооперация. В 1921 г. члены сохранившихся промысловых артелей жаловались: «Голодные мы. Вот говорят нам: читайте, слушайте лекции. Слов нет. Хорошо бы поучиться, да голодное брюхо к учению глухо». Ситуация стала меняться с весны–лета 1921 г. ...²

9 апреля 1921 г. в Таврическом дворце было многолюдно. Здесь собирались члены Исполкома Петросовета на расширенное заседание. Между собой они горячо обсуждали только что увиденное на петроградских улицах. Торговцы, недавно преследуемые, не таясь, продавали дефицитные металлические ложки; было известно, что на протяжении всех лет гражданской войны государственные органы, как ни бились, наладить производство этих необходимых предметов не смогли. Другие рассказывали, что, проезжая по проспекту (в недавнем прошлом — Невскому) 25 октября, видели, как

¹ *Ананьин Е. А.* Из воспоминаний революционера (1905–1923 гг.) — *Меньшевики*. Сост. Ю. Г. Фельштинский. Вермонт, 1988. С. 218, 219.

² *Чадаев В.* «Афтобеография» моей жизни. Л.–М., 1925. С. 43.

какие-то люди мыли витринные окна: питерцы уже стали привыкать к тому, что все магазины и рестораны на центральных улицах их города закрыты.¹ Много разговоров и споров вызвала повестка дня предстоящего заседания: об изменении положения кооперации. Сама постановка этого вопроса в новом свете была необычна. Почему? Вернемся на несколько лет назад.

Уже весной 1918 г. Петроград стал тем городом, в котором зародилось движение за ликвидацию негосударственной торговли, да и предпринимательства в целом. Причины обнаруживаем в эгалитаристских установках новых властителей, а также в их стремлении поскорей отыскать «буржуазных» виновников серьезных продовольственных затруднений (снабжение Петрограда целиком зависело от транспорта, который работал всё хуже). При этом нередко не делали различия между кооперативными и частными предпринимателями. Например, кооператоры, по утверждению «Вестника Совета 1-го городского района», не только не безвреднее частных торговцев, но и вреднее последних, так как спекуляции лиц, именующих себя кооператорами, производятся ими даже не на собственные, а на общественные деньги... Под наименованием кооператива производят самым беззастенчивым образом торговлю со всеми признаками мародерства». На страницах газет даже частные заведения не получали таких аттестаций, которые давались товариществам и обществам: «поганные грибы», «обдираловки».²

Как представляется, значительная часть жителей Петрограда не доверяла большевистской пропаганде. Рабочие крупнейших предприятий Петрограда требовали восстановления свободы торговли при одновременной передаче права ведения закупок и распределения продуктов ещё сохранившимся кооперативам, которые объединялись вокруг Петроградского союза потребительских обществ (ПСПО). Соответствующие резолюции были приняты в мае–июне 1918 г. на многотысячных митингах трудящихся Путиловского и Обуховского заводов, Путиловской верфи. Реакция властей последовала немедленно. В конце июня был арестован и расстрелян член правлений ПСПО и Общества доступных обедов меньшевик И. В. Васильев. Показательно, что арест и убийство

¹ Лебина Н. Б., Чистиков А. Н. Обыватель и реформы. СПб., 2003. С. 69.

² Цит. по: Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и гражданской войны. СПб., 2000. С. 184.

произошли в день избрания Васильева председателем правления крупнейшего Удельного потребительного общества.¹

Большое значение имело принятие 26 ноября 1918 г. Декрета Совета народных комиссаров об организации снабжения. В соответствии с ним активизировался процесс закрытия негосударственных магазинов, лавок, столовых, мастерских. Вопреки ожиданиям властей, их товары в ходе антибуржуйской кампании расхищались и не попадали на склады форсированно создаваемой централизованной сети немногочисленных крупных государственных предприятий.

В управление доставкой и распределением продовольствия и товаров ширпотреба была внесена полная сумятица. Ими руководили многочисленные структуры, функции которых дублировались. Это — Комиссариат снабжения и распределения Союза коммун Северной области, Комиссариат городского хозяйства, Петроградский Комиссариат продовольствия, Совнархоз Северной области, Комиссариат финансов и т. д.²

Беспорядок в сфере организации снабжения и распределения распространился на все советские регионы. В 1919 г. делается попытка стабилизировать ситуацию за счет огосударствления разветвленного кооперативного аппарата всех видов и уровней. Планировалось превратить его в монопольную распределительную организацию; в один большой распределитель продуктов, полученных от другого монополиста — уже в области заготовок — Наркомата продовольствия. Вводилось так называемое «обязательное членство». Все трудящиеся объявлялись членами кооперативов, закреплялись за определенными лавками и отоваривались только в них по талонам и карточкам. Работа всех видов кооперации была централизована, подчинена огосударственному центру потребительских объединений — Центросоюзу, осуществлялось под контролем и по заданиям государства. Её самостоятельность и самостоятельность упразднялись. Внешне, по форме это выглядело как коммунизм в сфере распределения, хотя и военный.

В некоторых городах, в том числе в Петрограде, пошли дальше по пути централизации. Председателю исполкома Петросвета, кандидату в члены Политбюро ЦК РКП(б) Г. Е. Зиновьеву импони-

¹ Собрание уполномоченных и питерские рабочие в 1918 г. Документы и материалы. СПб., 2006. С. 879, 880.

² Петроград на переломе эпох... С. 165, 167, 168, 169, 185.

ровала идея усиления государственного вмешательства в распределительные отношения. В виде эксперимента были слиты губпродком и кооперативные центры, на территории Петрограда возник единый государственный продовольственный орган — Петроградская потребительская коммуна (Петрокоммуна), а с 1920 г. её влияние распространилось и на губернию, образовалась Петрогубкоммуна. Она организовывала подразверстку. Заготовленные продовольственными отрядами в деревне, продукты, изъятые у мешочников, работники той же Петрогубкоммуну распределяли по карточкам или по спискам, денег с населения не требовали. Карточки изготовлялись экспедицией продзнаков.¹ Самыми популярным фамилиями в городе стали А. Бадаев и А. Куклин, подписи которых стояли на них. Было открыто несколько сотен «питательных пунктов-столовых», всеобщее коммунальное питание оценивалось как фактор продвижения к социализму. Унификация, стандартизация экономических отношений и идеологический диктат тесно переплелись. Между тем и новая система работала очень плохо.

В правление Петрокоммуны шли сообщения о «громадном количестве хищений» на хлебозаводах, которые «служили питательным пунктом для всех лиц, имевших почему-либо возможность попасть туда». Крупный профсоюзный работник Н. Анцелович сообщал в докладной записке Г. Е. Зиновьеву о катастрофических масштабах порчи картофеля в столовых, о равнодушном отношении их служащих к продуктам, о воровстве. Комиссар Петрогубкоммуну А. С. Куклин в начале 1921 г. утешал рабочих, жаловавшихся на утечку продуктов из подчиненной ему организации, тем, что крадут не очень уж и много ... только 20%.²

Возникли всё новые контролирующие и дублирующие организации. Необычайно разбух аппарат Петрогубкоммуну — до 60 тыс. чел. Это было немногим меньше численности рабочих предприятий Петрограда (всего к 1921 г. в городе оставалось около 700 тыс. чел.). Однако и этому аппарату не удалось сделать невозможное — ликвидировать рынок, товарные отношения и в то же время навести порядок в сфере распределения. Несмотря на все запретительные меры, мелкая нелегальная торговля — мешочничество — получила

¹ Кабанов В. В. Октябрьская революция и кооперация (1917–март 1919 гг.). М., 1973. С. 217–218; Петрогубкоммуна. Справочник. Пг., 1921. С. 3–7.

² См.: Воля России. 1922. Вып. IV. Прага, 1922. С. 29.

чрезвычайно широкое распространение. Скажем больше: никогда ранее в торговле не участвовала активно такая значительная часть населения, как в период «военного коммунизма».¹

Испытанию подверглась в годы гражданской войны промысловая кооперация Петрограда. В 1918 г. в Петрограде насчитывалось несколько десятков крупных промкооперативов. «Артель портных около Варшавского вокзала, артели сапожников, артель рабочих бывшего завода минеральных вод и другие вели нищенское существование, — рассказывал кооператор Е. Гудков. — Встреча с этими стихийно возникшими рабочими артелями побудила меня к организации Производсоюза [их городского центра — А. Д.]. Производсоюз занялся хозяйственным обслуживанием петроградских артелей и созданием новых. В конце 1919 г. был образован Артель-трудсоюз (позднее — Северокустарь) — областной центр. Инициатором его организации выступил Производсоюз.

Городские артели изготовили тысячи санок, ручных тележек, ящиков, сковород и даже участвовали в ремонте кораблей Балтийского флота. 56 тихвинских артелей буквально спасли город, заготовив 120 тыс. кубометров дров.

Уже упоминалось, что «военный коммунизм» предполагал уничтожение самостоятельности отдельных видов кооперации: в частности, промысловая починалась потребительской и её органам. Однако объединения промысловых кооперативов сохранили свой прежний статус, были «забронированы». В их число вошли производившие продукцию для Красной Армии Производсоюз и Артель-трудсоюз. Они оказались в ведении Губернского комитета кустарной промышленности (Губкустпрома). Последний финансировал ремесленников и являлся монополистом в распределении сырья и готовой продукции. Хотя организация кооперативов осталась прежней: на общих собраниях принимались основные решения. Контролировать такую структуру было непросто, и власти проявляли недовольство.

На протяжении всех лет «военного коммунизма» ощущалось подозрительное и даже враждебное отношение со стороны государственных органов к объединениям кустарей и ремесленников Петрограда. «Кустарничество — язва народного хозяйства», — таким

¹ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб). Ф. 1000. Оп. 3. Д. 174. Л. 100, 101, 106, 107; *Арский Р.* Восемь лет на хозяйственном фронте. Л., 1925. С. 69; *Юровский Л. Н.* Денежная политика Советской власти. М., 1928. С. 63.

был один из лозунгов тех лет. При этом не очень-то разбирались, где кооператив, где кустарь-одиночка, где владелец мастерской с наемными рабочими.¹

В 1920 г. развернулась кампания преследования членов промысловых товариществ и обществ. Показательно, что 28 февраля на заседании Политбюро ЦК РКП(б) при рассмотрении вопроса «о порядке ареста работников кооперации» было рекомендовано ограничить рвение чекистов. Суть дела раскрывалась в помещенном в газете «Правда» 28 апреля и подписанном лично Ф. Э. Дзержинским сообщении ВЧК под названием «Белогвардейские кооператоры». В нем Феликс Эдмундович обвинял кооператоров бывшей и новой столиц в подготовке к «оккупации Петрограда» генералом Н. Юденичем осенью 1919 г. В доказательство приводился текст директивы правления Центросоюза, направленной «накануне ожидавшейся оккупации» заведующему петроградским отделением этой организации В. Н. Крохмалю. В директиве московское руководство требовало от петроградских коллег усилить, не считаясь с затратами, поиск и закупку товаров — льна, пеньки, леса... «до книг включительно», а также ускорить отправку закупленного в Москву. Непонятно, почему на этом основании Дзержинский выдвигал обвинение в «подпольной» деятельности и «закулисной политике».² Тем не менее, дело кооператоров стало раскручиваться. Был арестован ряд руководителей Центросоюза. При этом в Петрограде удар нанесли в первую очередь по промысловым товариществам, так как особой опасности со стороны огосударствленных «потребительских коммун» власти не ожидали.

Уже через три дня после выступления Ф. Э. Дзержинского с сообщением в «Правде» петроградские чекисты атаковали местных кооператоров. Это произошло 1 мая 1920 г. На этот день правление Производсоюза назначило праздничный концерт. Правленцы разослали пригласительные билеты руководителям артелей, передовым их членам. В самый разгар торжества присутствующие в зале были арестованы Петроградской ЧК. После допросов их одного за другим освобождали. Но кооператоры были в ужасе. На

¹ Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге (далее ЛО-ГАВ). Ф. 2578. Оп. 4. Д. 48. Л. 41; ЦГА СПб. Ф. 1284. Оп. 3. Д. 221. Л. 20; Производсоюз. 1920. № 3–6. С. 27; № 7–9. С. 19; № 10–12. С. 25, 35.

² Ф. Э. Дзержинский — председатель ВЧК—ОГПУ. 1917–1926. Документы. М., 2007. С. 170, 171, 183, 184.

торжественное заседание, посвященное второй годовщине Производсоюза, к которой очень долго и тщательно готовились, почти никто не явился — люди боялись.

Думается, кампания, вызванная выступлением Дзержинского в «Правде» и действиями представителей его ведомства, развязала руки чиновникам и реабилитировала применение насилия в отношении товариществ и обществ. Приведем типичный факт. В январе 1921 г. по приказу председателя исполкома Совета Первого городского района Мариампольского был поставлен караул у входа в мастерскую обувной артели. Обувщиков не выпускали наружу до тех пор, пока они не согласились направить несколько человек для работы в районной коммунальной службе. Это была своего рода барщина. Примечательно, что история получила огласку, но никакого наказания чиновник не понес.¹

Курс на уничтожение остатков независимости кооперативов, фактическое упразднение успешно действовавших потребительских обществ, крайняя неэффективность работы нового революционного кооперативно-продовольственного органа и, отчасти из-за всего этого, острая нехватка продуктов и товаров — вот некоторые элементы назревавшего кризиса политики «военного коммунизма» на Северо-Западе страны и в республике в целом.

«Военный коммунизм» — социально-экономическая политика, которая сначала формировалась под влиянием чрезвычайных обстоятельств (голода, топливного и транспортного кризисов и т. д.). Но со временем большевистские правители увидели в ней средство ускоренного построения социализма.

Свободная торговля была заменена государственным распределением посредством введения принудительной кооперации населения. Национализировалась крупная, средняя промышленность и даже мелкие предприятия. Введение продразверстки (в начале 1919 г.) форсировало насильственное изъятие государством хлеба у крестьян. Быстро утверждалась военно-приказная система руководства всей жизнью общества. Отменялись «буржуазные» право и суд. Российские граждане попали в полную зависимость от местного начальства. Например, еще в 1924 г. делегат XIII съезда партии Бергавинов с ностальгией вспоминал о военно-коммунистическом времени, когда можно было, придя к соседу, «в порядке революци-

¹ ЦГА СПб. Ф. 1284. Оп. 3. Д. 221. Л. 20.

онного творчества взять себе курку и зажарить».¹ Главное состояло в том, что труженики окончательно лишались стимула к производительному труду.

Политика «военного коммунизма» к концу 1920 г. полностью изжила себя, ибо с окончанием основных боевых действий никаких оправданий её сохранения не оставалось. Вместе с тем, выступая в конце декабря 1920 г. на VIII Всероссийском съезде Советов и характеризуя планы экономического развития страны на 10–15 лет, В. И. Ленин ставил задачи укрепления трудовой дисциплины, расширения пропаганды и агитации, «премирования натурой» хороших работников и т. д.² Но ничего не было сказано о принципиальных изменениях старой экономической политики (её так скоро и назовут — «сэп», отличая от «нэпа»).

Лишь массовые крестьянские восстания, забастовки на предприятиях и бунт кронштадтских моряков поставили большевистскую партию и Советскую власть на край пропасти. «Экономика весны 1921 г. превратилась в политику “Кронштадт”», — формулировал Ленин.³ Спасаясь от гибели, пришлось экстренно менять курс.

На X съезде РКП(б) в марте 1921 г. состоялось провозглашение некоторых принципов новой экономической политики. Во-первых, грабительская продразверстка заменялась пропорциональным продовольственным налогом, исчисляемым в зависимости от количества пахотной земли. Оставшуюся продукцию крестьянин имел право продавать, но на первых порах только по твердым ценам и исключительно через государственные или кооперативные магазины. Эта система товарообмена не оправдала себя, и осенью 1921 г. её заменили товарно-денежными отношениями. Во-вторых, было санкционировано восстановление частной собственности и свободы торговли. Уже в мае-августе 1921 г. денационализируются мелкие предприятия, начинают сдаваться в аренду кооперативам и частным лицам государственные предприятия, стала взиматься плата за все отпускаемые государством товары, восстанавливались кооперативные центры. Как видим, в комплексе мер, именуемых нэпом, кооперации отводилось важное место...

¹ Тринадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1963. С. 472.

² Ленин В. И. Полное собрание сочинений (ПСС). Издание пятое. Т. 42. М., 1963. С. 147, 150, 151, 157, 159

³ Там же. Т. 44. С. 309.

И вот — 9 апреля 1921 г. Колонный зал Таврического дворца. На трибуне — председатель исполкомов Петросовета и Коминтерна, член Политбюро ЦК РКП(б) Г. Е. Зиновьев. Он говорит, что являлся одним из составителей декрета о потребительской кооперации, принятого Совнаркомом 7 апреля. Депутаты ещё не успели ознакомиться с документом, и Зиновьев изложил основные его положения. Кооперации разрешалось закупать у крестьян продукты их труда. До этого она выполняла лишь распределенческие функции. Хотя, напомним, в Петроградской губернии был проведен «эксперимент», и кооперация стала заниматься организацией продразверстки, но это же не товарообмен и не закупки. Кроме того, намечалось ослабить административный контроль государства за кооперацией. По сути, декрет от 7 апреля признал неудачу попытки организации всеобъемлющей государственной системы распределения и обмена, осуществлявшейся под кооперативной ширмой в течение почти двух лет.

Зиновьев сообщил далее, что в комиссии принципиальных споров о восстановлении функций кооперации, расширении её прав не возникало. По залу прокатилась волна шума — всем было известно «военно-коммунистическое» отношение Григория Евсеевича к кооперации. Депутаты поняли, что для их председателя Кронштадтское восстание и забастовки рабочих Петрограда в феврале — марте 1921 г. стали серьезным потрясением и уроком. Это заставило присутствовавших в зале осознать серьезность происходивших изменений. Выступление председателя исполкома Петросовета многое прояснило. Ведь депутаты были в курсе особого мнения наркома продовольствия А. Д. Цюрупы. На X съезде партии он сильно сомневался в целесообразности изменения отношений между государством и кооперацией, которая, по его мнению, была «враждебной».¹

Зиновьев продолжал: «При выработке декрета возник довольно крупный спор относительно одного вопроса — вопроса о взимании взноса. Было 3 точки зрения: одна — за обязательность взимания, другая — чтобы оставить нынешнее положение, запрещающее, и, наконец, — третья допускала добровольность, т. е. в зависимости от того, как хочет данный кооператив». И комиссия — это так не вяжется с «военно-коммунистической» идеологией директивности — высказалась за то, чтобы не связывать руки кооператорам, т. е. за третью точку зрения.

¹ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 5. Д. 42. Л. 1, 2, 5; Собрание узаконений. 1921. № 26. С. 150; Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет. С. 420, 421.

Декретом обязательность членства в кооперации сохранялась, но разрешалось создавать заводские или территориальные (уличные, домовые) добровольные потребительские общества (ДПО). «Прежде всего нужна личная заинтересованность каждого рабочего, — подчеркивал Зиновьев, — если он больше выработал, то, чтобы больше получил. Единицей, которая производит обмен [на продукты сельского хозяйства — А. Д.] является заводской кооператив, чтобы не вышло, что каждый отдельный рабочий будет обменивать. Хлынет в деревню поток людей, железные дороги перевозить не смогут».

Зиновьев только что из Москвы, времени на подготовку речи не было. Он говорит без бумажки, взволнован. Зиновьев завершает: «Товарищи, конечно, эти новые шаги Советской власти вызывают много недоумений и неясностей». Тут, думается, выразилась и растерянность самого Зиновьева. Между тем речь закончена, в зале — тишина.

На взгляд современного читателя, ничего особенного Г. Е. Зиновьев не сказал. Буря в стакане воды? Отнюдь. Поставьте себя, читатель, на место революционера 1921 г. Кооперация была настолько широко распространена, что предоставление ей свободы означало радикальное усиление самостоятельности огромной части населения, в том числе и «бывших людей» (термин послереволюционных лет, которым определялись некоторые категории свергнутых классов). Следовательно, серьезно ослаблялась контрольная функция «пролетарского» государства. Теперь ясно, почему выступивший вскоре после Зиновьева депутат Петросовета Лунин, сильно волнуясь, заявлял: «То, что я слышал, мне перевернуло голову». Затем раздался еще один голос: «Мы подрываем организованный коммунизм для товарообмена».

Настроения значительной части собравшихся в зале Таврического дворца характеризовало выступление деятеля Петрогубкоммуну с необычной фамилией Г. Гегель.¹ Он говорил: «Читая этот декрет я чувствую, что в моей голове переворот. Я чувствую, что в Москве полная свободная торговля, что здесь тоже что-то творится... Мы без кооперации никак не обойдемся. Я хотя и не согласен,

¹ Маловероятно, что Г. Гегель — настоящая фамилия петрокоммуновца, в прошлом рабочего-коробочника; видимо, увлеченный философией, он взял в качестве псевдонима фамилию великого немецкого ученого.

но делать нечего. Мы к ней должны подойти». Как видим, кооперация при переходе к нэпу начинала освобождаться по приказу сверху. Более того, нередко душители её вынуждались становиться освободителями. Это обусловило крайнюю противоречивость процесса возрождения, но не обрекало его фатально на гибель. Тот же Г. Гегель к середине 1920-х гг. станет активным деятелем городского потребкооперативного объединения и председателем правлений двух потребительских обществ, сначала — «Печатника», потом — «Нарврабкоопа».

Из текста стенограммы заседания исполкома Петросовета следует также, что часть депутатов — Рудаков, Далеман, Устинов — отнеслись к положениям нового декрета спокойно, по-деловому. Они-то и начали конкретный разговор о том, как возродить кооперацию. Было, в частности, предложено в ближайшие месяцы упразднить потерявшую доверие у трудящихся Петрогубкоммуну и приступить к созданию центра потребительских кооперативов — Петроградского единого потребительского общества.¹

На заседании депутаты избрали комиссию для содействия проведению декрета от 7 апреля в жизнь.

Переломный период

Революционная власть в первые годы нэпа делает попытку серьёзно изменить свой облик. Прежде всего, резко сокращаются масштабы применения насилия. В 1921 г. ВЧК официально отвергла «устаревшие методы работы» (т. е. нерассуждающее насилие) и приступила к пересмотру дел ранее осуждённых. Псковская губчека пошла дальше, и издала специальное распоряжение, в котором говорилось, что ни один гражданин не должен страдать за прошлые грехи, если он в настоящее время не проявляет подобных действий. От года к году в разы сокращалось количество приговорённых к высшей мере «социальной защиты», увеличивалась численность амнистированных. В 1922 г. предельный срок тюремного заключения уменьшается до 5 лет.² И всё это — на фоне серьёзных социально-экономических преобразований.

¹ ЦГА СПб. Ф.1000. Оп. 5. Д. 42. Л. 21, 23, 24, 25, 27, 35.

² Булдаков В. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 264–265.

«Перелом до того крутой, обстановка, в которой он происходит, так необычна, что все слова теряют свою силу, и люди проникнуты таким недоверием, что скоро, кажется, начнут сомневаться в своём существовании. До какой степени будет ликвидирован вчерашний день? Не может ли произойти обратный поворот? Эти вопросы висят над всей страной. Они давят на волю и сковывают руки», — писал вскоре после введения новой экономической политики Петроградский кооператор С. А. Кливанский.¹

Граждане привыкли не доверять большевистскому государству. И нэп многие петроградцы восприняли как провокацию. Дело в том, что в 1918–1920 гг. власти время от времени — в самые голодные месяцы — допускали так называемое «льготничество» (льготный, т. е. не подлежащий конфискации заградотрядами провоз небольшого количества продуктов). Люди опасались, что снова начался «льготнический» период — просто более продолжительный. Показательно, что артельщики в 1921 г. чаще всего приходили в контору «Производсоюза» на Невском проспекте с одним вопросом: можно ли теперь, не боясь конфискации, покупать и хранить необходимое сырьё?²

Партийное начальство старалось рассеять сомнения. В. И. Ленин организовал показательную встречу с Н. В. Некрасовым — бывшим видным кадетом и министром Временного правительства, под чужим именем работавшим до 1921 г. статистиком в Казани. Чекисты его арестовали и собрались расстреливать. Тут и вмешался Ленин. Он вызвал Николая Виссарионовича в Кремль, пожал руку, поинтересовался самочувствием, посоветовал не поминать старое и предложил возглавить финансовое управление Центросоюза. Забегая вперёд, скажем, что в 1930-е гг. Некрасов будет необоснованно репрессирован и погибнет. Тогда же (в 1921 г.), ошеломлённый чудесным спасением, Николай Виссарионович — по его собственным словам — был растроган «сердечностью» вождя.³

Большевистские агитаторы непременно использовали подобные факты при разъяснении сущности новой экономической политики. Одновременно происходило медленное насыщение рынка товарами. С течением времени люди поверили, что их не обманут. Тот же петроградский кооператор С. А. Кливанский в декабре 1921 г.

¹ Производсоюз. 1921. № 20–24. С. 23.

² Там же. 1922. № 1–4. С. 15–16.

³ См.: Днепроvский С. П. Кооператоры. М., 1968. С. 343, 344.

высказывал уверенность в том, «что полоса “военного коммунизма”, неразрывно связанная с определённой идеологией, сдана в архив».¹

Постепенно создавался новый хозяйственный механизм взамен военно-коммунистического, возрождались рыночные связи. Закрывались убыточные предприятия, техника и оборудование концентрировались на рентабельных фабриках и заводах, которые в свою очередь объединялись в хозрасчётные тресты. В два раза сократилась численность управленческого аппарата. Национализированные предприятия стали передаваться в аренду прежним или новым владельцам. Увеличивала производство — хотя и медленно — частная промышленность.

С большими проблемами встретилась петроградская государственная промышленность, в отдельные периоды она топталась на месте. Дело в том, что Петроград наиболее остро ощущал нехватку топлива — уголь, раньше ввозимый из Англии, теперь в город не поступал. В Петрограде делались попытки использовать местные топливные ресурсы, принимались меры по организации доставки угля из внутренних районов страны. Но преодоление топливного кризиса не могло быть скорым (оно произойдёт лишь в 1923 г.).² Между тем, нарастал поток возвращавшихся в Петроград бывших его жителей, покинувших город в годы гражданской войны. К тому же, в связи с переходом на хозрасчёт с предприятий увольнялись работники: там, где раньше трудились двое, теперь был занят один. В итоге, до августа 1921 г. в Петрограде безработных вообще не было, после — они появились, и численность их увеличивалась. Тем из них, которые успели поработать по найму не менее трёх лет, выдавались пособия в размере 15–30% среднего заработка. Остальные и этого не имели. На одно рабочее место, к примеру, на Государственном оптико-механическом заводе претендовали 12 человек; для них устраивали конкурсные экзамены.³

Очевидец, известный ленинградский художник Б. Ф. Семёнов, вспоминая события первых лет нэпа, писал: «Безработица стала повальным бедствием. На Петроградской стороне, у Сытного рынка стоял высоченный дом с круглой башней вроде каланчи — Биржа

¹ Производсоюз. 1921. № 20–24. С. 23

² Экономическая газета. 1923. 17 июня; Красная газета. 1922. 31 января, 24 мая, 4 декабря.

³ Красная газета. 1922. 3 мая; Справочник петроградского агитатора. 1921. № 8. С. 9; Неизведанными путями. Л., 1967. С. 302.

труда [ныне это Университет информационных технологий механики и оптики — А. Д.]. В залах и коридорах толпились в ожидании работы сотни людей всяческих специальностей... Там велась ежедневно возрастающая запись, переключка по утрам». Люди не падали духом и пытались самостоятельно найти выход из положения. Семёнов продолжал: «А вокруг открывались различные временные промыслы: кто варил дома постный сахар, кто мастерил вязаные галстуки, кто-то жарил пирожки...».¹ В этой связи кооперация (прежде всего промысловая) представляла собой альтернативу безработице. В частности, серьёзных хозяйственных успехов достигли кооператоры, объединившие безработных водолазов, автомобилистов и т. д.²

Быстро возрождались рыночные связи. В 1921 г. большинство трестов, совхозов, даже кооперативных объединений занялись почти исключительно торговыми операциями. Тогда даже слово «краском» (красный командир) приобрело иной смысл — красный комиссар. В январе 1922 г. в Петрограде открылась товарная биржа, расположившаяся в доме на Тучковой набережной Васильевского острова. Здесь встречались и заключали сделки владельцы самых разных товаров — среди них были и кооператоры.

Чуть ли не единственную возможность оздоровления экономики хозяйственники стали видеть в торговле. Сколько было споров о ней в первый год нэпа! С подачи Юрия Ларина — «неистового Роланда военно-коммунистической политики» (по словам одного из его оппонентов) — печать принялась сурово критиковать «разбазаривателей». Ларинцы рисовали картины отправки множества вагонов заводского оборудования в деревню, «на базар», «в обмен на масло»; выдвинули лозунги «коммунистической реакции», свертывания торговли. Против этого возражали некоторые руководители Высшего совета народного хозяйства (например, отец известного писателя крупный хозяйственник В. А. Трифонов), которые призывали не преувеличивать опасности со стороны торговли.

В 1921 г. началось формирование налоговых органов, уничтоженных за ненужностью.³ И тут кооперативы оказались в тупиковой ситуации. К 1922 г. размер налогов, акцизного сбора на коо-

¹ Семёнов Б. Ф. Время моих друзей. Воспоминания. Л., 1982. С. 55.

² Кооперативное строительство. 1928. № 5. С. 54, 55; № 11. С. 73.

³ Экономическая газета. 1923. 17 июня; Хозяйственный обзор Северо-Западной области за 1923–1924 гг. Л., 1925. С. 299; Петроградская кооперация. 1922. 17 октября, 17 июня.

перативные товары был столь велик, что превышал суммы паевых взносов, да и большую часть доходов потребительских обществ. Очень высоким промысловым налогом облагались пекарни, обойтись без которых в 1922 г. потребобщества не могли; до 48% полученного от пекарен дохода изымалось в виде налога. Если при кооперативе открывалась булочная, в которой продавали пирожные, то тут же устанавливался налог на предметы роскоши. Вводились многочисленные сборы для усиления местного бюджета. Вдобавок общества и товарищества делали отчисления на выборку патента, на аренду торгового помещения и транспорта.¹

Основным нормативным актом о промысловой кооперации первого периода нэпа стал декрет ВЦИК от 7 июля 1921 г. Кооперирование кустарей объявлялось государственно необходимым делом. Для работ вспомогательных или требующих специальных познаний в ограниченных пределах допускалось использование наемного труда (в прошлом это запрещалось), артельщикам позволялось свободно менять место работы. К существенным чертам нового декрета относилось предоставление артелям и товариществам права продажи своих изделий и установления цен на них (еще недавно этим занимались комиссии Губкустпрома).

Однако законодательство было крайне противоречивым. Положения Кодекса законов о труде РСФСР о милитаризации различных отраслей производства, о прикреплении трудящихся к месту работы, о трудовой повинности ещё не были отменены. В соответствии с ними артельщиков продолжали привлекать к трудгужповинности, им запрещалось менять место работы. Иногда допускался и прямой произвол в отношении их. Непокорных артельщиков можно было усмирить, например, привлекая их к суду за труддезертирство. Так случалось ещё в декабре 1921 г.² Кооперативам следовало погибнуть или найти выход из положения. Об этом — позже.

В экстремальных условиях петроградская кооперация призвана была объединить усилия людей в целях самообеспечения необходимыми продуктами и товарами. Какими возможностями она располагала?

¹ См. о необоснованном повышении налогов на кооперацию в 1922 г.: *Терехов А.* Советское кооперативное право. Харьков, 1924. С. 163; *Морозов Л. Ф.* От кооперации буржуазной к кооперации социалистической. М., 1969. С. 177.

² Петроградская кооперация. 1922. 3 июня; 1923. 31 января; Известия ВЦИК. 1921. № 16–19. С. 19; История СССР. 1987. № 3. С. 63; Производсоюз. 1922. № 1–4. С. 64.

Некоторые успехи в части роста рентабельности промышленности, восстановления рыночных и финансовых механизмов с течением времени оказали положительное влияние на работу кооперации. Но в 1921 и 1922 гг. это влияние было слабым. Весной 1922 г. открылся Всероссийский банк потребительской кооперации (Покобанк). Его петроградское отделение располагалось на Невском проспекте, 22. Крепкие кооперативы стали получать небольшие кредиты. Они выдавались при соблюдении трёх обязательных условий: «здоровые начала» кооперативной деятельности, аккуратное выполнение обязательств перед банком, точные сведения о финансовом положении. Но и при всём этом размеры кредитов были мизерными. За первые полгода своего существования Покобанк предоставил кредитов на 1 триллион рублей; для сравнения: стоимость литра молока доходила до 100 тыс. рублей. Поэтому, приспособляясь к рыночной стихии, члены артелей и потребительских обществ привыкали рассчитывать на собственные силы.

На первых порах кооперативное движение представлялось властям, прежде всего, как альтернатива торговле. В 1921 г. при введении продналога Советское государство попыталось, не допуская свободной торговли, развернуть товарообмен с помощью местных структур Центросоюза. Принцип был таков: крестьяне получили право излишки своих продуктов, оставшиеся после выполнения обязательств перед государством, продавать, но только в пределах «местного хозяйственного оборота». Между тем развернуть сколько-нибудь широкую торговлю продовольствием в рамках местного оборота было невозможно — что может крестьянин одной деревни продать такому же хлебопашцу из соседней? Поэтому считалось, что сельчанам ничего не останется, как направить подводы в кооперативную лавку и там обменять свою продукцию на промтовары. И никакой торговли. Были составлены региональные и сезонные эквивалентные таблицы, изобретено множество призванных заменить деньги счётных единиц — в одном месте такой единицей становится пуд кожи, в другом — аршин ситца и т. д. Всю эту нелепицу финансист Л. Н. Юровский сравнил с «договором царя Соломона с царём Хирамом об обмене кедрового и кипарисового леса на пшеницу и кипарисовое масло, изложенным в третьей Книге царств».¹

¹ Красная газета. 1922. 24 мая; Петроградская кооперация. 1922. 2 августа, 23 сентября; *Юровский Л. Н.* Денежная политика Советской власти. М., 1928. С. 132.

К тому же заранее определялось неравноправное положение крестьянской стороны. В среднем на одну единицу промышленной продукции приходилось три — сельскохозяйственной. Только ото- рвавшиеся от действительности идеалисты и не понимавшие положения на нелегальном рынке «кремлёвские мечтатели» могли всерьёз поверить, что народ станет жить по выдуманной ими новой товарообменной схеме. Большевистские власти упорно забывали, что миллионы простых людей в то время имели запасной выход — мешочничество, нелегальный рынок.

Тем не менее, напуганные восстанием и забастовками партий- но-государственные деятели Петрограда ухватились за идею то- варообмена, увидев в нём наименее радикальное средство выхода из кризиса. Сначала следовало создать независимые по форме от власти потребительские объединения. В Петрограде эта проблема стояла особенно остро, поскольку здесь в порядке эксперимента органы кооперации и Наркомпрода были слиты в единую Петрогуб- комму. На необходимость их размежевания указывалось ещё на упоминавшемся заседании исполкома Петросовета 9 апреля 1921 г. На этом же настаивал секретарь губкома РКП(б) Н. А. Угланов. На состоявшемся в начале лета 1921 г. собрании представителей Пе- трокоммуны, райкомов партии и кооперативов Петрограда он особо подчеркнул: «Петроградский комитет не хочет создать только ви- димость кооперации». Однако суть дела он свёл к очередной каби- нетной реорганизации, указав, что «проведение продналога диктует нам размежевание Губпродкома [учреждение наркомата продоволь- ствия — А. Д.] и Петрокоммуны».¹

Петрогубкоммуну лишили полномочий и реорганизовали. Вместо неё летом-осенью 1921 г. сформировались новые организа- ции — Петроградское единое потребительское общество (ПЕПО) и Губернский союз потребительской кооперации (Губсоюз).² На них была возложена задача посредством товарообменной схемы осуществить переход от сложившегося при «военном коммунизме» полуголодного государственного снабжения к продовольственному обеспечению на основе контролируемой торговли. Мыслилось, что

¹ Справочник петроградского агитатора. 1921. № 4. С. 79.

² Центральный государственный архив историко-политических документов (далее — ЦГАИПД СПб). Ф. 16. Оп. 1. Д. 55. Л. 151об.

ломка сложившейся снабженческо-утопической системы должна была осуществиться безболезненно и не привела бы к голоду.¹

ПЕПО вместе с Губсоюзом попытались заготовить хлеб у крестьян путём товарообменных экспедиций, направленных на Урал, в Украину, Сибирь. Партийное начальство надеялось, что эти кооперативные центры и подобные объединения хлебопроизводящих регионов напрямую будут обмениваться в соответствии с эквивалентными таблицами промышленными товарами и деревенской продукцией. Но товарообмен провалился, и уже осенью 1921 г. отношения города и деревни переводятся в товарно-денежную стадию.

Крестьяне предпочли обменивать продукты не в кооперативных лавках, по-прежнему контролируемых государством, а у мешочников. Один из «старых» кооператоров М. Хейсин писал осенью 1921 г. в петроградском кооперативном журнале: «Мешочник — хозяин своего товара, он его менял, перепродавал, комбинировал и вовремя, с необходимыми товарами являлся владельцу хлебных излишков. И пока кооперация пыжится над одной какой-нибудь товарной ценностью вроде мануфактуры, вольный добытчик хлеба передельывает в товар, который находил применение в данном месте. Худо, что всё прикрывается кооперацией. Во что она превратится?»²

ПЕПО и Губсоюз не справились с официально поставленной задачей. К тому же в конце 1921 г. в связи с обострившейся продовольственной проблемой (жесточая засуха в очень многих районах) Наркомпрод сократил поставки провизии в Петроград. Было приостановлено осуществление нэпа на Северо-Западе: в Псковской губернии значительно повысили продналог, а в Новгородской его губернский продовольственный комитет вообще отменил и вернувшись к продразвёрстке.³ Однако серьёзно увеличить продовольственные запасы не удалось. Снимались с государственного обеспечения учреждения, предприятия, а с 1 сентября 1921 г. — и ПЕПО. Люди по привычке являлись в распределительные пункты и уходили назад с пустыми руками. Спасало легализованное мешочничество. Вме-

¹ Ларин Ю. Частный капитал СССР. М.—Л., 1927. С. 116.

² Хейсин М. Л. Отклик кооператора. — Производсоюз. 1921. № 20–24. С. 20, 31.

³ Красная газета. 1922. 2 февраля; Новгородский экономист. 1923. № 2–3. С. 41.

сте с тем с мешочниками начинают конкурировать самостоятельные кооперативы.

Выше речь шла о работе кооперативного центра, вынужденного действовать по установленным большевистским государством правилам. Об активном проявлении самостоятельности говорить не приходилось. К подлинно кооперативному направлению потребительского движения следует отнести так называемые Добровольные потребительские общества (ДПО). Их возникновение стало результатом ослабления большевистского государства и его влияния на рыночные процессы. Сошлёмся на очень важное свидетельство. На закрытом заседании ЦК РКП(б), состоявшемся в марте 1924 г., нарком внутренней торговли А. М. Лежава особо отметил «стихийный торговый оборот, которым отличался первый период новой экономической политики».¹

Государство вынуждено было разрешить создавать ДПО, идя на уступки этой «стихии». Представители потребобществ получили право обменивать собираемые гражданами паевые денежные взносы и выдаваемую натурой («натурализованную») зарплату — сапоги, стекло, ситец и т. д. — на хлеб. И тут уже началась работа в условиях свободной торговли. Членов ДПО называли «организованными» мешочниками, в отличие от «неорганизованных» или «индивидуальных». И те и другие не обращали внимания на товарообмен с его таблицами эквивалентов. Их товарные и денежные запасы в несколько раз превышали резервы Центросоюза и его региональных отделений, и потому они целиком преобладали на рынке.² В значительной степени успех ДПО объяснялся самостоятельностью и инициативностью членов, наличием выраженных материальных стимулов.

Добровольные потребительские общества в течение почти двух лет представляли собой ведущее направление и конкретную форму развития кооперации. Поэтому расскажем подробно о некоторых важных обстоятельствах их организации и деятельности.

¹ Стенограмма заседания Политбюро РКП(б) «О внутренней торговле и потребкооперации». 27 марта 1924 г. Доклад А. М. Лежавы. — Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). 1923–1938. Том 1. 1923–1926. М., 2007. С. 158.

² *Дмитренко В. П.* Торговая политика Советского государства после перехода к нэпу. М., 1971. С. 59, 60; *Морозов Л. Ф.* От кооперации буржуазной к кооперации социалистической. М., 1969. С. 167; *Германов Л. (Фрумкин М.).* Товарообмен, кооперация и торговля. М., 1921. С. 20.

Власти, вынужденно разрешая создавать ДПО, преследовали не только хозяйственные, но и политические цели. Вот свидетельство председателя правления Петроградского единого потребительского общества (ПЕПО) А. Е. Бадаева: «Настроение у изголодавшихся широких масс было очень приподнятое и требовательное, оно легко могло привести к новым политическим колебаниям, наподобие только что пережитых кронштадтских событий. Теперь уже, если снабжение продуктами шло плохо, вина за это в сознании потребителя ложилась на близкую ему маленькую кооперативную ячейку, тогда как раньше он все свои обвинения направлял против советских кооперативных органов, а в конечном итоге против Советской власти в целом...многочисленные потребительские общества этого периода облегчили Советской власти крайне трудный переход к проведению в жизнь новой экономической политики».¹ По существу, указанное обстоятельство стало главной причиной, заставившей большевиков смириться в первые годы нэпа с бесконтрольностью многих кооперативов.

В 1921–1922 гг. потребительские общества возникали стихийно, самостоятельно, без вмешательства центра. Лучшими контролёрами оказались заинтересованные в работе кооперативов массы. Случалось, сами рабочие, не надеясь на ревизионные комиссии, выявляли расхитителей — это был народный контроль. ДПО распространились по всей стране. Преимущества кооперативов признал и XI съезд партии, который проходил в Москве весной 1922 г. Съезд однозначно высказался в поддержку «кооперативной торговли на безубыточных для государства основаниях».²

Формально уставы ДПО необходимо было регистрировать в организационном отделе городского единого потребительского общества. Но кооператоры зачастую об этом просто не знали; ПЕПО находился в стадии формирования, да и не до того было. Лишь в 1924 г. подсчитали, что в Петрограде в первый год нэпа образовалось 550 добровольных потреббществ (в Москве — 450). Хотя за год до этого даже руководитель ПЕПО А.Е. Бадаев считал, что их в городе 200–300.³ Петроградцы, ещё хорошо помнившие о преимуществах досоветской кооперации, в полной мере воспользовались

¹ Бадаев А. Е. Десять лет борьбы и строительства. Л., 1927. С. 107.

² Одиннадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1961. С. 540.

³ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 79. Д. 516. Л. 21; Петроградская кооперация. 1922. 4 октября; Красная газета. 1922. 4 марта.

вынужденной уступкой новой власти. Кроме того, явочный характер организации кооперативных структур, отсутствие контактов с находившимися в стадии становления налоговыми органами позволили потреббществам спастись от непосильного налогового бремени.

На заводах, в учреждениях, даже в своих домах рабочие и служащие, созывая общие собрания, образовывали ДПО, устанавливали размер пая, выбирали правления. Ежедневно кооператоры соприкасались с пайщиками, ощущали связь с ними, и это тоже было стимулом в работе. Если же они умели проявить энергию, расторопность, использовать опыт знающих людей, то дела кооператива шли в гору.

Многие предприятия Петрограда, как и всей страны, снимались с госснабжения и переводились на хозрасчёт — самоснабжение, самоокупаемость. Рабочие и служащие уже не могли рассчитывать на гарантированные пайки. Администрация получила право самостоятельно распоряжаться частью произведённой продукции (раньше всё отбиралось главками и ВСНХ), которая передавалась в распоряжение заводского кооператива. Либо же товарообменный фонд распределялся между заводчанами, а они уже по желанию отдавали свою заработанную долю потребительскому обществу — заводскому или территориальному. Паи вносились и деньгами — быстро обесценивавшимися из-за гиперинфляции миллионами рублей или, как тогда говорили, «лимонами» (купюры были ярко-жёлтого цвета, отсюда и такое название). Пайщики работали сверхурочно, устраивали субботники, воскресники; заработанные деньги направлялись в кассу кооператива.¹ В частности, рабочие и служащие фабрики «Треугольник» трудились сверхурочно в субботние и даже иногда воскресные дни, передавая заработанные деньги в кооперативную кассу.²

В первые годы нэпа партийные и государственные организации оставили добровольные потребительские общества в покое, ибо контролировать их было некому по причине сокращения штатов. Вот характерный штрих. Правление крупного потребительского общества инженеров и техников «Технокооп» разместилось в помеще-

¹ Петроградская кооперация. 1922. 7 марта; Продовольственная газета. 1921. 8 октября.

² Петроградская кооперация. 1922. 21 февраля.

нии Педагогического музея. По словам кооперативного работника Г. Золотова, на стенах комнат до 1924 г. висели портреты царских генералов и даже самого Николая II «в золочёной раме, с короной, скипетром и державой».¹ Ясно, что ни один представитель власти не побывал здесь ни разу, иначе портреты были бы сняты. Свобода от всякого бюрократического контроля стала условием самостоятельности. Другим условием явилось быстрое возрождение прерванной на три года «военного коммунизма» кооперативной традиции. Те же инженеры и техники не успели забыть о благах, приносимых досоветской кооперацией.

Определились две тенденции в практической работе потребительских обществ. Выбор зависел от степени энергичности и расчётливости руководителей. Одна тенденция, например, воплотилась в деятельности созданного летом 1921 г. добровольного потребительского общества «Большевик». Члены его правления, возглавляемые председателем по фамилии Давыдов, в полной мере осознавали, что в условиях нарушения рыночных связей торговля стала очень рискованным делом. Поэтому их действия отличала крайняя осторожность. Первая товарообменная операция состояла в приобретении у частного торговца 1 кг кремней и 2 кг сахара. Сахарин хранили в шкафу, а кремни председатель кооператива Давыдов носил с собой. Этот дефицитный товар могли украсть — в 1921 г. сотни рабочих на заводах занимались производством зажигалок для продажи на рынках. Следующие закупочные операции были не менее успешными. Торговые сделки заключались в Петрограде, агенты кооператива ездили по стране. К 1923 г. «Большевик» уже располагал большим магазином с пятью солидными отделениями и делал обороты, исчисляемые десятками тысяч «товарных» (т. е. твёрдых довоенных) рублей. За счёт прибыли понижались цены на некоторые виды товаров. Пайщики выигрывали.

Вторая тенденция — частично рыночная. Она воплотилась, например, в делах возникшего осенью 1921 г. кооператива петроградских текстильщиков. Кооператив получил по наследству от потребительского коллектива Петрогубкоммуну так называемый «товарообменный фонд». Неискушённые в торговле рабочие-правленцы с размахом начали вести закупочные операции. Были обмануты вороватыми агентами и остались без товаров и денег. Новое

¹ Красная кооперация. 1924. 14 апреля.

правление, собрав паевые взносы с текстильщиков, отказалось от активных действий на рынке, заключило договоры с государственными организациями и стало получать большинство товаров по фиксированным ценам. Риска не было, но и прибыли — тоже. Пайщики страдали из-за высоких цен в лавке и недостатка продуктов и предметов ширпотреба.¹

Таким образом, к свободе от бюрократов, к самостоятельности и восстановленной кооперативной традиции свести причины успеха товариществ и обществ нельзя. Организаторы должны были обладать знаниями и опытом, отличаться творческим подходом к делу.

Жизнеспособными оказались студенческие кооперативы, а из них самым крепким и успешным стал кооператив рабфака Петроградского университета. На общих собраниях рабфаковцы оживлённо обсуждали кандидатуры членов правления и выбирали лучших. Деятельность правленца не оплачивалась, но стать им считалось очень почётным и престижным делом. Председателем правления избрали студента Косарева — энергичного и делового человека. Должности служащих рабфаковцы исполняли по очереди. Накладные расходы были небольшими. Удачей стало получение от Петроградского единого потребительского общества кредита. ПЕПО, в свою очередь, взяло его в только что организованном Покобанке. Кредит использовали для одной выгодной торговой операции — в г. Бежецке закупили 450 пуд. сахарного песка. Это дефицитный товар меняли на другие продукты. Магазин кооператива располагался на 6-ой линии Васильевского острова и славился на весь город. Пайщикам здесь не приходилось стоять в «хвостах». Перед окнами кооператива, превращёнными в красивую витрину, всегда можно было увидеть несколько любопытствующих прохожих. А перед входом обычно вывешивались таблицы с ценами товаров. Из магазина ежеминутно выходили покупатели с корзинками, мешками, аккуратно завёрнутыми пакетами. У тротуара стояли подводы, молодые люди вносили в магазин мешки с мукой или ящики с яблоками, бочонки с маслом. Правленцы оперативно принимали решения, исходя из состояния дел на рынке. Например, была открыта лавка на 7-ой линии, но она оказалась убыточной, и её сразу закрыли. В 1922 г. образовалась кооперативная столовая для рабфаковцев. Они вносили

¹ Петроградская кооперация. 1923. 31 июля; Союз потребителей. 1923. № 1. С. 34, 35.

большую часть своих стипендий и получали взамен завтраки, обеды и ужины. Все были довольны. По прибыли кооператив не уступал лучшему частным магазинам.¹

Немалых достижений добился возникший в ноябре 1921 г. и объединивший 1500 студентов Политехнического института кооператив «Политехник». Правление определило вступительный взнос в 1 тыс. руб. и паевой — в 10 тыс. Первоначальный капитал позволил приступить к развёртыванию активной деятельности. К февралю 1922 г. работали столовая и буфет, в которых пайщики получали обеды «по самым умеренным ценам». Были открыты парикмахерская и сапожная мастерская, находившиеся раньше в ведении хозяйственной части института. Кассу кооператива пополняли доходы от деревообделочной мастерской, в которой в две смены работали по 30 студентов. В частности, они выполнили крупный заказ «Трудсоюза» (губернского центра сельскохозяйственной кооперации) на парниковые рамы и бороны.²

Думается, опыт кооперативов университетского рабфака и Политехнического института подтверждает, что к числу условий кооперативного процветания можно отнести соответствующую образовательную подготовку правленцев и пайщиков. Немалую роль играла их социальная однородность. Дело в том, что первый раз кооператив «Политехник» образовался в июне 1921 г. и объединял студентов, преподавателей, служащих учебного заведения. Интересы и потребности членов оказались разными, и общего языка они не нашли. Общество ликвидировалось.³

В кооперативное движение включились представители художественной и научной интеллигенции. В июле 1921 г. образовался кооператив Главмузея, он обслуживал работников Русского музея, Эрмитажа, Морского музея, музеев Исаакиевского и Петропавловского соборов и др. Кооператив «Дома литераторов» в августе открыл свою пекарню. Возникло театральное потребительское общество. Из отдела снабжения и распределения при Комитете по улучшению быта учёных был создан кооператив «Академический», центральный магазин которого разместился в Доме учёных, его отделения имелись во всех районах города.

¹ ЛОГАВ. Ф. 2757. Оп.1. Д. 1. Л. 3, 74.

² Петроградская кооперация. 1922. 18 февраля.

³ Там же.

«Кооперативы открываются у нас один за другим, весь Петроград покрывается сетью кооперативов», сообщала газета «Петроградская кооперация» 6 апреля 1922 г. Действительно, добровольные потребительские общества серьёзно изменили повседневную жизнь петроградцев. Поскольку товарный дефицит сохранялся, то во многих случаях «хвосты» полностью не исчезли. Но они сильно уменьшились. При этом пайщики оказались в привилегированном положении, ибо получали продукты и предметы ширпотреба в первую очередь и по пониженным ценам. Кроме того, они, критикуя недостатки, заставляли прислушиваться к себе торговых работников. Ничего подобного не было в «потребительских коммунах» недавно го военно-коммунистического прошлого.

Житель Петрограда, очевидец описываемых событий, рассказывал: «Начало 1922 г. Если мы пройдемся в утренние часы по улицам Петрограда и заглянем в лавки многочисленных кооперативов, открывшихся в последнее время во всех частях города, то мы убедимся, что большинство покупателей в них женщины. Прислушаемся же, о чём говорят эти хозяйки, столпившиеся у прилавков в ожидании выдачи. А говорят они все на “кооперативные темы”: в одной группе обсуждают порядок распределения и цены на продукты, в другой бранят кооператив за то, что мало дают, в третьей жалуются, что в лавке тесно и продавцы недостаточно внимательны; соседки с увлечением обмениваются сведениями о других кооперативах и предлагают разные меры к усовершенствованию дела в своей лавке».¹

Сильные потребительские кооперативы Петрограда испытывали острую потребность в создании своего координационного центра. В литературе упоминается об одном городском союзе потребкооперативов — Ленинградском союзе потребительских обществ (до 1924 г. — Петроградском едином потребительском обществе).² Однако ПЕПО долго пребывало в состоянии реорганизаций и «размежеваний», занималось разделом огромного наследства Петрогубкоммун. «Первичным» потребительским обществам редко уделялось внимание. Поэтому они уже в 1921 г. заключили друг с другом серию договоров о совместном ведении торговых операций. Появилась мысль создать добровольное объединение потребитель-

¹ Петроградская кооперация. 1922. 7 марта.

² Лебина Н. Б., Чистиков А. Н. Обыватель и реформы. СПб., 2003. С. 71–75.

ских кооперативов для совместных закупок. В конце 1921 г. представители 14 потребобществ («Треугольник», «Гознак», «Технокооп», Петроградского университета и др.) собрались в Аничковом дворце и организовали Бюро объединенных петроградских кооперативов — БОПЕК (позднее третье слово из названия будет опущено, останется БОК). Избрали правление в составе Ф. Н. Филиппова, К. С. Куликова, Л. В. Алисова. Председателем стал Филиппов — руководитель правления кооператива Петрораспредбазы. В утвержденном «Положении» говорилось: «Бюро объединенных кооперативов имеет своей задачей согласование и объединение закупочной деятельности кооперативов на началах взаимопомощи. Бюро содействует объединяемым им кооперативам в обмене сведениями и предложениями внутреннего и иностранных рынков, представляет их в правительственных учреждениях по всем вопросам, связанным с закупочной деятельностью и принимает необходимые меры по обеспечению успешности этой деятельности».¹ В работе БОК нашла выражение кооперативная солидарность, взаимопомощь.

Создание добровольной ассоциации кооперативов было крупным шагом на пути демонтажа чрезвычайно разросшегося бюрократического аппарата и передачи его функций трудящимся. Высшим органом стало собрание уполномоченных. Туда входило по одному представителю от каждого ДПО. Собрания были немногочисленными и вполне работоспособными. Уполномоченные контролировались своими пайщиками, отчитывались перед ними.

БОПЕК появилось вовремя — приближалась полоса крупных хозяйственных неурядиц середины — второй половины 1922 г. К концу этого года оно объединяло 59 кооперативов с числом пайщиков 260 тыс. чел. Правление БОК не имело права на риск. Поэтому принимали в бюро по рекомендации двух членов Совета уполномоченных только перспективные потребобщества, например — Российской Академии наук, Технологического института, нескольких заводов. За «валовым» количественным охватом пайщиков не гнались. Состояние финансового хозяйства «кандидатов» в члены БОК выяснял инструкторский отдел. 30 кооперативам, близким к краху, было отказано в приеме. Среди них большинство составляли так называемые «карликовые». Последние в периоды обострения экономических трудностей гибли часто. Посему члены

¹ ЛОГАВ. Ф. 2757. Оп. 1. Д. 1. Л. 3, 74.

правления БОК решили «принимать [в его состав — А. Д.] лишь кооперативы с числом пайщиков не менее 500, причем более мелкие должны объединиться до этого минимума», — говорилось в отчете о деятельности БОК в 1922 г. Членство в Бюро помогало избежать краха и сулило выгоды. Коли так, кооперативы начали по почину своих общих собраний и правлений сливаться друг с другом (в том числе и некоторые из отвергнутой тридцатки). Укрупнение осуществлялось добровольно. Добавим также, что в бюро принимались только кооперативы, просуществовавшие не менее полугода. В условиях 1922 г. справедливо считалось, что если кооператив не ликвидировался в течение первых шести месяцев — это уже определенная гарантия его жизнестойкости.

В упомянутом отчете Бюро объединенных кооперативов отмечалось: «С микроскопическими средствами [1363 руб. золотом по курсу 1922 г. — А. Д.]» БОПЕК приступил к осуществлению стоящих перед ними задач. И если тем не менее БОПЕК сумел развить очень большую работу, только благодаря тому огромному доверию, которым персонально пользовался состав первого правления. На все призывы его нести в кассу БОПЕКа целевые взносы кооперативы всегда охотно и живо откликнулись. Не будь этого доверия, достигнутые результаты были бы невозможны».¹ Кооперативы без колебаний отчисляли в фонд бюро часть паевых взносов. Приказов, команд не требовалось. Кооператоры могли не сомневаться, что деньги пойдут на дело и лишь малая толика — на содержание аппарата. В Бюро работало всего 36 человек (в том числе 4 мальчика-курьера); напомним: оно объединило 260 тыс. пайщиков. БОК отпускало своим членам товары на треть дешевле государственных торговых органов.

К сожалению, когда Петроградское единое потребительское общество окрепло, БОК было признано ненужным конкурентом. Просуществовав около полутора лет, оно ликвидировалось. ПЕПО станет выполнять его функции нередко жесткими директивными методами. Еще раз подчеркнем, что кооперативным центром, сыгравшим решающую роль в становлении самостоятельных добровольных потребительских обществ, стало Бюро объединенных кооперативов. Обратим особое внимание на проблему налоговых отношений с государством, решением которой правленцы БОК за-

¹ Там же. Д. 12. Л. 165.

нимались постоянно. В частности, в одном из официальных посланий их в губфинотдел читаем: «Эта практика [налоговая — А. Д.] угрожает самому существованию рабочей кооперации». Правленцам удавалось убедить губернских финансистов в необходимости сокращения бремени местных налогов.

Как представляется, к 1923 г. наметились серьезные изменения в потребительском движении. Выражением этого процесса стала замена Бюро объединенных кооперативов Петроградским единым потребительским обществом. Первое представляло собой координационный и хозяйственный центр, оказывавший эффективное содействие самостоятельным кооперативам. Второе — это структура, в работе которой начнет преобладать ориентация на выполнение партийных директив. Сказывались традиции Петрокоммуны, наследницей которой выступило ПЕПО.

После преодоления острого кризиса 1921 г. деятели РКП(б), осознавая невозможность непосредственного подчинения кооперативов партийному влиянию, ищут пути опосредованного воздействия. Прежде всего, обратили внимание на налоговое законодательство. Было ясно, что при сохранении непосильного налогового бремени не приходилось говорить о выявлении и учете всех обществ, товариществ. В мае 1922 г. ЦК РКП(б) утверждает циркуляр «О кооперации», в котором отмечалось, что «политическая роль кооперации должна выражаться... в борьбе со спекуляцией, с анархическими противогосударственными стремлениями отдельных мелких производителей». Естественно, чтобы решать подобные задачи, кооперация нуждалась в поддержке государства. 18 июля принимается правительственное решение об уменьшении наполовину промыслового налога для потреббществ, продающих товары исключительно своим членам. Вскоре было сокращено и налоговое обложение оборота всех кооперативных предприятий.¹ Это станет стимулом увеличения масштабов и темпов роста советского потребительского движения; с другой стороны, приведет к усилению административного воздействия на него со стороны партийного аппарата.

Мы определили некоторые направления развития ведущей и самой массовой разновидности петроградской кооперации — по-

¹ Петроградская кооперация. 1922. 7 октября; ЛОГАВ. Ф. 2757. Оп.1. Д. 25. Л. 36; Партия о кооперации. Постановления и резолюции ВКП(б). М., 1928. С. 63; Терехов А. Советское кооперативное право. С. 163, 164.

требительской — на её начальном («самодеятельном») этапе. Перейдем к освещению истории городских промысловых кооперативов, от работы которых долгое время зависело снабжение населения товарами широкого потребления.

Прежде всего — об организаторах промкооперации. В годы гражданской войны она подверглась разгрому. Поэтому после перехода к нэпу и хозрасчету ощущалась острая нехватка квалифицированных руководителей и специалистов. Выяснилось, что энтузиазм и практическая сметка выдвинувшихся при «военном коммунизме» организаторов чаще всего не могли заменить глубоких знаний и опыта.

Напомним, что в период нэпа правящая партия удачно разыграла карту «гражданского мира» со старыми специалистами. Это проявилось как в отношении потребительской, так и промысловой кооперации. Приведем факты. В 1921 г. Н. С. Доломанов, успешный кооперативный опыт которого исчислялся тремя десятками лет, стал председателем только что созданного «Союза производительных трудовых кооперативных объединений» (Промснабсоюза).

Ободряющее воздействие на общественность Петрограда оказало то, что большевистская власть проявила готовность сотрудничать с представителями так называемых «бывших людей» — выходцами из «эксплуататорских» слоев, функционерами старой власти и «чуждых» политических партий. В частности, влиятельный организатор дореволюционной промкооперации Ф. А. Юдин вошел в правление Производсоюза. Один из отделов последнего возглавил М. Н. Ямайкер; в анкете значилось, что он дворянин по происхождению, мать и сестра его эмигрировали в Румынию. Одним словом, в биографии оказалось, по тому времени, немало подозрительных пунктов. Однако при назначении на должность приняли во внимание лишь деловые и человеческие качества Максима Николаевича. Он был умным и энергичным человеком из интеллигентной семьи, с хорошим образованием (закончил Петроградский университет), незаурядным публицистом. Под стать ему был А. Ф. Андреевский, которого назначили заведовать финансовым отделом Артельтрудсоюза (когда-то он занимал крупные посты в министерствах финансов царского и Временного правительств). Активно включился в кооперативное строительство бывший меньшевик П. Я. Голиков. Прямой и открытый человек, в анкете на вопрос о партийной принадлежности он ответил: «Аполитичен». Тем не менее, ему поручили ответственную работу. Подобных случаев было немало. В результате

в 1923 г. большинство членов правления Производсоюза составили старые кооператоры. Но были и такие, как Ф. А. Пожаров, пришедший в кооперацию в 1917 г.¹ Плечом к плечу с ними работал член РКП(б) с 1898 г. И. З. Розовский — председатель ревизионной комиссии Северо-Западного областного кооперативного центра.

Старые кооператоры были избраны в высшие органы Производсоюза — совет и правление, становились работниками его аппарата, инструкторами, снабженцами. Они приняли активное участие в пропаганде выдвинутого правлением и его председателем Е. Гудковым призыва к артельщикам об отчислении доли заработка в пользу голодающих Поволжья. Показывали и личный пример. В то же время идиллической картины содружества старых и новых кооператоров жизнь не нарисовала. Вновь пришедшие не сработались с некоторыми новыми руководителями Производсоюза — Е. Гудковым и его окружением, действия которых считали губительными для артелей. Производсоюз к 1922 г. оказался ведущим центром промкооперации Петрограда (возникшие с введением нэпа Промснабсоюз, Петрогужсоюз, Канцбумсоюз, Петрокнига конкуренции не выдерживали и вскоре ликвидировались). Очень многое зависело от правления Производсоюза и особенно его председателя Е. А. Гудкова.

Как представляется, биография Гудкова типична. Похожий жизненный путь прошли представители большой группы советских хозяйственных руководителей нижнего и среднего звеньев, выдвинувшихся в годы гражданской войны. Е. А. Гудков — выходец из крестьян Тверской губернии, затем — слесарь на авиазаводе в столице Российской империи. Способный от природы, любил читать, узнавать новое, имел большое влияние на товарищей-рабочих. Не удивительно, что после Октябрьской революции он возглавил «Союз рабочих потребительских обществ» (Петросоюз), а после его ликвидации в июле 1918 г. — Производсоюз. Работал на износ, на пределе возможного, себя и других не жалел. Наступило лучшее время в жизни Ефрема Александровича. Позже он с ностальгической интонацией вспоминал 1918–1919 гг.² К сожалению, деловито-

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 6. Д. 7000. Л. 10об; Производсоюз. 1921. № 16–19. С. 28; ЛОГАВ. Ф. 2578. Оп. 2. Д. 18. Л. 26, 214; Оп. 3. Д. 228. Л. 1, 2; Артельное дело. 1923. № 1–8. С. 36.

² ЛОГАВ. Ф. 2590. Оп. 2. Д. 18. Л. 215; Д. 1097. Л. 11, 24; Производсоюз. 1920. № 3–6. С. 24.

стью и предприимчивостью, широтой кругозора Гудков не обладал. Систематического образования не получил, выработать самостоятельного взгляда на происходившие в кооперации процессы не мог. Санкционирование партийно-государственными верхами рыночных отношений в 1921 г. воспринял как приказ о переходе к торговле. В результате Производсоюз усиленно занялся комиссионерской посреднической деятельностью, покупал и продавал сено, сахар, прочее, превращался в обычную торговую организацию. Утрачивались связи с артелями и товариществами. Правление не предпринимало действенных мер по оказанию им помощи в поиске заказов, в продаже изделий, покупке сырья. Против этого и выступили старые кооператоры.

Производсоюз становился просто не нужен артелям, да к тому же влез в безнадежные долги из-за неумения торговать. В декабре 1921 г. в дом № 59 по Невскому проспекту, где располагалось его правление, почтальон принес объемистый пакет. В нем оказалось коллективное письмо. Группа артелей выражала протест: «Группа недовольна тем, что правление, возглавляемое Е. А. Гудковым, увлекается комиссионными операциями...». Начался отток промкооперативов из городского союза.¹

В начале 1922 г. состоялись перевыборы правления. Новым председателем избрали «старого кооператора» Ф. А. Юдина. Е. А. Гудков стал рядовым членом правления. Он не смирился с этим и несколько месяцев боролся, как мог, — не отдавал ключи от складов, срывал работу расположенных на Бассейной улице мастерских. Владелец частной фабрики Тугаринов, который купил старое железо, хранившееся в мастерских, не смог его вывезти. Гудков, «сопровождая свои слова площадной бранью» (строки из стенограммы заседания правления Производсоюза), вытолкал за ворота работников, нанятых фабрикантом. Одним словом, Ефрем Александрович «хулиганил». Но изменить он ничего не мог, пришлось успокоиться и втянуться в работу. Как видим, в первые годы нэпа в структурах кооперации преобладали самоуправленческие начала; артельщики пользовались правом замены не справившихся с обязанностями руководителей.

Новое правление попыталось усилить роль Производсоюза в продаже продукции кооперативов, открылось несколько его ма-

¹ ЦГА СПб. Ф. 1938. Оп. 1. Д. 1127. Л. 1; Производсоюз. 1922. № 1–4. С. 67, 70; ЛОГАВ. Ф. 2578. Оп. 2. Д. 17. Л. 7, 9, 13об, 53.

газинов. Последовательно проводился режим экономии. Урезали расходы на содержание аппарата. За весь 1921 г. он был сокращен со 150 чел. только до 103 чел., а уже к маю 1922 г. — до 23 чел. Правление даже временно переехало из большого помещения в меньшее — на Моховую улицу (к середине десятилетия оно обособуется в доме № 3 по улице Желябова — Большой Конюшенной). Все эти меры были проведены вовремя. 1922 и 1923 гг. оказались самыми тяжелыми для промкооперативного центра. Серьезнейшую опасность представляли кризис сбыта, падение стоимости рубля. Из-за высокой ставки налогов на аренду помещений закрылись некоторые магазины союза. Сколько-нибудь значительных кредитов Производсоюзу получить долго не удавалось. Наконец, в 1923 г. пришлось спасение в виде так называемой мебельной операции. С совнархозом подписали договор на ремонт ломаной мебели, которой было забито несколько складов. Артели получили работу. Дела их и Производсоюза пошли на поправку.

Налоговый «зажим» сильно мешал в 1921–1923 гг. кустарно-промышленным кооперативам. На одном из заседаний кооперативной комиссии Северо-Западного областного экономического совещания (органа, координирующего работу предприятий всех хозяйственных наркоматов в области) говорилось, что налоговое обложение «является во многих случаях для них непосильным, в результате чего кооперативы закрываются». Прошло время, когда Губкустпром обеспечивал их заказами и сырьем, а Петрокоммуна — продовольственным карточками. Приходилось платить за все услуги, материалы.

Тем не менее, рост безработицы, прежде всего — среди женщин, развертывание демобилизации армии имели следствием возникновение новых артелей. Несмотря на все трудности, промкооперация в Петрограде в 1921–1922 гг. переживала время «бума» — так его называли инструкторы Производсоюза. Число артелей выросло в несколько раз, примерно до 800. Кустари-одиночки и их объединения стали конкурировать с частной и даже государственной промышленностью. Швейному тресту, например, пришлось частично свернуть производство из-за такой конкуренции. Однако подъем движения был крайне неустойчивым, артели то и дело ликвидировались.¹

¹ Артельное дело. 1922. № 1–6. С. 83; Производсоюз. 1921. № 20–24. С. 53; ЛОГАВ. Ф. 2590. Оп. 2. Д. 1175. Л. 106; Отчет Северо-Западного промбюро ВСНХ за 1921–1922 операционный год. Пг., 1922. С. 31, 116.

Статистико-экономический подотдел Производсоюза в конце 1921 г., незадолго до своего упразднения, осуществленного в целях экономии, провел редкое для того времени исследование петроградских артелей. В итоге были получены уникальные данные (нам неизвестны такие же по другим городам). Выяснилось, что 58% членов промкооперативов составили женщины. Мужчины оказались в большинстве лишь в механических и деревообрабатывающих артелях. Возникло одно товарищество с исключительно женским трудом — «Первая трудовая женская артель швейной промышленности».

Результаты указанного исследования позволяют судить о тяготах, выпавших на долю артельщиц. Высокой была доля вдов. Если среди мужчин — членов промкооперативов — три четверти состояли в браке, то среди женщин — лишь треть. Такими оказались последствия войн и революций.

В промысловых кооперативах работали люди самых различных профессиональных, социальных, образовательных статусов. Очень многие промышленные предприятия Петрограда из-за нехватки топлива и сырья были остановлены. Поэтому члены кооперативов ещё в недавнем прошлом нередко являлись рабочими. Вместе с ними в артелях трудились инженеры, врачи, юристы, педагоги и даже артисты, которые не могли найти работу по специальности или пережидали трудные времена. По словам кооператора М. Короткова, в артелях появились интеллигентные «кустарки», которые говорили не иначе, как «фразисто, иногда по адвокатски». Люди настрадались из-за безработицы, голода. Готовы были трудиться, не покладая рук. Совместная работа в кооперативах представлялась счастьем.

Артельщики оказались довольно образованными людьми. 60% окончили 4-классное городское училище, 20% получили среднее образование, 9% — высшее, 11% образования не получили, но неграмотных среди них не нашлось.¹

Промкооперативное движение было крайне неоднородным. Определилась различная ориентация артелей. Одну часть составляли так называемые «здоровые кооперативы». В них сохранялись кооперативное самоуправление, гласность, справедливое распределение прибыли. К таким артелям относились «Посудо-металл», «Блэк-Уайт», «Аргус», «Футлярщик» и т. д. Нередко эти артели объединяли малоимущих кустарей, рабочих, служащих. Паевой

¹ Производсоюз. 1921. № 13–15. С. 27, 28.

взнос был небольшой — 50 тыс. руб.; в 1921 г. извозчик в Петрограде требовал с пассажира за дальнюю дорогу «двугривенный» (т. е. 20 тыс. руб.). В следующем году взнос будет повышен и исчисляться станет в золотых рублях. «Начинали с голыми руками, — вспоминал один артельщик. — Первоначальный капитал был 11 рублей [так называемых товарных, т. е. довоенных — А. Д.], да сырья на 30 рублей... Боялись, ничего не выйдет, — не с чем было взяться. Да и кругом говорили: “Голь, шмоль и компания, где им выдержать”». Кооперативам удавалось выстоять в конкурентной борьбе только благодаря «сплочённости и дружным товарищеским усилиям», — в своих отрывочных воспоминаниях кустари никогда не забывали упомянуть об этом.¹

Возрождение товариществ ремесленников радовало видного и старейшего деятеля отечественного кооперативного движения, одного из организаторов Первого Всероссийского кооперативного съезда (1908 г.) Е. Д. Максимова. Среди петроградских артельщиков распространялся сочинённый им в начале нэпа «Артельный катехизис». В нём содержались тезисы: «Артель содержится содружеством своих членов», «сила в единении», «руки прочь от кооперации, если они нечисты». Суть кооперативных принципов разъясняли ремесленникам во время публичных лекций М. А. Хейсин, сам Максимов, его ученик И. Кулишер.

В самые трудные годы артели, предоставленные себе, без кредитов и налаженного сбыта продукции, работали и отчасти удовлетворяли потребности петроградцев в дефицитных фурнитуре, сандалиях, железных кроватях, даже — кошельках (с постепенным возрождением денежного хозяйства их требовалось всё больше).

Возникали книгоиздательские товарищества. Первым появился «Эпос». Его основатели так изложили свою программу: «Цель, преследуемая обществом, заключается в том, чтобы, не прибегая к непосредственной помощи республики, самостоятельно развить книжное дело в направлении, наиболее отвечающем политпросветительным, научным, литературным и другим духовным интересам социалистической России. Само собой разумеется, что книгоиздательская кооперация, опираясь на деятельность одного или даже нескольких книжных магазинов, как своих, так и вошедших с нами в товарообменный контакт, будет строго относиться к выбору книж-

¹ ЛОГАВ. Ф. 3959. Оп. 1. Д. 1655. Л. 9.

ного материала, предлагаемого обществу, ни в коем случае не сходя с высоты получаемых им идейных заданий».¹ Такие или похожие задачи ставили и книгоиздательские кооперативы «Пробуждение», «Северное кооперативное издательское товарищество», «Книга — деревне» и многие другие.

Вместе с тем приходится признать, что далеко не все люди способны стать коллективными организаторами своего труда, добросовестно работать в условиях самостоятельности. Многие чувствуют себя комфортнее, выступая в роли исполнителей. Думается, по этой причине часть кооперативов 1920-х гг. преобразовалась в частные предприятия. Один из путей их эволюции проследил инструктор Производсоюза П. Я. Голиков. Он говорил: «Артель — сложное хозяйственное предприятие. Нужно достать заказ, купить сырьё, раздобыть средства. И вот из артели выделяются один-два лица, входящие в правление. Они быстро осваиваются с обстановкой, отрываются от производства, в то же время делают для артели незаменимыми. Это монопольное положение в артели рождает в них психологию хозяев. Постепенно и незаметно они забирают власть в свои руки, приглашают наёмных рабочих. Артель становится предпринимательской».² Участник событий называет её «лживой», ибо «природа её явно буржуазна». Современнику трудно, почти невозможно выйти из рамок господствующей идеологической парадигмы. Но по существу Голиков констатировал наличие альтернативы, которую содержала в себе в первые годы нэпа кооперативная организация. Она предоставила своим членам возможность разными путями реализовать способности и таланты.

Кооперация в первый период нэпа сыграла важную роль в становлении частного предпринимательства. Последнее нередко оценивалось властями как чуждое и вредное явление. Нэпманы были хозяйственниками второго сорта и действовали в условиях своеобразной социальной сегрегации. Вот показательный факт: в соответствии со статьёй 180 Уголовного кодекса РСФСР простая кража у частника каралась лишением свободы на срок до 6 месяцев, а у государства или кооперации — до 1 года.³ Поэтому многие частные предприятия с самого начала регистрировались как кооперативы.

¹ Там же.

² Производсоюз. 1921. № 20–24. С. 22.

³ См.: Терехов А. Советское кооперативное право. С. 121, 122.

К тому же членов артелей законодательство не относило к работавшим по найму и не требовало выплат в фонд социального страхования. В 1921–1922 гг. число так называемых «лжекооперативов» достигало многих десятков. К ним относились крупные артели «Север», «Красный студент» и др. На предприятиях технологический цикл досконально контролировался учредителями, и потому работа была эффективной. Разумеется, большая часть прибылей доставалась организаторам дела. Каждый получал до 1000 руб. в месяц, а артельщики — во много раз меньше.

Существовали и крошечные лжеартели. Вот любопытный факт. В 1922 г. пятнадцатилетний петроградский «энтузиаст» Лёва Брегин задумал организовать промысловую «Детскую артель имени тов. Ленина» и сумел убедить инстанции в полезности нового дела для социализма. Для поддержки нового доброго начинания он получил в Наркомфине РСФСР 8 тыс. руб. Там сказали: «Как же не дать? Детская артель, ребята переходят к полезному труду, да ещё артель носит имя Ленина». В НКПС он выхлопотал бесплатные проездные билеты, в Губисполкоме добился выделения 200 пудов разного старого обмундирования для «приступа к делу». В итоге открыл частный кинематограф.¹

Этот случай наделал много шума и способствовал привлечению повышенного внимания партийных органов к частнопредпринимательским кооперативам. Активнейшим борцом за чистоту кооперативных рядов стал председатель Петросовета и член Политбюро ЦК РКП(б) Г. Е. Зиновьев. Выступая с докладом на XII Всероссийской партийной конференции (август 1922 г.), он объявил лжекооперативы антисоветскими, эсеро-меньшевистскими. При Петроградском губкоме РКП(б) создаётся в конце 1922 г. кооперативная комиссия. В «Положении» так определялась её функция: «Изучение всех видов местной кооперации и условий её работы». После этого «изучения» к кооперативам были применены жёсткие административные меры. Некоторые были закрыты.²

В изучаемый период влияние РКП(б) принимало форму внешнего контроля и давления. Через некоторое время ситуация начнёт

¹ Ларин Ю. Частный капитал в СССР. М.—Л., 1927. С. 116.

² Справочник петроградского агитатора и пропагандиста. 1922. № 8. С. 175; ЦГА СПб. Ф. 382. Оп. 3. Д. 105. Л. 12; Руководство по обложению подоходным и промысловым налогами государственных и кооперативных предприятий и смешанных обществ. М., 1924. С. 7.

принципиально изменяться. Идеологический диктат будет разлагать кооперацию изнутри. Партийные организации Производсоюза и потребительских обществ станут принимать по существу директивные решения. Постепенно самодеятельность окажется парализованной. Пока же кооперация оказалась в состоянии вовлечь в активную хозяйственную жизнь многотысячные массы, получив минимальную государственную поддержку.

Петроградское единое потребительское общество и его руководитель

Деятельность добровольных потребительских обществ — самостоятельная линия развития потребкооперации в 1921 — 1923 гг. Другая линия — это складывание и работа Петроградского единого потребительского общества вместе с его магазинами, лабазами, заготовителями, экспедициями. Только в 1923 г. эти линии пересекутся — ПЕПО станет брать под контроль «низовые» кооперативы.

Особо отметим, что кооперативные самодеятельные начала проявляли себя в работе ПЕПО и его структур крайне противоречиво. До конца 1923 г. крупные единые потребительские общества — в отличие от добровольных потребительских обществ — формально обязывались соблюдать выработанные при «военном коммунизме» и ставшие архаичными в условиях нэпа положения: об обязательности членства всех трудящихся в потребобществах и отказа от паевых взносов. Хотя руководство ПЕПО добилось разрешения на сбор символических паёв размером в один гривенник золотом. Председатель правления ПЕПО А. Е. Бадаев в этой связи вспоминал: «Когда в 1921 г. я предложил собрать паевые взносы 2000 рублей совзнаками [с человека — А. Д.], что составляло тогда 10 или 15 коп., мне такое здесь завернули, что моё почтение, и сказали, что я с паевыми взносами выступил рано».¹ На этапе перехода к нэпу Петроградское единое потребительское общество сохраняло многие черты сходства с огосударствлённой Петрокоммуной.

При этом приверженность ПЕПО кооперативным традициям выразилась в том, что должности в руководстве были выборными, ответственные работники раз в год на городских и районных кон-

¹ Цит. по: Бюллетень двадцатой губернской конференции Ленинградской губернской организации РКП(б). № 2. Л., 1924. С. 25.

ференциях отчитывались перед представителями потребобществ. Однако петроградцы на первых порах, а потом и в своих воспоминаниях упорно путали ПЕПО с Петрокоммунной. Это не могло явиться простой случайностью. Действительно, в 1921–1922 гг. общество выполняло функции центральной конторы крупной торгово-заготовительной организации с её районными отделениями (именуемыми районными едиными потребительскими обществами), лавками и магазинами. С одной стороны, ПЕПО выступало в качестве самостоятельной торговой организации на рынке и встречалось с жёсткой конкуренцией. Поэтому его руководство стремилось опереться на самостоятельность членов, на их содействие в налаживании порядка в лавках и магазинах. С другой стороны, товарообменный фонд, полученный при «размежевании» с Петрокоммунной, позволял в некоторых случаях пренебречь принципами эффективности и самокупаемости. Районные единые потребительские общества самостоятельности не проявляли, а роль общих собраний была невелика. В результате ПЕПО в начальный период нэпа стало частично-кооперативным образованием.

Для сравнения напомним, что в действовавших в те же годы ДПО торгово-заготовительная работа осуществлялась под контролем и даже при активном участии их членов (например, в кооперативе рабфаковцев пайщики трудились в лавках поочерёдно и бесплатно). Принцип кооперативной самостоятельности был положен в основу организации многих промысловых кооперативов. Поэтому сначала мы поместили сюжеты о ДПО и промкооперативах. О ПЕПО говорили лишь в связи с проваленной государственной товарообменной кампанией 1921 г., теперь расскажем о нём более подробно.

Ещё на заседании исполкома Петросовета 9 апреля 1921 г. говорилось, что Петрогубкоммуна не сможет проводить новую кооперативную политику, доверие петроградцев к ней исчерпано. Поэтому срочно, уже летом 1921 г. начинает создаваться Петроградское единое потребительское общество (ПЕПО). Встал вопрос о его руководителе. Наиболее подходящей кандидатурой был Алексей Егорович Бадаев, который в это время работал в Москве. Бадаева в Петрограде очень хорошо знали. Ещё в 1912 г. начитанного слесаря вагонных мастерских Александровского (ныне Пролетарского) завода питерские рабочие избрали своим депутатом в IV Государственную думу. Закончив всего лишь воскресную школу, он, тем не менее, благодаря самообразованию обладал широким кругозором. Алексей Егорович

тесно общался с В. И. Лениным и стал искренним приверженцем большевизма; в марте 1914 г. его ввели в узкий круг партийной элиты, приняв в члены ЦК партии. В начале мировой войны за участие в антивоенном выступлении правительство сослало Бадаева вместе с несколькими большевистскими депутатами в Туруханский край. Возвратившись назад в 1917 г., он принимал активное участие в работе Петроградской городской думы и Продовольственной управы, участвовал в Демократическом совещании и Предпарламенте. Работал в комиссиях по продовольствию. Постепенно за ним закрепилась репутация специалиста по вопросам снабжения населения провизией. После Октябрьского переворота в течение нескольких месяцев Бадаев — командир отряда красногвардейцев и солдат Семёновского полка — занимался реквизицией продуктов у торговцев и из интендантских складов. Тогда им, в частности, были изъяты 3 млн. пудов сушёной воблы — «карих глазок», ставших основным продуктом питания петроградцев в 1918 г. Затем он отправился во главе продовольственного отряда в Сибирь на заготовки хлеба и оказался в тылу восставшего Чехословацкого корпуса. В своих воспоминаниях он увлекательно рассказывал, как его чуть не расстреляли, как с приключениями добирался до Петрограда. Алексея Егоровича назначили председателем Комиссариата продовольствия Северной области, а затем — правления Петрогубкоммун.¹ Громоздкие «военно-коммунистические» учреждения не подлежали усовершенствованию. Бадаев старался суровыми мерами добиться хотя бы ограничения массовых хищений. Единственный выход из тупиковой ситуации видел в создании специальных отрядов, которые, в случае установления факта продажи продуктов, «приобретённых преступным образом из советских учреждений города», имели бы право арестовывать лиц, их продающих, а продукты конфисковывать. Эти же отряды должны были постоянно обыскивать всех выходящих из хлебозаводов, пекарен, мельниц, складов.²

Алексей Егорович был человеком совестливым. Ответственность за провалы Петрокоммун он взял на себя. Пришлось много раз отчитываться перед простыми гражданами за плохое снабжение, принимать на себя вспышки их справедливого гнева, убеждать их на митингах набраться терпения. Один раз разъярённые рабочие

¹ Герои Октября. Т. 1. Л., 1967. С. 133.

² Петроград на переломе эпох. СПб., 2000. С. 179.

чуть не сварили его в котле заводской столовой, в котором бурлили щи из гнилой капусты.

Приведём мнения разных людей о Бадаеве. Лидер меньшевиков Ю. О. Мартов (со слов его соратника Е. А. Ананьина) говорил: «Всё же это была революция [в октябре 1917 г. — *А. Д.*], если не демократическая, то плебейская... возьмите Бадаева, который не хуже князей Львова и Трубецкого справляется со своей задачей».¹ А вот характеристика А. М. Горьким Алексея Егоровича: «Милый человек. Замечательно хорош у нас, товарищи, этот тип, тип старого большевика, воспитанный подпольем, тюрьмой, ссылкой, боями на митингах, на бесчисленных фронтах».² На самом деле, внешне Бадаев выглядел исключительно «милым человеком». Полнота, усики, насмешливое выражение глубоко посаженных глаз — всё это могло произвести обманчивое впечатление на людей, недавно познакомившихся с Алексеем Егоровичем; на деле он был человеком с твёрдым характером и острым на язык.

А. Е. Бадаев — колоритная личность, сочетавшая крупный организаторский талант, сильную волю и личную порядочность. Вместе с тем, он — искренний коммунист, имевший за плечами огромный опыт осуществления массовых реквизиций, насильственных акций продовольственных отрядов, кампаний по упразднению остатков торговли и налаживания безжалостной системы распределения еды, в первую очередь, с учётом принципа классовой принадлежности. При этом его натуре были присущи прагматизм и крестьянская сметка. Такому человеку предстояло возродить одно из главных направлений потребительской кооперации в бывшей российской столице. Учтём, что роль А. Е. Бадаева в становлении и развитии петроградской-ленинградской кооперации — наиважнейшая.

Вопрос о назначении Бадаева на пост председателя ПЕПО решился далеко не сразу. Камнем преткновения стали прошлые сложности в отношениях между Алексеем Егоровичем и председателем Петросовета Г. Е. Зиновьевым. Характер у Зиновьева был не их лёгких; Н. И. Бухарин говорил о его «гордыне», которая мешает признавать ошибки. Григорий Евсеевич с лёгкостью брался за решение кооперативных вопросов. Например, он отстоял схему организации

¹ Цит. по: Меньшевики. Сост. Ю. Г. Фельштинский. Вермонт, 1988. С. 246.

² *Почебут Г. А., Малкин Б. Г.* А. Е. Бадаев. Депутат питерских рабочих. Л., 1962. С. 136.

ПЕПО и губсоюза в столкновении с соперником — секретарём губкома Н. А. Углановым; последнего в угоду Г. Е. Зиновьеву Политбюро ЦК РКП(б) отозвало из Петрограда по мотивам «изживания группировок».¹

А. Е. Бадаев — человек волевой и компетентный — не мог рано или поздно не вступить в конфликт со всезнайкой Зиновьевым. Столкновение произошло летом 1920 г. Руководящие работники Петросовета во главе с Г. Е. Зиновьевым и Петроградского Совета профсоюзов в связи с временным улучшением продовольственного положения поставили вопрос о выдаче трудового хлебного пайка рабочим за отработанные, а также за праздничные и выходные дни. По-человечески вполне понятно стремление подкормить уставших рабочих. Но оно приходило в противоречие с реальностью. Бадаев и его помощники выступили против этого предложения. Дополнительная выдача продовольствия не обеспечивалась необходимым количеством хлебных ресурсов. Бадаев был возмущён очередным грубым вмешательством в работу Петрокоммуны и заявил, что эта мера нарушит регулярную выдачу пайков и окончательно подорвёт доверие рабочих к продовольственному аппарату. Между тем, Петросовет объявил выдачу дополнительных пайков за нерабочие дни. Бадаев отказался выполнить это распоряжение. 5 июля 1920 г. Петроградский губернский комитет РКП(б), обсудив «неподчинение тов. Бадаева постановлению Большого президиума от 23 июня с.г. постановил... признать необходимым радикально изменить личный состав правления Петрокоммуны и поручить бюро губкома вместе с президиумом исполкома назначить новых товарищей...».²

Конфликт между А. Е. Бадаевым и Г. Е. Зиновьевым обсуждался на Пленуме ЦК РКП(б) 16 июля 1920 г. В. И. Ленин предложил действия Бадаева признать правомерными, а самого его «реабилитировать». ЦК, согласившись с Лениным, тем не менее, избавил кандидата в члены Политбюро Зиновьева от непокорного хозяйственника, переведя его в Москву. Пост Бадаева занял А. С. Куклин. Сам Алексей Егорович возглавил Московский продовольственный орган — Москоммуну.³

Оказавшись в столице, Бадаев добился некоторого улучшения снабжения населения продовольствием. Комиссия Совета труда и

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп.1. Д. 55. Л. 151об, 157об.

² *Почебут Г. А., Малкин Б. Г.* Указ.соч. С. 145; Ленин В. И. ПСС. Т. 54. С. 713.

³ *Ленин В. И.* ПСС. Т. 54. С. 428, 714.

обороны, инспектировавшая Москоммуну, пришла к выводу о том, что это стало возможным благодаря более чёткой и слаженной работе продовольственного органа, энергии и организаторским способностям его руководителя.

Лучшей кандидатуры на важный пост председателя правления Петроградского единого потребительского общества, чем Бадаев, не нашлось. В этом убедился и Г. Е. Зиновьев. Он сам пригласил Алексея Егоровича на работу в Петроград. Летом 1921 г. Бадаев приступил к исполнению обязанностей руководителя ПЕПО. Его штаб — правление — расположился на Адмиралтейской набережной (переименованной в набережную Рошалья). В начале нового 1922 г. состоялась общегородская кооперативная конференция. Она утвердила Бадаева на посту председателя правления.

Осознавая бесполезность реформирования структур Петрокоммуну, новый председатель разрушил их, сократив численность аппарата в десять раз. Он укрепил дисциплину среди оставшихся сотрудников. Например, в первый раз за опоздание на заседание правления ПЕПО без уважительной причины из жалования правленцев вычиталось 5 млн. руб., из жалования уполномоченных — по 3 млн. руб.; во второй раз — по 10 и 6 млн. соответственно и т. д. (для сравнения: бутылка молока в кооперативном магазине в 1922 г. уже стоила около 100 тыс. руб.). Автотранспорт ПЕПО был переведён на хозрасчёт. После этого Бадаев приступил к торговле.

В ноябре Алексею Егоровичу удалось, используя свой авторитет, добиться разрешения на получение кредита в только что образованном Госбанке. Руководители последнего с большой опаской приступали к новому делу. Они потребовали приезда самого Алексея Егоровича за деньгами, ибо другим не доверяли. Бадаев с двумя помощниками отправился в дорогу. В банке им выдали 30 млрд. руб., которые тут же были упакованы в несколько мешков по... два-три пуда каждый. Руководители ПЕПО превратились в грузчиков. Обливаясь потом, они нагрузили мешками автомобиль, а на вокзале перетащили их в купе вагона. С величайшей предосторожностью деньги были доставлены в Петроград. 1 ноября 1921 г. 30 млрд. руб. в совзнаках ещё равнялись 1 млн. руб. в золотом исчислении, а уже через три месяца — только 300 тыс. руб. золотом. Позднее Бадаев будет вспоминать: «При советском знаке было так, что на какой бы быстрой машине ты не вез советский знак от одного банка в другой, все равно: приедешь — 10 процентов не хватает, переложил из од-

них рук в другие — 5 процентов не хватает».¹ Тем не менее, кредит позволил приступить к развертыванию работы. ПЕПО стало закупать техническое сырье — лен, кожу, щетину. По договору с внешнеторговым ведомством Бадаев решил продавать сырье за границу и на вырученную валюту приобретать там же муку, сахар. Из Петрограда в разные концы страны отправились партии заготовителей сырья. В распоряжении ПЕПО находились только что отремонтированные паровозы и большегрузные американские вагоны (доставшиеся от Петрокоммуны), на каждом из которых красиво выделялась надпись «Продэшелон имени тов. Бадаева». Одну из таких партий возглавлял Л. Быков. Приведем выдержку из его путевых заметок: «Вот и Брянск. Поезд отправляется на линию. Быстро разбрасываются по всем станциям вагоны. Работа с небольшими перебоями все же идет. Дороги нет, телеги тонут в грязи. Все подняты на ноги. От всех агентов берется подписка к такому-то сроку выполнить погрузку. Сами крестьяне понимают, что питерский паровоз на парах держать нельзя. Там, где не подвезены и не погружены разбросанные нами вагоны, все вместе с агентами заготконтор организуем подвоз и погрузку. Совсем легко ворочаются 15-пудовые бунты пеньки — согреваешься и, несмотря на дождь, на душе у каждого весело, что работа спорится. Каждый сознает, что лишняя кипа — лишняя десяток пудов хлеба. Загружается вагон и включается в состав поезда. Еще быстрее мчимся к Питеру, по дороге загружая и подбирая последние вагоны. Пришлось даже использовать людскую теплушку — и ту забили пенькой... Завистливо смотрят представители других организаций — у ПЕПО свой паровоз, свое топливо, свой состав. Зато гордо смотрят наши агенты заготконторы. Вот, мол, мы какие, с нами не шутите. Владельцы сырья пожимают нам руки с большим уважением и предлагают заезжать, брать пеньку. С такой, мол, организацией и торговлю вести можно. Едем дальше. Скорей, скорей — тянет в Питер».² В следующий раз Л. Быков не был настроен столь оптимистически. Пришлось ехать через пострадавшее от засухи Поволжье. Петроградцы насмотрелись на страдания голодающих, видели умирающих от истощения детей.¹

¹ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 6. Д. 170. Л. 9; Бадаев А. Е. Десять лет борьбы и строительства. С. 98, 99; Бюллетень XXI конференции Ленинградской губернской организации РКП(б). № 5. Л., 1925. С. 12.

² Цит. по: Ленинградская кооперация за десять лет. Т. II. С. 444.

Свои первые закупки заграничных продуктов Бадаев и его помощники делали прямо в Петроградском порту, куда уже в 1921 г. стали прибывать зарубежные торговые суда. С разрешения Наркомвнешторга у них было приобретено 50 тыс. пудов продовольствия, главным образом сахара. Сахаром в городе снабжали чуть ли не по граммам, а тут удалось дешево продать рабочим семьям сразу по 1,5–2 фунта. Хлеб поступал в Петроградский порт или по железной дороге из Таллина. В условиях хозрасчета в последнем случае 5% его передавалось железнодорожникам. ПЕПО не нарушало монополии внешней торговли, оно заключило договор с Наркомвнешторгом на поставку ему экспортного сырья и на покупку им же за границей муки. Благоприятная конъюнктура на внешнем рынке способствовала успеху торговой операции. Сырье сдавалось внешторгу, от которого получали хлеб, поспешно реализовывали его и бросали полученные деньги на новые заготовки. ПЕПО приобрело в общей сложности 2 млн. пудов муки, которых Петрограду могло бы хватить на два-три месяца. Одна часть муки была продана в лавках единого потребительского общества по ценам более низким, чем рыночные. Другая — по рыночным ценам, и получен доход. На общегородской кооперативной конференции летом 1922 г. Бадаев рапортовал: «Мы с честью выполнили свой долг перед пролетариатом и революцией».² Как представляется, решающую роль в достижении успеха сыграли богатое наследство Петрокоммун, авторитет и организаторский талант Алексея Егоровича и его влияние в партии (в 1922 г. он станет кандидатом в члены ЦК РКП(б), в 1925 г. — членом ЦК).

Имели значение личные связи Бадаева в центральных партийных и государственных органах; поэтому и руководители Наркомата внешней торговли серьезно отнеслись к его предложению. К числу высокопоставленных покровителей главы ПЕПО в то время относился член Политбюро ЦК, председатель правления Моссовета и заместитель председателя Совета труда и обороны (СТО) республики Л. Б. Каменев. История взаимоотношений этих двух деятелей такова. Ещё перед Первой мировой войной Лев Борисович руководил большевистской фракцией IV Государственной Думы, в которую входили всего шесть человек, в том числе Бадаев. Они

¹ Петроградская кооперация. 1922. 14 июня.

² Там же.

были вместе, когда их арестовали на конспиративном совещании, судили, отправили в ссылку. Эти двое хорошо знали друг друга по совместной работе в Москве в 1920–1921 гг.

Вместе с тем, петроградский опыт приобрел всероссийскую известность, и это содействовало упрочению авторитета Бадаева в высших партийных и государственных структурах. В начале весны 1922 г. Алексей Егорович был вызван в Москву и в течение нескольких часов беседовал с Каменевым, которого интересовали все детали закупочной операции петроградцев. Интерес объяснялся перипетиями развернувшейся в 1922 г. важной экономической дискуссии о государственной монополии внешней торговли.

Думается, от исхода дискуссии в определенной мере зависела судьба энпа. Виднейшие хозяйственники Г. Сокольников, М. Фрумкин предлагали значительно ослабить эту монополию. Фрумкин, в частности, советовал оставить в руках государства на основе твердой монополии лишь оптовую торговлю 4–5 видами товаров. И. В. Сталин одно время предлагал организовать открытый порт.¹

В. И. Ленин решительно возражал: «Открытие Питерского порта усилит контрабанду по финляндской границе до ужасающих размеров. Вместо борьбы с контрабандистами-профессионалами на нас свалится борьба со всем крестьянством льноводного района».² Воодушевленный опытом ПЕПО и вооруженный выработанными совместно с Бадаевым аргументами, его активно поддержал Каменев. Монополия внешней торговли как важнейший метод партийно-государственного влияния на экономические процессы, в конечном счете, была сохранена.

А в Петрограде в это время само существование ПЕПО и его торговых заведений оказалось под угрозой. Петроградский губернский комитет РКП(б) в марте 1922 г. принял решение о передаче всего заготовленного кооперацией хлеба Наркомпроду, органы которого якобы могли наиболее удачно распределить продовольствие. Возвратившись из Москвы, возмущенный Бадаев собирает на совещание всех членов правления ПЕПО — Молвина, Попова, Барковского, Гусарова, Зайцева, Сарафанникова, Никитина, Разоренова, Чижикова. Они принимают заявление: «Рабочая кооперация, не получая никаких продуктов от ПЕПО, все равно должна будет, не имея

¹ Сталин И. В. Сочинения. Т. 9. М., 1948. С. 75.

² Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 222.

средств, погибнуть. Ясно, что такое положение создается в результате совершенно неправильного понимания и неправильного проведения новой экономической политики...». Руководители ПЕПО слагали с себя полномочия, ибо «не считали возможным нести ответственность за гибель петроградской кооперации».¹ Заявление-протест послали в Политбюро ЦК РКП(б) и в СТО РСФСР, то есть тому же Л.Б. Каменеву. Решение Петроградского губкома было отменено. По существу, очередная попытка огосударствить отчасти освободившуюся кооперацию не удалась.

Отсутствие демократических процедур отстаивания интересов кооперации делало её беззащитной перед партийно-коммунистическим и государственно-ведомственным вмешательством. В изучаемый период ПЕПО и его структуры спасло удачное стечение обстоятельств: во главе стоял преданный делу, умный и влиятельный лидер. Но основы существования кооперации останутся шаткими.

Метаморфоза В. И. Ленина

Рыночные отношения на определенной ступени своего развития ведут к кризисам и депрессии. В частности, в 1923 г. и отечественным кооператорам пришлось пережить крупные неприятности в связи с обострением кризиса сбыта. Из-за неправильной политики цен, неналаженности торговли и рынка промышленные товары стали стоить непомерно дорого. Население сократило потребительские покупки. В свою очередь, кооперативы вынуждены были ограничить свои обороты, даже закрыть многие лавки. ПЕПО никак не могло сбыть закупленные в 1923 г. в Нижнем Новгороде товары. 1923 г. явился крайне тяжелым прежде всего для сельской потребкооперации. Ибо увеличение раствора «ножниц цен» на продукцию промышленности и сельского хозяйства очень сильно отразилось на падении покупательной способности крестьянства. Крестьянин — житель Северо-Западной области, придя в кооплавку, просил показать стекло для керосиновой лампы. «А какая цена?». Ему помнилось: до войны оно стоило 12 коп. Теперь же он слышал в ответ: «2 пуда 5 фунтов ржи». Лампочка оставалась на месте. «Во что ценишь топор?» — «2 пуда 10 фунтов». То же

¹ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 6. Д. 170. Л. 4, 4об.

самое... Ещё во второй половине десятилетия склады областной потребкооперации (Севзапсоюза) оставались забитыми коробками швейных иглонок, закупленными в 1923 г. на Нижегородской ярмарке. Деятельность потребительской и промысловой кооперации стала сокращаться.¹

Вместе с тем в таких условиях серьезно изменяется государственная кооперативная политика. Это объяснялось метаморфозой во взглядах вождя и самого влиятельного коммуниста мира, который в январе 1923 г. пишет нашумевшую статью «О кооперации». Большой В. И. Ленин впервые в своей жизни оказался надолго оторванным от интенсивной работы. Свободное время было использовано для переосмысления представлений о путях развития советского общества. Стало ясно, что многолетние безуспешные попытки решить назревшие социальные проблемы заставляют принципиально изменить их постановку и методы решения. В этом вождь увидел «коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм».²

Ленин формулирует «кооперативный план», в основу которого легли некоторые суждения видных «старых кооператоров». К ним в том числе принадлежал В. Ф. Тотомиани, доказывавший, что потребительское и артельное движение выступает средством примирения и сотрудничества классов; формой свободной консолидации всех слоев общества, стремящихся не к наживе, а к улучшению положения их членов и хозяйства. Кооперация призвана играть решающую роль в преодолении классовой борьбы в целях достижения социальной справедливости и солидарности. При этом должны сохраниться товарно-денежные отношения, частные предприятия и рынок.

Воспринял Владимир Ильич и идеи М. Н. Туган-Барановского. Михаил Николаевич в книге «Социальные основы кооперации» (1916 г.) представлял кооператив хозяйственным предприятием нескольких добровольно объединившихся лиц, которые имеют своей целью не получение наибольшего барыша на затраченный капитал, а увеличение трудовых доходов своих членов. Михаил Николаевич противопоставлял кооперативы, каждый член которых может свободно покинуть организацию, централистскому коллективизму. Последний предполагает принуждение личности — пусть и в форме применения насилия большинства к меньшинству.¹

¹ Целлариус В. ВКП(б) и кооперация. Харьков, 1928. С. 244; Сарабьянов В. Экономическая политика СССР. М.—Л., 1926. С. 445.

² Ленин В. И. О кооперации. / ПСС. Т. 45. С. 376.

Согласившись с определенными идеями сторонников «кооперативного социализма», В. И. Ленин тем не менее отмечал, что «в мечтаниях старых кооператоров много фантазии. Они смешны часто [все-таки не всегда — А. Д.] своей фантастичностью». В целях преодоления данного недостатка вождь предлагал осуществлять кооперирование советского населения под контролем, по указке и «при финансовой поддержке» государственной власти, т. е. диктатуры.² По сути дела товарищества, общества, их союзы превращались в средство партийной политики. Судьба их зависела от расстановки сил в высшем эшелоне власти. И никакая мифологизированная Лениным «власть рабочего класса» ничего изменить не могла.

Думается, подлинно самостоятельная кооперация сформировалась бы при наличии политических гарантий её независимости. В августе 1922 г. деятель РКП(б) и член коллегии Наркомата финансов Е. А. Преображенский предложил созвать Всероссийский съезд кооперации, на котором была бы представлена — наряду с другими — и коммунистическая фракция.

Примечательно, что вопрос в партийных сферах обсуждался, т. е. возможность осуществления политических уступок в отношении кооператоров начала осознаться.³ В середине 1920-х гг. видный экономист В. Сарабьянов убеждал власть: «Мелкой буржуазии нет смысла выступать против нас. Ей даже нет смысла соблюдать нейтралитет, так как нет силы, которая могла бы дать крестьянству лучшую жизнь, что крестьянин превосходно понимает. При таких условиях даже собранная в отдельные отряды кооперированная буржуазия политически не опасна». Сарабьянов апеллировал к почившему вождю и писал: «Ленин отлично это понимал, призывая трудящиеся массы к кооперированию».⁴ Никакие аргументы не помогли, политических послаблений кооператоры не дождались.

Что касается В. И. Ленина, то о серьезных политических сдвигах он не помышлял, ибо — по его мнению — наличие государства

¹ См., в частности, о влиянии идей «кооперативного социализма» на В. И. Ленина: *Самолыга И. А.* Идеино-политическая борьба по вопросам роли и места кооперации в системе экономического развития России конца XIX — первой четверти XX века. // Проблемы истории России и зарубежных стран. Под ред. Г. П. Аннина. Владимир, 2009. С. 148–154.

² *Ленин В. И.* Указ. соч. С. 369.

³ См.: *Воля России.* Прага, 1922. Вып. 2. С. 54.

⁴ *Сарабьянов В.* Указ. соч. С. 445.

диктатуры пролетариата было достаточным условием прогрессивного развития всех сфер общественной жизни. Но и в этом случае он не рассчитывал на доброжелательное отношение со стороны правящих кругов к «изменению всей точки зрения нашей на социализм». Поэтому собирался лично разъяснить смысл своей статьи в ЦК партии. Однако обострение болезни в марте 1923 г. не позволило ему это сделать. Только в мае Н. К. Крупская отнесла статью в Центральный комитет. По решению Политбюро ЦК в конце мая статья была опубликована.

Советские авторы десятилетиями твердили о колоссальном значении нового ленинского плана, о его гигантской роли в достижении идеала социального прогресса. Невозможно с этим согласиться, как нельзя и отрицать серьезного влияния на развитие кооперации сформулированных в статье идей. Думается, это влияние было противоречивым. В чем оно выразилось?

Во-первых, в глазах представителей политической элиты (за исключением, как мы увидим, Г. Е. Зиновьева и некоторых других) была восстановлена добрая репутация кооперативных объединений. В период гражданской войны и сразу после неё последние воспринимались как структуры политической консолидации контрреволюции; Г. Е. Зиновьев в 1922 г. на XII партийной конференции даже назвал их «базой антисоветских партий и течений».¹ Объяснение находили в том, что общества и товарищества объединяли частный капитал. А. Е. Бадаев по этому поводу заявил: «До статьи Владимира Ильича у нас было такое настроение..., что иногда даже авторитетные органы смотрели на кооперацию как на что-то частное». Изменение «настроения» стало результатом пропагандистской кампании, развернутой с середины 1923 г.² В итоге повышался престиж профессии кооператора. Ею стали гордиться; в конце писем не забывали поставить «с кооп. приветом».³

Во-вторых, оборотной стороной кампании стал идеологический ажиотаж. Канонизация В. И. Ленина сопровождалась идеализацией советской кооперации. Например, теоретик и историк кооперации Виктор Целлариус писал в 1928 г.: «До разбираемой статьи

¹ См.: Воля России. Прага, 1922. Вып. 2. С. 54.

² VI Общегородская кооперативная конференция. 13–14 июня 1924 г. Стенографический отчет. Л., 1924. С. 12, 18.

³ ЛОГАВ. Ф. 2578. Оп. 2. Д. 140. Л. 68.

никогда, нигде и никем это социалистическое значение кооперации не было определено в такой ясной форме, не было так высоко расценено».¹ Поэтизация (вместо научного изучения) кооперативной темы порождала завышенные ожидания, а они рано или поздно должны были привести к разочарованию.

В-третьих, по настоянию вождя кооперация стала объектом многочисленных «имущественных льгот». Это обстоятельство в условиях кризиса чрезвычайно обрадовало членов товариществ и обществ. Забегая вперед, отметим, что льготы станут элементом государственной опеки. По Положению 20 июня 1923 г. государственные и кооперативные предприятия облагались льготным промысловым налогом — 8% чистой прибыли; частные — в соответствии с Положением от 12 ноября 1923 г. — выплачивали 25%. Товарищества и общества освобождались от патентного сбора.

В июне Политбюро ЦК партии обсуждало вопрос о кооперации в свете новой постановки его в статье В. И. Ленина. Речь шла о послаблении по части выплаты налогов. Реакция на местах не заставила себя ждать. 2 июля и 20 сентября кооперативная комиссия Северо-Западного экономического совещания приняла постановление о налоговых льготах для обществ и товариществ, о сокращении взимания оплаты коммунальных услуг с их членов.² При этом на практике подлинными носителями социалистических начал признавались потребительские и сельскохозяйственные кооперативы. В «Сборнике материалов Ленинградского комитета РКП» за 1924 г. читаем: «Промысловая кооперация в работе партийных организаций занимает едва ли не последнее место в общей системе кооперативного строительства». Характерно, что о промысловых товариществах и артелях почти ничего не было сказано в резолюции XIII съезда РКП(б) (май 1924 г.) «О кооперации».³ Объединения кустарей-ремесленников — по причине их «мелкобуржуазности» — всегда находились под подозрением.

Особого внимания заслуживает непосредственный и прямой отклик петроградских кооператоров на ленинскую статью. Он содержался в опубликованном 7 июля 1923 г. на первой странице печатного органа ПЕПО «Петроградская кооперация» программном

¹ Целлариус В. ВКП(б) и кооперация. С. 244.

² Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 598; ЛОГАН. Ф. 2590. Оп. 2. Д. 1175. Л. 2.

³ Сборник материалов Ленинградского комитета РКП. 1924. Вып. 8. С. 69; Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924. Стенографический отчет. М., 1963. С. 626.

документе «Заповеди кооператора». Они вышли в свет в субботу, и петроградские читатели имели возможность познакомиться с текстом, не торопясь и обстоятельно. В тексте насчитывалось десять пунктов. Из них содержание трёх ориентировало исключительно на борьбу с частным капиталом («не покупай в частной лавке», «не сдавай частному скупщику» и т. п.). Во вторую очередь требовалось наращивать капиталы своего объединения: делать членские взносы, покупать товары только в лавке общества. Наконец, кооператору следовало активно участвовать в управлении товариществом и посещать собрания; при этом высказывалось предупреждение: «будь осторожен в критике деятельности правления, зная что критика неделовая только губит общественное дело».

«Заповеди» — своего рода кодекс поведения члена кооператива — содержали разумные практические рекомендации. Но при этом в очередной раз делался крен в сторону классовой борьбы, пронизавшей все сферы общественной жизни. Не случайно популярной детской игрушкой в изучаемый период была «Борьба Маркса с торгашами». В типографиях печатались плакаты «Хозяйка, покупающая в частной лавке, — злейший враг кооперации». Даже на пленуме Ленинградского совета однажды было заявлено, что покупатели частных лавок — а там товар и обслуживание нередко были лучшими — из принципа не идут в кооперативный магазин.¹

Метаморфоза ленинских идей относительно построения социализма не могла принципиально изменить положения кооперации в советском обществе. Последователи вождя продолжали действовать в рамках сложившейся идеологической парадигмы. Огнём и мечом насаждали они народное благо. Так, И. В. Сталин призывал «насаждать кооперативную общественность». А председатель исполкомов Петросовета (Ленсовета) и Коминтерна Г. Е. Зиновьев предлагал использовать самостоятельность кооперированного населения исключительно как средство «вытеснения частного капитала».² Хотя все они рассуждали о необходимости подъёма творческой активности членов кооперации.

¹ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 10. Д. 158. Л. 25.

² *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 8. М., 1948. С. 79; Т. 9. М., 1948. С. 156; Красная кооперация. 1924. 24 апреля.

Противоречивый подъём кооперации. 1924 г.

Вспомним, что в самом начале 1924 г. профессор Н. Д. Кондратьев делал акцент на острой необходимости пробуждения инициативы населения «в максимальной степени». Он наблюдал рост кооперации, но видел и его странности, несуразности. Профессор тревожился.

В Петрограде (переименованном сразу после смерти В. И. Ленина в Ленинград) кооперация находилась на подъёме, вызванном частичным преодолением кризиса сбыта и наделением её льготами, ссудами и кредитами. Подъём отличался противоречивостью. Противоречие — это положение, при котором одно исключает другое. Так и было — одно (хозяйственный рост кооперации) плохо сочеталось с другим (административным нажимом и идеологическим диктатом).

Напомним, что хозяйственная ситуация, в которой приходилось действовать кооператорам в 1923 — первые месяцы 1924 гг., была крайне сложной, запутанной. После сокрушительного провала планов создания «военного коммунизма», т. е. безденежного хозяйства, в стране отсутствовала сколько-нибудь устойчивая денежная система. В конце 1922 г. Госбанком и Наркоматом финансов были сделаны первые шаги к осуществлению в будущем радикальной денежной реформы. А именно: ввели систему параллельных валют. Характерной чертой этой системы было наличие двух видов бумажных денег: совзнаков и червонцев, не связанных друг с другом постоянным соотношением. При этом шёл процесс обесценивания совзнаков и их вытеснения червонцами. Сознательно проводившаяся политика внедрения червонца в обращение заключалась в том, что Государственный банк ежедневно объявлял курс червонца в совзнаках в соответствии с падением покупательной силы последних; курс червонца гарантировался государством.¹

«Крайний разноречивый и случайный постройкой цен могли в одну минуту опрокинуть все самые правильные расчёты, — рассказывал А. Е. Бадаев. — Курс мог измениться за день. Поэтому лавку кооперация стремилась открыть пораньше утром, чтобы рабочий не потерял на курсе. Весь Ленинград переживал усиленную горячку в погоне за червонцем. Не только хозяйственные организации, но

¹ Русский рубль. Два века истории. XIX–XX вв. М., 1994. С. 204.

и отдельные лица стремились все имевшиеся у них наличные деньги превратить в червонную валюту». Товарная биржа на Васильевском острове была самым оживлённым местом в Ленинграде (там совзнаки обменивали на червонцы). Рабочие и служащие, получив зарплату, старались быстрее израсходовать её, и это определяло порядок, ритм работы кооплавок, магазинов. «При таких условиях не могло быть и речи о нормальных торговых отношениях, — продолжал Бадаев. — Кооперативные лавки торговали толчками, только в день полочки, всё остальное время обслуживающий персонал стоял почти без дела».¹ Кооперация испытывала острую потребность в прекращении инфляции.

Постепенно складывались предпосылки стабилизации денежной системы. К 1924 г. были преодолены финансовый, топливный, сырьевой кризисы. Восстанавливались транспорт и промышленность (в первую очередь — лёгкая). Стало развиваться сельское хозяйство. 1922 и 1923 годы были урожайными. Сбор зерновых составил в 1923 г. по сравнению с довоенным уровнем 75%. Соответственно, вырос экспорт хлеба. За счёт крупных валютных поступлений и последовательного снижения цен на промышленные товары был преодолен осенний (1923 г.) кризис сбыта (он выразился в резком расхождении цен на продукцию промышленности и сельского хозяйства, в сокращении крестьянского рынка).

Накануне 1924 г. в Петроград прибыл нарком внешней торговли Л. Б. Красин. Прямо на вокзале он сделал заявление для прессы: «Худшее позади. Новый год Советский Союз встречает при благоприятных предзнаменованиях».² Леонид Борисович имел в виду близкую денежную реформу; он сам принимал участие в её подготовке.

В феврале 1924 г. начался выпуск серебряной разменной монеты. 7 марта ЦК РКП(б) принял обращение ко всем партийным организациям, в котором объявлялось, что денежная реформа началась. Прекратилась эмиссия совзнаков; сами они изымались из обращения. Новая твёрдая валюта в виде казначейских билетов стала входить в оборот, дополняя циркуляцию червонцев. Потребкооперация внесла достойный вклад в успех реформы. Чтобы не сорвать введение твёрдого рубля, требовалось приостановить рост рыночных цен. Государство ввело предельные цены на хлеб, соль, сахар, под-

¹ Бадаев А. Е. Десять лет борьбы и строительства. Л., 1927. С. 139, 140.

² Красная газета. 1924. 1 января (утренний выпуск).

солнечное масло — так называемые товары «бюджетного набора». Эти цены стали обязательными для государственных магазинов; в большинстве случаев по требованию ПЕПО–ЛЕПО придерживались их и кооперативные лавки. Предельные цены были много ниже рыночных, поэтому на первых порах частный торговец вынужден был снижать свои расценки, а потом и вовсе уйти из сферы торговли «бюджетным набором». Частник в то время зато держал в своих руках розничную продажу мяса, шоколада, дорогой мануфактуры; это давало прибыль.

На рынке кипели страсти. Многие настаивали на повышении цен, предвещая разорение, крах. А. Е. Бадаев пресекал всякие шаги в этом направлении. Государство пыталось помочь кооперации. Ниже себестоимости были опущены оптовые цены на дешёвые ткани, табак, карамель. Но компенсировать убыток по линии «бюджетного набора» это не могло. Положение осложнялось тем, что банки в целях укрепления валюты прекратили активные операции, и кооператоры остались без всяких кредитов.¹ Петроградская-ленинградская потребительская кооперация пошла на огромные жертвы, исчерпала созданные в течение двух первых нэповских лет резервы и запасы. Но цены на основные продукты питания в первой половине 1924 г. оставались в основном неизменными. Таким образом, во второй раз в период новой экономической политики (после товарообменной кампании 1921 г.) партийные деятели и государственные хозяйственники использовали кооперацию в целях решения задач тактического характера. Показательно, что 10 апреля 1924 г. ЦК РКП(б) принял постановление — не публиковавшееся и доведённое до сведения местных работников в циркулярном виде! — об усилении борьбы кооперации с дороговизной и частным капиталом в условиях денежной реформы.²

В сугубо упрощённом и утилитарном смысле трактовались задачи, стоявшие перед потребобществами и их союзами, в резолюции XIII съезда партии (май 1924 г.) «О кооперации». В ней читаем: «Задача развития кооперации есть прежде всего задача вытеснения из торговли частного капитала». Для этого предполагалось: «В области государственной помощи развитию кооперации

¹ *Шерих Д.* 1924. Из Петрограда в Ленинград. СПб., 2004. С. 107, 108; Партия о кооперации. Постановления и резолюции ВКП(б). М., 1928. С. 102; Русский рубль... С. 216.

² Партия о кооперации... С. 102.

прежде всего должны быть установлены особые льготные условия и усиление банковского кредита».¹ Оздоровление финансовой системы способствовало решению этой задачи. Подчеркнём: после выхода ленинской статьи кооперация получила налоговые послабления, а после денежной реформы и XIII съезда — живые деньги в виде кредитов и ссуд.

Денежная реформа явилась важным пунктом хозяйственного развития страны. Облегчились и условия деятельности потребкооперации. Появилась возможность работать на перспективу, отпала необходимость прибегать к высоким наценкам к цене товаров для страховки от неизбежных потерь на денежном курсе, полностью возродился банковский кредит. 20 мая 1924 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление о предоставлении потребкооперации права на преимущественное приобретение товаров у госпромышленности, на первоочередное получение кредита, уменьшалась арендная плата за торговые помещения.² В следующем году по решению XIV Всесоюзной партконференции крупные налоговые льготы, кредитная помощь были предоставлены промысловой кооперации города и деревни.

Окончательно отменялось ставшее повсеместно формальностью обязательное членство трудящихся в кооперативах. Теперь их членами признавались только те, кто внес пай 5 руб. Для рабочего человека и такие деньги были немалыми. Возрастала его материальная заинтересованность в работе потребительских обществ. В то же время поступление паевых взносов немного поправило финансовые дела потребительской кооперации. Всё же главную и постоянно возрастающую роль играл кредит. В «Сборнике материалов Ленинградского комитета РКП» за 1924 г. была дана оценка региональной кредитной политики. В нем характеризовались её сильные стороны: «Нужно принять во внимание банковский кредит, доходящий до нескольких миллионов рублей. Всё это способствовало увеличению оборотов первичной кооперации, большему охвату потребителей, в первую очередь своих пайщиков и лучшему удовлетворению их потребностей».

¹ Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924. Стенографический отчет. М., 1963. С. 626.

² Кооперативное строительство. 1927. № 22. С. 1–3; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. С. 233, 238; Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1. С. 458, 463.

Хотя кредит имел и свою отрицательную сторону. После денежной реформы многих партийных, государственных и кооперативных работников охватила настоящая кредитная эйфория. Правления потреббществ начали брать деньги в кредит в Ленинградском едином потребительском обществе (ЛЕПО), трестах, синдикатах. Губернский комитет партии (секретарем был П. Залуцкий) — следуя «заветам Ленина» — всячески поощрял эйфорию. В частности, губком предложил ЛЕПО увеличить кредит первичным кооперативам «на ближайший период... с постепенным увеличением кредита в дальнейшем». Проверявшие проведение в жизнь этой «директивы» (так в тексте «Сборника...» партийных решений) работники губернской контрольной комиссии с удовлетворением отмечали, что она выполнена с превышением. Только к ноябрю 1924 г. (по сравнению с апрелем) кредит Ленинградского кооперативного центра потреббществам вырос в 3 раза — до 2,5 млн. руб. Торговая прибыль составляла меньшую часть этой суммы, большая же была взята в банках.

Пользуясь льготами, привыкали к иждивенчеству; появилась традиция до бесконечности переписывать векселя — долговые обязательства. Учтем, что ещё в октябре 1923 г. Бадаев говорил о «тяжелом бремени задолженности».¹ Теперь она серьезно увеличилась. Зависимость кооперативов от так называемых «привлеченных» денежных средств станет условием полной зависимости от партийных структур, ибо кредитные учреждения также нередко зависели от них.

Между тем в 1924 г. в Петрограде-Ленинграде действовало немало потребительских обществ, которые наладили эффективные торгово-закупочные организации, рационально использовали кредиты.

Отчеты отдельных потребительских обществ за 1924 г. свидетельствовали об их несомненных достижениях. Так, действовавшее за Нарвской заставой потребительское общество «Большевик» устроило 9 лавок, 3 пекарни, 1 мельницу, 1 столовую; в них трудились 200 человек. Объем закупок и продаж вырос за 1924 г. более чем в 3 раза; 4800 рабочих и инженеров числились среди пайщиков.

В Володарском районе преуспевало общество «Правда», которое имело возможность пользоваться крупными товарными и де-

¹ Сборник материалов Ленинградского комитета РКП. 1924. Вып. 8. С. 60, 63; Протоколы заседаний Пленума Петроградского губернского исполнительного комитета Советов XII созыва. Пг. Б.г.и. Протокол № 23. С. 3.

нежными кредитами; при утверждении устава пайщики обязались отвечать за долги кооператива — это был единственный случай такого рода. В Выборгском районе в магазинах потребительского общества «Пороховское объединение» в 1924 г. были изжиты дефицит товаров и очереди.¹ Подобных кооперативов насчитывалось немало. Примечательно: в конце 1924 г. кооперации принадлежали две трети хлебопекарен огромного города. На нижней корке буханки белой муки выступали четыре крупные буквы: ЛСПО (Ленинградский союз потребительских обществ — бывший ЛЕПО).²

Кооперативы распространили практику кредитования петроградцев: продукты отпускались со сроком оплаты в пределах 2 недель; одежда и обувь — от 2,5 до 5 месяцев. Особо оговаривалось: отпуск в кредит предметов роскоши и спиртных напитков не производится под строгую ответственность заведующих лавок.³

В среднем каждую вторую покупку на рубеже 1925 г. ленинградские рабочие — значительную часть их составляли пайщики — делали в кооперативных магазинах и лавках. Стимулом развития стала жесткая конкуренция со стороны частного предпринимателя, от которого потреббщества переняли, например, лотошную торговлю.

К середине десятилетия ленинградская потребительская кооперация играла первостепенную роль в розничной торговле. Предоставим слово свидетелю — члену правления городского Союза потребительских обществ М. Короткову. Он писал: «Сам внешний вид Ленинграда говорит в пользу кооперации. В какой бы район, в какую бы глухую улицу вы ни завернули, всюду увидите магазины рабочих кооперативов, которые полны покупателями, в которых продавцы спешат удовлетворить потребителей. На проспекте 25 октября лучшие магазины — универсалы принадлежат кооперации. И какой-бы район республики мы ни взяли, всюду должны будем отметить несомненный и значительный рост кооперации за 1924 г.». ⁴ Самым крупным магазином городской потребительской кооперации до 1927 г. являлся Пассаж (в этом году был открыт более крупный — Дом Ленинградской кооперации в здании бывшего Гвардейского экономического общества — нынешний ДЛТ). У входа в Пассаж стояло чучело мед-

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 6. Д. 7040. Л. 13об, 23, 24.

² Лебина Н. Б., Чистиков А. Н. Обыватель и реформы. С. 72.

³ ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 6. Д. 7040. Л. 71.

⁴ Красная кооперация. 1924. 17 января, 7 февраля

ведя, вся его поза изображала приглашение зайти. Этот медведь стал символом ленинградской кооперации.

ПЕПО-ЛЕПО (с июня 1924 г. — ЛСПО), отдельные потребительские общества арендовали костеобжигательный, мыловаренный, пивоваренные заводы, обувную, бумаго-прядельную фабрики. К руководству их работой привлекли известного кооператора с дореволюционным стажем Василия Михайловича Шейко. Пищевые отходы с пивоваренных и хлебозаводов пускались на корм скоту на фермах ЛЕПО. На Садовой улице, д. 12 открылось ставшее популярным в городе кооперативное кафе «Двенадцать». Реклама объявляла: «Завтраки, обеды, ужины. Пиво, вино, оркестр музыки, шахматы, билиарды. Открыто до 2 часов ночи».¹ Обслуживание было не хуже, чем у частника. С партийной точки зрения, работа подобных заведений — это «торгашество». Однако пополнялась кооперативная касса. «Торгашеские» тенденции явно проявились в том, что именно кооператоры стали первыми в Ленинграде продавцами ёлок накануне Нового — 1925 — года. «Что-то непонятное: кооператив и вдруг поддерживает поповскую затею», — писала ленинградская газета по этому поводу.² «Партийность» была подзабыта в борьбе за прибыль. Учтем, что полная «реабилитация» ёлок произойдет только в 1930-е гг.

В ответ на появление многочисленных частных буфетов, чайных близ предприятий кооператоры приступили к открытию столовых на заводах. В 1924 г. они появились на нескольких предприятиях, в частности на фабрике Ногина — бывшая Паля. К лету 1926 г. насчитывалось 84 кооперативных столовых. Двигались наощупь, опыт организации общественного питания в период гражданской войны никого не устраивал. Всё было трудным — от ремонта помещений и поиска квалифицированных поваров до составления меню. Почему-то вдруг увлеклись иностранными названиями блюд; меню пестрели непонятными не только для рабочего, но и для любого француза наименованиями типа «Андрейкот» или «Уфбрули». Бичом кооперативного общепита явились хищения посетителями дефицитных ложек и вилок. Стали брать в залог шапки, придумывать хитроумные системы контроля с помощью жетонов, билетиков.

Атмосфера послереволюционной эпохи ощущалась повсеместно. Например, в кооперативных столовых столики не поощрялись, считалось, что соседство обедающих за длинными общими столами

¹ Там же. 28 июня.

² Там же. 13 января.

укрепит чувство локтя. Ведь пункты общественного питания рассматривались как очаги «коллективизации быта». В них открывались читальни, шахматные кружки, бильярды, даже играли оркестры. Из-за дешевизны обедов столовые работали с убытком, и для его покрытия по вечерам, выходным дням их превращали в пивные. За чистотой и порядком внимательно следили. Критике подвергались рабочие, продолжавшие «упорно» обедать на своих кухнях. Вот один из лозунгов 1920-х гг.: «Посемейная кухня и домашний стол — пережиток частной собственности, основа мещанского благополучия».¹ Между тем, большинство деятелей потребительской кооперации к «сверхреволюционным» призывам отнеслось скептически.

Серьезным испытанием на прочность для ленинградской потребительской кооперации явилось наводнение 23 сентября 1924 г. Этот день остался на всю жизнь в памяти ленинградцев. Отчаянно завывал и ревел ветер, небо покрылось свинцовыми тучами. Непрерывно выли гудки предприятий, гремели пушки с верков Петропавловской крепости и с боевых кораблей, стоявших на рейде Невы. Вода поднялась на 369 см, почти половина Ленинграда (в границах того времени) была затоплена. Под водой оказались кооперативные хлебозаводы, магазины и лавки, особенно много в Василеостровском, Центральном, Петроградском районах. Было испорчено большое количество товаров. Кооператоры действовали четко. Чтобы город не остался без хлеба, рабочие кооперативных хлебозаводов, стоя по колено в воде, сажали караваи в печи. 24 сентября столовые ЛСПО работали с 7 час. утра до 12 час. ночи. Детям пострадавших бесплатно выдавался хлеб. Через некоторое время все магазины ЛСПО вновь открылись.²

¹ Сборник материалов Ленинградского комитета РКП. 1924. Вып. 8. С. 59.

² Бадаев А. Е. Десять лет борьбы и строительства. Л., 1927. С. 139, 140.

Гибель добровольных потребительских обществ

Теперь — об административном нажиме, постоянно возраставшем по мере упрочения позиций партии в обществе и в государственном аппарате. В конце 1923 г. самостоятельность потребительских обществ (ДПО) была сильно ограничена. Перестала работать их ассоциация — БОК. Следующим шагом явилось укрупнение кооперативов и централизация управления ими. С чем связаны эти изменения? По мнению экономиста В. Сарабьянова — главным образом, с необходимостью «устоять против натиска частноторговой конкуренции».¹

В 1923 г. выяснилось, что по торговле многими продуктами (да почти всеми, кроме хлеба и сахара) частный предприниматель не уступает потребкооперации. Его торговые точки были маленькими (ларьки), но многочисленными. Высокая заинтересованность в «деле» частного предпринимателя, купца обеспечивала им успех.

Заметим, что в условиях, когда девять десятых промышленной продукции в стране производилось на принадлежавших государству предприятиях, поддерживаемая этим государством кооперация возобладала бы над частным капиталом в конкурентной борьбе и без административного нажима. Но требовалось время. В то же время партийное руководство не без оснований усматривало в неподконтрольном секторе экономики потенциальную политическую опасность. К тому же, партийно-государственный аппарат втянулся в кампанию по «вытеснению» частного собственника и вёл её ударными темпами.

Кооператоров же заботил вопрос другого плана: как повысить эффективность работы потребобществ. Звучали и нелепые предложения. Кооператор П. А. Хабаров, например, всерьёз считал, что для победы над частником кооперации «не следует по возможности драпироваться в тогу кооперативных принципов, надо работать такими способами и средствами, которые могут обеспечить победу на экономическом фронте». Победителей не судят, посему некоторые договаривались до целесообразности обмеривания и обвешивания покупателей. Не раз старые служащие подмачивали сахар, соль и делали это совершенно бескорыстно, деньги клали в кассу кооплавок. Орган ПЕПО «Петроградская кооперация» настоятельно преду-

¹ Сарабьянов В. Основные проблемы нэпа. М.—Л., 1926. С. 26.

преждем о необходимости вести борьбу за то, «чтобы член кооператива был гарантирован от всяких злоупотреблений».¹

Средством усиления конкурентоспособности в отношениях с частным торговцем попробовали сделать укрупнение кооперативов. Ещё в 1916 г. петроградские кооператоры разделились на две группы — федералисты и централисты. Последние видели в укрупнении потребительских кооперативов в масштабе города, в слиянии их потенциалов верное средство успеха. Федералисты убеждали оппонентов в том, что централизация приведет к пассивности пайщиков, ограничит их самостоятельность.

В годы нэпа спор возобновился с новой силой. Отличие состояло в том, что в прошлом он носил главным образом академический характер, теперь же в него активно вмешалась государственная власть (например, в лице Г. Е. Зиновьева). Причем, на стороне централистов. Укрупнение, доказывали последние, поможет сконцентрировать капиталы, что станет залогом победы над частным торговцем на рынке. При этом налицо была «зацикленность» на борьбе с частником. Показательно, что в 1925 г., подводя итоги предыдущего года, экономисты пришли к выводу: «В истекшем 1924 г. сказалось излишнее увлечение борьбой с частным капиталом».²

Петроградскую-ленинградскую потребительскую кооперацию нацеливали на решение приоритетной задачи изживания частного капитала. Вдохновителем выступил Г. Е. Зиновьев, стоявший на радикальных позициях в отношении кооперации. Вскоре после смерти В. И. Ленина, 1 февраля 1924, выступая на заседании фракции II съезда Советов СССР, Зиновьев бил тревогу по поводу требований «новой буржуазии» о введении «нэпа политического». Он ставил задачу: «Подвинтить гайки в области кооперации в духе той статьи, которую нам завещал Владимир Ильич. Подкрепить кооперацию в духе социализма, ибо кооперация может и должна стать теперь куском социализма». Нечего сказать, оригинальная трактовка: «подвинтить гайки» и сделать «теперь» же кооперацию социалистической.

Прямое отношение к кооперации имела и мысль, сформулированная председателем исполкомов Ленсовета и Коминтерна

¹ Новгородский экономист. 1923. № 4. С. 40; Петроградская кооперация. 1922. 20 апреля.

² Современная кооперация и её проблемы. Сб.ст. Предисловие И. Т. Смильги. М., 1925. С. 64.

на XIII съезде партии, который состоялся в мае 1924 г. Зиновьев заявил тогда: «Новая буржуазия — факт. На этой почве растет меньшевизм, завтра будет расти новое эсерство. Необходимо принимать контрмеры».¹ Его сильно встревожило, например, что на выборах делегатов общегородской кооперативной конференции в центральном городском районе в 1923 г. — несмотря на все усилия аппаратчиков — победили несколько меньшевиков и один анархист.²

Вставал вопрос: как добиться установления жесткого контроля над кооперацией? Посредством укрупнений. За большими объединениями проще наблюдать, легче наладить административное руководство ими. Потому-то укрупнения стали упорно проводить даже в тех случаях, когда они ослабляли потребобщества. Показательно, что в 1925 г. экономисты пришли к следующему важному выводу: «Ныне больший хозяйственный эффект дает работа не самых крупных обществ, в средних по обороту».³ Из всего этого следует, что экономическая целесообразность подменялась идейным диктатом. Так было не только в Петрограде. Вместе с тем, по данным «Красной газеты», именно этот город стал инициатором укрупнительных кампаний, его опыт использовался в Москве.⁴

Пайщики и члены правлений всё более решительно протестовали против развернутой во второй половине 1923 г. административной кампании. Крепкие кооперативы не желали идти на укрупнение со слабыми и маломощными. В декабре 1923 г. представители петроградских потребобществ собрались на совещание. Явился и заведующий оргчасти ПЕПО Лунченко, который осудил навязываемую потребительским объединениям реорганизацию. «Укрупнение у нас проходило хаотично, — признал он, — зачастую не соблюдалось даже естественное тяготение кооперативов друг к другу». Как видим, на рубеже 1923–1924 гг. некоторые руководители городского кооперативного центра старались занимать самостоятельную позицию.

¹ Под знаменем коммунизма. 1924. № 1. С. 27; Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924. Стенографический отчет. С. 1–4.

² Справочник петроградского агитатора. 1921. № 5. С. 11; Сборник материалов Петроградского комитета РКП. 1922. Вып. IV. С. 57; Сборник материалов Петроградского комитета РКП. 1922. № 6. С. 136.

³ Современная кооперация и её проблемы... С. 190.

⁴ Красная газета. 1923. 6 марта (утренний выпуск)

Лунченко ответил публично сам Г. Е. Зиновьев — член Политбюро ЦК РКП(б). В начале января 1924 г. в популярной в городе газете «Красная кооперация» появилась его статья. Он ратовал за укрупнение, объявлял, что только кооперативы с числом не менее 15 тыс. чел. (почему-то именно цифра показалась подходящей) будут «накапливать капиталы». С ним согласился на этот раз А. Бадаев. Алексей Егорович и всё правление Ленинградского единого потребительского общества (ЛЕПО — бывшее до февраля 1924 г. ПЕПО) вынуждены были высказаться за создание кооперативов, охватывавших пайщиков целого городского района. Бадаев, увлеченный битвой с частным торговцем, убеждал себя и других, что кооперативы не имеют права распылять свои средства, а недостатки процесса централизации, по его мнению, были вполне устранимы.¹

Примечательно, что в 1924 г. ещё позволялось вести публичную дискуссию с членом Политбюро ЦК компартии. «Красная кооперация» поместила статью, в которой содержалось предостережение: «Маленький кооператив силен и живуч активностью своих пайщиков, с множеством же пайщиков он может погибнуть, если они не будут активны». Автор взял псевдоним «Еж», видно, хотел показать, что кооперативы способны сопротивляться укрупнителям. Попытка отстоять свои права была сделана на собрании уполномоченных кооперативов Ленинградского района. Часть собравшихся демонстративно покинула зал заседания, заявив: «Нам здесь делать нечего, ибо все вопросы уже без нас предreshены в партийных и советских организациях».² Как представляется, сочетание публичных дискуссий с сильным партийно-административным нажимом характеризует методы работы главы Петрограда-Ленинграда Г. Е. Зиновьева и его команды.

Остановимся подробнее на средствах и методах проведения укрупнительной кампании. Особо подчеркнем, что не было ничего дурного в самом слиянии кооперативов в случае, если оно диктовалось требованиями жизни, экономики. В годы хозяйственных трудностей, кризисов карликовые кооперативы сами примыкали к более солидным, из их среды был выдвинут лозунг «единого кооператив-

¹ Хейсин М. Л. Исторический очерк кооперации в России. Л., 1926. С. 224; Петроградская кооперация. 1923. 29 декабря; Красная кооперация. 1924. 10 января; ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 8. Д. 304. Л. 16.

² Красная кооперация. 1924. 17 января, 7 февраля.

ного фронта». Однако укрупнение, начавшееся в 1923 г., носило иной характер. Оно осуществлялось командно-административными методами, ко всему же ещё в спешке, в суете. Характеризуя инспирируемые властью настроения кампанейщины, кооператор В. Белоусов писал: «Мы все страдаем болезнью централизации, которая заставляет нас настораживаться и ждать всяких бед, если делается та или иная наша работа не по одной какой-то линии».¹

Главную роль в изменении количества и организационной структуры кооперативов играли сформировавшиеся при многих из них к 1924 г. партийные ячейки, получавшие четкие инструкции из районных комитетов РКП(б). Деятельность обществ и товариществ начинала зависеть от райкомов. Последние судили об их работе по показателю численности «коммунаров» среди служащих. Эта численность постоянно увеличивалась за счет организуемых партактивами кампаний «чисток» и назначения на освободившиеся места (в 1924 г. «вычистили» в среднем каждого седьмого беспартийного служащего ленинградских кооперативов) рекомендованных райкомами партийцев.

Организаторы потреббществ — сами члены РКП(б) — проявляли недовольство в форме посылаемых в партийные инстанции жалоб, заявлений, докладов. Так, в направленном в райком Московско-Нарвского района докладе председателя правления кооператива «Красное знамя» Г. Гегеля о работе за 1924 г. читаем: «Коммунары не особенно охотно идут продавцами в лавки, а хотят сразу же быть заведующими, но без соответствующей подготовки они могут дискредитировать партию».² Жаловались на членов РКП(б) правленцы обществ «Василеостровец», «Пороховское объединение». Руководители объединения «Полюстрово» докладывали о растратах крупных денежных сумм «командированными райкомом» работниками.³

Несмотря ни на что, структуры РКП(б) упорно проводили партийную кадровую политику. Изучение докладов правлений и прилагавшихся заключений райкомов показывает: кооператоры, которые пытались отказать в устройстве на работу райкомовским протеже, попадали в черный список. Например, деятельность успешного «Пороховского объединения» Выборгский райком пар-

¹ Союз потребителей. 1923. № 7. С. 6.

² ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 6. Д. 7040. Л. 54.

³ Там же. Л. 1, 26, 32.

тии оценил так: «Твердой линии борьбы с частным рынком нет. Кооперации как рычага социализма здесь не наблюдается». А жалобщиков из «Полюстрово» райком сурово наказал, приняв решение: «произвести радикальное изменение в составе президиума правления». И, наоборот, руководители потребобществ, которые демонстрировали лояльность в отношении мероприятий партийных структур, характеризовались: «выдержанный работник», «энергичный работник».¹

Уже в 1924 г. многие ответственные посты в потребобществах были заняты посланцами из структур РКП(б). Лишь в отдельных случаях кооперативам удавалось отстоять независимость и отказаться от услуг чужаков.²

Активное вмешательство партии придало укрупнению кооперативов характер важной политической акции, содействовавшей изживанию бесконтрольности управления ими. Организационные отделы райкомов РКП(б) на основании рассмотрения докладов правлений и предоставляемых партийчeyками сведений формулировали четкие рекомендации. Относительно одних кооперативов: «Подлежит ликвидации»; относительно других: «Подлежит укрупнению». «Достойных» продолжать работу оставалось немного.³

Укрупнение коснулось успешных кооперативов «Коопвуз», «Спартак», «Верный путь», «Красное знамя», «Рабочий эмигрант», «Кузнец», «Красный треугольник», потребобщества Медицинской академии.⁴ По утверждению кооператоров-практиков, укрупнение не достигло своей цели, не способствовало успехам в конкурентной борьбе с частным капиталом, так как не усилило, а ослабило потребительские общества. Государству пришлось выделять дополнительные средства на их поддержку. Главное же, в укрупненных кооперативах пайщики нередко переставали ощущать ответственность за общее дело и участвовать в организации кооперативного процесса. Последствия не замедлили проявиться. В частности, организаторы потребобществ жаловались в своих отчетных докладах на «частые и большие недостатки по лавкам».⁵

¹ Там же. Л. 28, 36.

² Там же. Л. 16, 16об, 36.

³ Там же. Л. 81.

⁴ Красная кооперация. 1924. 28 июня.

⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 6. Д. 7036. Л. 46, 64об; Д. 7040. Л. 3, 32.

Делались попытки навести порядок путем создания управляемой кооперативной самостоятельности. На собраниях пайщиков избирались советы уполномоченных. По мере усиления партийного руководства число выборных представителей уменьшалось. Например, в 1924 г. в советах уполномоченных семи кооперативов Московско-Нарвского района с 25 тыс. пайщиков числилось 732 представителя; в 1925 г. в оставшихся 5 кооперативах с 50 тыс. пайщиков (вспомним: Г. Е. Зиновьев мечтал о 15 тыс. членов в каждом обществе) насчитывалось 532 уполномоченных. При этом в 1924 г. 30% их членов имели партийные билеты, а в 1925 г. — уже 45%.¹ Как видим, в результате укрупнительной кампании партийное влияние в потребительской кооперации сильно выросло. Плохо, что партийные органы непосредственно вмешивались в экономику. Между тем им не удалось свести к нулю рыночную активность кооперации. Например, на заседании бюро Петроградского райкома РКП(б) 5 мая 1925 г. отмечалось: «Кооперация ударяется в торговлю как чисто торгово-коммерческая организация».²

Советы уполномоченных собирались раз в месяц, обсуждали отчеты представителей торговых заведений. Они избирали правления кооперативов, осуществлявшие оперативное руководство. А также формировали ревизионные и лавочные комиссии, которые от имени пайщиков занимались переучетом товаров в лавках, следили за доброкачественностью продуктов, рассматривали балансы, производили ревизии магазинов.³ Кооперативная самостоятельность не была упразднена. К тому же, сохранилась традиция стихийных собраний пайщиков отдельных учреждений или заводских цехов. Вот как описывал относившееся к 1924 г. одно такое собрание членов общества «Правда» кооператор Г. Золотов: «Предкоопа говорит медленно, басом, сопит, почему то машет руками и топает правой ногой. Но рабочим все ясно: “Молодец, предкоопа!”»⁴

В июне 1924 г. на 6-й общегородской кооперативной конференции было решено Ленинградское единое потребительское общество преобразовать в Ленинградский союз потребительских обществ (ЛСПО). Дело не свелось к перемене названия. ЛСПО — в отличие от ЛЕПО — не был торговой организацией. Его магазины передава-

¹ Там же. Д. 7040. Л. 50–52.

² Там же. Д. 7039. Л. 4.

³ Там же. Л. 93, 98.

⁴ Красная кооперация. 1924. 2 марта.

лись опекаемым потребобществам. Городской союз сосредоточился на информировании кооперативов о состоянии рынка, кредитовании их, организации оптовой продажи товаров, налаживании работы пивоварен и хлебозаводов.¹

Существованию централизованной в масштабах города кооперативной сети (ПЕПО-ЛЕПО) и самостоятельных кооперативных обществ приходил конец. Складывалась единообразная кооперативная система. У неё имелись свои достоинства и недостатки. В принципе, можно говорить о целесообразности объединения. Но его обязаны были строить на добровольных началах, при сохранении элементов демократического самоуправления каждой объединявшейся ячейки. На деле же партийные и государственные органы административировали в отношении ПЕПО-ЛСПО, а последние — в отношении кооперативов. Символично, что потребобщества назывались «низовыми», гордый термин «добровольные потребительские общества» перестали употреблять.

Ремесленники и жилищники

Конец 1923–1924 гг. составили важный этап в развитии артельного движения Петрограда-Ленинграда. Это связано с оздоровлением общей экономической ситуации в стране, с ростом хозяйственных возможностей промкооперации. Она занимала своё место в экономической системе.

В 1923 г. отчетливо выявились два разных, противостоявших друг другу, подхода к решению проблем кустарной промышленности, ремесленников и их артелей. Выступая на XII съезде РКП(б) (1923 г.), Л. Д. Троцкий характеризовал кустарей как конкурентов государственной промышленности и поставил их на одну доску с предпринимателями и даже контрабандистами. Это было, мягко говоря, явное преувеличение. С ним не могли согласиться некоторые делегаты. А. И. Рыков возразил: опасность не в кустарях, а в перекупщиках их продукции — «будущих капиталистах», средством борьбы против которых является промкооперация.²

¹ Сборник материалов Ленинградского комитета РКП. 1924. Вып.8. Л., 1925. С. 59; Очерки истории Ленинграда. Т. 4. М.–Л., 1964. С. 251.

² Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1968. С. 317, 319, 360, 387, 473.

Авторитет Льва Давыдовича оставался очень высоким. Так, в прозвучавших с трибуны партийного съезда многочисленных приговорах с мест даже не упоминалась фамилия Рыкова, один — два раза были отмечены заслуги Сталина и Бухарина, зато провозглашались здравицы за Троцкого — его одного или вместе с Зиновьевым. Когда, например, «вождь Красной Армии», как называли Троцкого газеты (он был наркомвоенном, председателем Реввоенсовета), призвал «крестить фабрики и заводы именами, дорогими рабочему классу», то началось сплошное переименование, и не только предприятий. Кстати, в это время и Гатчина была названа «городом имени Троцкого», то есть Троцком.¹

Ошибочное мнение крупнейшего партийно-государственного деятеля, высказанное на партсъезде, сыграло отрицательную роль в развитии всей кустарной промышленности, кооперированной в том числе. Ещё весной 1925 г. Ф. Э. Дзержинский говорил о сохранившемся кое-где отношении к кустарям «как к конкурентам, как к врагам, как к совершенно чуждым элементам». Хотя взгляд на кооперированных кустарей к тому времени уже сильно изменился.

Петроградские-ленинградские ремесленники-артельщики ощутили негативное отношение со стороны властей, усилившееся после XII партсъезда. Доходило до того, что они предпочитали скрывать свою принадлежность к артелям, опасаясь, как бы их не причислили к категории совладельцев предприятий и не обложили соответствующим налогом. В финотделах не делали никаких различий между кустарем-частником и артельщиком. Только в 1924 г. кустарно-кооперативная комиссия Северо-Западного экономического совещания (эконосо) по докладу одного из её руководителей Ф. Ершова приняла решение о снижении налогов с промкооперативов.²

Политика государственных органов в отношении ремесленной кооперации отличалась противоречивостью. В начале 1924 г. была поставлена под вопрос сама возможность хозяйственной деятельности Производсоюза. Его устав перерегистрировался в кустарно-кооперативной комиссии Северо-Западного областного бюро ВСНХ (промбюро). И в текст была вставлена фраза, вызвавшая настоящий

¹ Красная газета. 1923. 26 сентября (утренний выпуск).

² Четырнадцатая конференция Российской Коммунистической партии (большевиков). М. — Л., 1925. С. 166; Красная кооперация. 1924. 3 июля; ЛОГАВ. Ф. 2590. Оп. 2. Д. 1173. Л. 106.

переполох в доме № 3 по Моховой улице, где в 1923 г. разместилось правление Производсоюза. Последнему совершенно запрещалось по уставу применять наемный труд в его «мастерских, складах, магазинах и т. п. производительных, торгово-промышленных заведениях» и не позволялось «арендовать и сдавать в аренду таковые». Это делалось в целях пресечения частнопредпринимательских устремлений артельщиков. Фактически устав превращался в смертный приговор Производсоюзу: перечисленные заведения пришлось бы закрыть.

Утром 6 февраля 1924 г. секретарь правления промкооперативного центра М. Н. Ямайкер явился в промбюро. Там его аргументы по части отмены запретительной статьи во внимание не приняли. Тогда члены правления Производсоюза отправили письмо в Главное экономическое управление (ГЭУ) ВСНХ.

Регистрационная комиссия при отделе кустарной промышленности ГЭУ ВСНХ, к удовольствию ленинградских кооператоров, уже на заседании 25 февраля признала действия Северо-Западного кустбюро ошибочными на том резонном основании, что «декрет от 7 июля 1921 г. ограничений указанного рода в отношении права пользования наемным трудом не устанавливает». Однако это заключение в Ленинграде, в промбюро, показалось не очень-то авторитетным. Понадобилась телеграмма за подписью начальника ГЭУ ВСНХ С. П. Середы (в конце 1924 г. он возглавит Всероссийский союз промысловой кооперации). Только тогда в промбюро уступили. Узнав об этом, предправления Производсоюза Ф. А. Пожаров дал волю своим чувствам. На глазах у многих свидетелей он вычеркнул красными чернилами опасную фразу из зарегистрированного устава. В архиве сохранился текст устава, бросается в глаза жирная торжествующая красная линия.¹

С 1925 г. на протяжении ряда лет подобных ситуаций не возникало. Органы региональных промбюро и экосо сдавали в аренду на льготных условиях промысловым кооперативам бездействующие предприятия, оказывали помощь артелям и товариществам в закупке сырья, в заключении договоров с государственными фабриками и заводами.

В правлении Производсоюза стала складываться товарищеская рабочая атмосфера. В полном соответствии с уставом, до 1926 г. оно переизбиралось ежегодно. После Ф. А. Юдина в 1923 г. правление

¹ ЦГА СПб. Ф. 1938. Оп. 1. Д. 1127. Л. 2, 4, 16, 16об, 20.

возглавил Ф. А. Пожаров (последний беспартийный председатель), в 1924 г. — А. И. Плотников; с 1925 г. на целое пятилетие их место занял И. М. Иванов. Перевыборы проходили на собраниях уполномоченных. Вот, например, один из состоявшихся летом 1924 г. форумов выборных от ленинградских кооператоров-ремесленников. К тому времени собрание уполномоченных превратилось в представительное учреждение со своими традициями. 28 июля его открыл, по установившемуся порядку, старейший артельщик Ленинграда Прокофьев из кооператива «Футлярщик». Были заслушаны доклады руководителей правления, ревизионной комиссии, развернулись бурные прения. До глубокой ночи спорили о том, кого выдвинуть в состав органов кооперативного центра. Одни высказывались за избрание опытных кооператоров Александровского, Медакова, Хямельяйнена, другие — против. Их критиковали за ошибки, просчеты, но, в конце концов, они прошли в новый состав правления. Были и забаллотированные кандидаты.¹

Забегая вперед, отметим, что во второй половине десятилетия традиции выборности и гласности в руководстве стали нарушаться — не сразу, постепенно. Первым «варягом» среди председателей правления Производсоюза был И. М. Иванов. Он ранее входил в правление Северо-Западного областного потребсоюза (Севзапсоюза) и на новый пост был «настоятельно рекомендован» партийными органами. Пройдя школу областной потребительской кооперации, которая являлась гораздо более централизованной системой, он нередко склонялся к перегибу палки в сторону административного давления на артели. Об этом речь впереди.

Сформировалась система экономических взаимоотношений между промкооперативами и их городским центром. На содержание аппарата и все хозяйственные операции Производсоюза артели отчисляли 10% паевого капитала и 2% — с оборота. Взамен им помогали в поиске заказов, при оптовой закупке сырья и продаже изделий.

В Государственном, Всероссийском кооперативном, коммунальном банках правленцам артелей не очень-то доверяли, их там попросту не знали. Зато там верили солидному общегородскому промкооперативному центру. Тогда Производсоюз занялся кредитованием артелей.

¹ ЛОГАВ. Ф. 2578. Оп. 2. Д. 31. Л. 49, 83.

Кредитная деятельность Производсоюза сыграла решающую роль в становлении ряда кооперативов. Среди них — и «Футлярщик», в котором производились портфели, портмоне, кошельки. Он образовался в мае 1924 г. и довольно скоро ощутил нехватку оборотных средств. Дополнительные паевые взносы проблем не решили. Деньги заканчивались. Взяли сырьё в переработку у скупщика, но он потребовал львиную долю прибыли. На общем собрании постановили: «Лучше месяц прожить без хлеба, но наладить самостоятельную работу, самим закупать сырьё, самостоятельно сбывать продукцию». Пошли с просьбой в Производсоюз: «Помогите стать на ноги. Доверие, которое окажете нам, оправдаем». Производсоюз помог, открыв кредит. Деньги с небольшими процентами были вовремя возвращены.¹

Но и кооперативный центр не всегда мог оказать содействие. Обувная артель «Польза» в тяжёлый момент помощи не получила. Обувщики ограничили свой заработок. Однако в октябре 1924 г. пришлось избирать ликвидационную комиссию.

В целом артели были заинтересованы в городском кооперативном центре, а он, в свою очередь, стремился воздействовать на них. С помощью кредита Производсоюз регулировал цены на продукцию. Изделия ремесленных кооперативов отмечались «клеймом»; так стимулировались повышение качества и рост объёма продаж. В штате Производсоюза появилась должность модельера, который помогал артелям разрабатывать новые фасоны обуви и одежды.²

Возрастала роль Производсоюза и в закупке артелями необходимых им сырья и материалов. Правление заключало договоры с ленинградскими предприятиями на поставку кожи, краски, текстиля. Оптовому покупателю делали значительную скидку в цене. Соответственно, и кооперативный центр продавал дешевле. Скажем, 1 кг кожи, купленный обувной артелью в розничной торговле, стоил 6 руб., а на складе своего городского союза — 2 руб. 65 коп. Пользуясь временным промежутком, когда «затоваривание» прекратилось, а дефицит товаров ещё не давал себя сильно почувствовать, производсоюзовцы развернули плодотворную снабженческую работу.³

¹ Кооперативное строительство. 1928. № 5–6. С. 52, 53.

² Артельное дело. 1924. № 6–12. С. 37; ЛОГАВ. Ф. 3451. Оп. 1. Д. 356. Л. 74, 108, 110, 127; Ф. 9520. Оп. 2. Д. 1246. Л. 58.

³ Красная кооперация. 1925. 6 октября; ЛОГАВ. Ф. 2578. Оп. 2. Д. 18. Л. 219.

В 1924 г. увеличились покупательная способность населения и спрос на услуги и промышленные товары. Как грибы после тёплого дождя, росли новые артели — «Интенсивность», «Трудшвей», «Эра», «Красный сапожник». В городе появилось множество артельных вывесок, на которых непременно стояло слово «Красный...» («Красный извозчик», «Красный водолаз», даже «Красный инвалид»). В этом нашёл отражение колорит революционной эпохи. Возникла крупная артель «Красный автомобиль», занимавшаяся ремонтом и объединявшая токарей, корпусников, слесарей, медников, маляров, обойщиков, всего — 41 человек. Набирали силу артели, созданные в прошлом, — «Футлярщик», «Мундировщик». Ещё оставалась высокой «хозяйственная смертность» среди кооперативов, но она была несравнима с уровнем 1921–1923 гг.

Резко вырос выпуск промкооперативной продукции. Показательно, что за 1924 г. и начало 1925 г. количество магазинов Производсоюза потребовалось увеличить с 1 до 12. Располагались они в районах проживания кустарей (на Фонтанке, Охте и т. д.). Цены в них не превышали государственные. Крупный кооператив «Пролетарий» умудрялся продавать свои железные кровати ещё и через лавки ЛСПО.¹

Как представляется, важнейшим условием успешной деятельности промысловой кооперации Петрограда-Лениграда стало налаживание взаимоотношений между её звеньями.

В то же время происходило расширение форм кооперативного строительства. С городскими артелями и их союзом тесно сотрудничало Ленинградское общество кустарей-одиночек. Это была общественная организация, объединявшая несколько тысяч не входивших в промкооперативы ремесленников. Как и Производсоюз, общество помогало своим членам решать экономические проблемы, старалось отстаивать их интересы в государственных органах, содействовало подъёму общественной активности и приобщало к культуре. По сути дела, оно выполняло — кроме прочего — и функции кооперативного центра. В 1920-е гг. таких организаций по стране появилось около двухсот. Но самое первое возникло в Ленинграде.

Кустари-одиночки, не вступавшие по разным причинам в артели, прежде всего ощущали необходимость создания общественной организации, которая бы защищала их юридические права. Так, фи-

¹ Красная газета. 1924. 1 января (утренний выпуск).

инспектор был неизменно строг, но не всегда справедлив к кустарю, иногда — предубеждён против него. Однажды в губфинотдел поступила жалоба сапожника. Суть дела была проста. Налоговый инспектор принял дворника, прибывавшего подмётку в мастерской, за наёмного работника, не пожелал слушать никаких объяснений, обложил сапожника повышенным налогом. К жалобе прилагались документы, подтверждавшие правдивость слов кустаря. И это не было единичным случаем. Обижали и некоторые владельцы частных лавок (магазинеры), перекупщики, которые назначали крайне низкие цены на кустарную продукцию.¹ Жизнь заставляла ремесленников осознать единство интересов.

В начале 1924 г. в Ленинграде шла активная подготовка к общегородской забастовке надомников — обувщиков, работавших на частных предпринимателей. Это вызвало невиданный подъём общественной активности ремесленников. На его волне и возникло «Ленинградское общество кустарей-одиночек всех профессий» (таково полное название).

Группа ремесленников с Пушкинской улицы образовала оргкомитет, который выработал проект устава будущего общества и 24 февраля 1924 г. созвал кустарей-одиночек на общегородское собрание. Попытка провести собрание по накатанному пути провалилась. Выступление официального докладчика — депутата Ленсовета Зенковича — никого не удовлетворило. Он говорил в отвлечённой форме и больше налегал на призывы сплотиться вокруг рабочего класса. Тогда сами кустари поставили вопрос ребром. Они выходили на трибуну с наболевшими обидами, с жалобами, суть которых, прежде всего, сводилась к тому, что «государство охраняет рабочих и крестьян от эксплуатации, а ремесленник-одиночка ничего этого не имеет». Большинство высказывалось за создание своей общественной организации. Выступления перемежались репликами. Все рвались на трибуну. Часть собравшихся горячо возражала против образования общества, содержание которого потребовало бы затрат. Дело дошло до ссоры, но порядок быстро восстановили. В установившейся тишине было зачитано постановление собрания. «Организовать в Ленинграде чисто пролетарское общество ремесленников-одиночек, — говорилось в нём, — всеми силами стре-

¹ Картужанский Л. И., Ямайкер М. Н. Кустарь и артельщик. Л., 1928. С. 91; Вестник промысловой кооперации. 1924. № 7–8. С. 67.

миться не допустить в него... эксплуататоров ремесленного труда». Затем сконструировали правление, приняли устав. Целью общества объявлялось вовлечение кустарей-одиночек в общепролетарское движение. В задачи общества входила правовая защита членов, организация кассы взаимопомощи, культурно-просветительская деятельность и кооперирование ремесленников путём создания общих мастерских. В следующем месяце административный подотдел исполкома Ленсовета зарегистрировал устав общества.¹

Мы имеем дело с интересным и, возможно, показательным явлением. Ещё раз обратим особое внимание на то, что в первые годы нэпа в «колыбели пролетарской диктатуры», в Ленинграде активные представители «мелкобуржуазных слоёв» создали свою организацию. И её признала диктаторская власть. Конечно, причину следует искать, прежде всего, в удачном стечении обстоятельств. Кустари объединялись в целях проведения стачки и борьбы с «тайными акулами капитализма» (так говорилось на собрании 24 февраля). К тому же, они декларировали свою солидарность с пролетариатом и стремление к созданию в перспективе производственных кооперативов. Между тем, нельзя отрицать и факт проявления Советской властью некоего подобия классовой терпимости. Думается, новая экономическая политика — притом, что административное давление со стороны партии было сильным, но не всеобъемлющим — содержала в себе противоречие, выражавшееся, в том числе в наличии демократической тенденции.

Правление нового общества содействовало (главную роль играли профсоюзы) проведению в марте стачки обувщиков, добивавшихся повышения закупочных цен на их продукцию владельца-ми частных магазинов. Его представители приняли участие в работе стачечного комитета, который располагался в доме № 1 по Троицкой улице (ныне улица Рубинштейна). Обувь магазинерам перестали поставлять, выставили пикеты, товары не раскупались. Торговцы запросили пощады. Один из организаторов забастовки П. Усанов вспоминал: «В комнатах, где проходил приём хозяев, стоял гвалт и лились крокодиловы слёзы. А рядом, в других комнатах, собиралась очередная смена пикетов».² Перекупщики и хозяева магазинов согласились пойти на уступки обувщикам. Об обществе стало известно всему Ленинграду.

¹ Кустари-одиночки и их организации. Л., 1925. С. 24–26, 30.

² Усанов П. Здравствуй, товарищ райком. Л., 1984. С. 306.

Сразу после регистрации устава в общество буквально хлынули кустари-одиночки. Ежедневно записывались, платили взносы до 200 человек. Уже на Первомайскую демонстрацию 1924 г. вышли 3 тыс. членов общества кустарей с транспарантами «Да здравствует объединённый труд».

По образцу Производсоюза сформировалась структура общества. Центральным органом его являлся избираемый на территориальных общих собраниях делегатский совет, созываемый не реже двух раз в год. На нём принимались все важные решения и создавалось правление. Очень высокие требования предъявил совет к личности председателя. В июле избрали на этот пост рабочего-серебряника А. Н. Степанюка, ценимого в ремесленной среде за порядочность, трудолюбие, инициативность. Хотя Степанюк принадлежал к «бывшим» — до революции он владел магазином — никому в голову не пришло получать санкцию в партийной инстанции.

Весь «платный» аппарат общества состоял из председателя и трёх членов правления — М. Д. Трусканова, И. Ф. Ханина, О. Н. Нурмане. Правда, зарабатывали они немало (от 110 до 190 руб.), и это служило хорошим стимулом активной деятельности. Установились связи с Производсоюзом и Северокустарём (областным союзом кустарных кооперативов), представители которых вошли в состав правления. По поручению ленинградского Производсоюза его деятель А. И. Александровский курировал объединение кустарей-одиночек. Воли своей он не навязывал, а помощь оказал немалую.¹ После получения сообщения из Ленинграда о возникновении необычного объединения ремесленников, в юридическом отделе ВЦСПС долго размышляли, в какую графу и рубрику его занести. Наконец, отделились отпиской: «Общество утверждено не в обычном порядке, не подходит ни под один вид организаций, установленных соответствующими законами, сама организация, создающая параллелизм в работе промкооперации, по существу ненужная».² Показательно, что в заключении юротдела ВЦСПС не подвергается сомнению кооперативный характер нового общественного формирования; другое дело — его неординарность, оригинальность перепугали профсоюзных чиновников. К счастью, никаких конкретных рекомендаций

¹ ЦГА СПб. Ф. 1938. Оп. 1. Д. 1151. Л. 32, 60, 126; Красная кооперация. 1925. 1 января; Кустари-одиночки и их организации. С. 28.

² ЛОГАВ. Ф. 2578. Оп. 2. Д. 31. Л. 122.

заклучение не содержало. Его составители ошибались: объект их критики оказался крайне необходимым кустарям. По примеру ленинградских коллег ремесленники создали похожие организации в Луге, Детском селе, Троице, Вырице, Колпино, где влияние кооперативных центров (Производсоюза и Северокустаря) было слабым. Общества доказали своё право на жизнь. Они начали снабжать кустарей сырьём, беря на себя функции закупочных кооперативных объединений.

Правление во главе с А. Н. Степанюком досконально изучило бюджет ленинградских ремесленников. Оказалось, что у значительной их части заработок ниже прожиточного минимума. В среднем ремесленник с семьёй в 3–4 человека тратил не менее 50 руб. в месяц; примерно столько же он зарабатывал. В результате многие кустари «совершенно не платят никаких налогов, — писали правленцы в исполком Ленсовета, — постановления финансовых инспекторов об описи их имущества остаются на бумаге за отсутствием инвентаря и имущества, подлежащих описи. Большинство судебных дел о взыскании квартирной платы и выселении касаются кустарей. В школах задолженность кустарей накапливается до тех пор, пока им не делается предложение уплатить вместо 6 руб. за учащегося по 2 руб. с рассрочкой».¹

Руководители общества принялись хлопотать о предоставлении его членам льгот по налогам, плате за квартиру и обучению детей. В разные государственные и профессиональные организации были поданы десятки ходатайств об уравнивании тружеников-кустарей в правах с рабочими. Множество раз сами правленцы ходили со своими просьбами по инстанциям. Чаще всего их «кормили завтраками» — в смысле «Зайдите завтра», но доводилось слышать и такое: «Оставьте! Кустари — мелкие собственники, шкурники. Никаких льгот им давать нельзя». Кустарей упрекали в «буржуазности»; заявляли, что за счёт «рвачества» они имели сверхвысокие доходы. Тогда правление произвело перерегистрацию всех кустарей и добилося исключения ремесленников, использовавших наёмный труд. Пролетарская чистота рядов организации ремесленников больше не подвергалась сомнению. После этого Ленинградский губпрофсовет стал активно помогать обществу кустарей-одинок. Позже организация ремесленников получила поддержку от Коми-

¹ ЦГА СПб. Ф. 1938. Оп. 1. Д. 1151. Л. 81, 83.

тета содействия кустарной промышленности при Ленинградском губплане.¹

Примечательно, что большевистская власть, признав социальную значимость общественной группы кустарей-ремесленников, временно согласилась и с существованием их (неконтролируемой партийными органами!) самостоятельной организации.

Кооперативная самодеятельность, серьёзно влиявшая на жизнь горожан, получила распространение в годы новой экономической политики и в жилищной сфере. Расскажем об этом подробнее. Но сначала — краткая предыстория.

В 1918 г. Советская власть национализировала все сколько-нибудь крупные дома. «Мир хижинам — война дворцам!» Из «хижин» люди поехали в квартиры, прежние владельцы которых подвергались уплотнению или вообще выселялись. Далеко не все переселенцы были рабочими; многие пролетарии, памятуя о транспортных проблемах, предпочитали не отрываться от предприятий. Управлять домами стали выборные органы — домовые комитеты. Однако в большинстве они состояли из «социально-чуждых» — т. е. жильцов уплотнённых квартир и прежних домовладельцев. Поэтому в октябре-ноябре 1918 г. в Петрограде в соответствии с постановлением СНК Союза коммун Северной области проходят общие собрания жильцов по перевыборам домкомов. Последние включают в себя пролетариев и получают название «домовые комитеты бедноты».

В некоторых случаях выборным органам удалось мобилизовать самодеятельность жильцов на борьбу за сохранение домов от грязи, холода, грабителей. Однако в центральных районах, где вместе со старожилками селилась съехавшаяся со всего города разношёрстная публика, это удавалось нечасто. Квартирами пользовались бесплатно, доставались они даром. Незаинтересованность, обезличка, безответственность принесли большой вред. «Стоит дом на лучшей площади Питера, — свидетельствовал государственный деятель В. И. Невский, — в начале осени с крыши содрали три листа железа, пошёл дождь — погиб третий этаж, люди из него выселились; пошёл снег — погиб потолок второго этажа; теперь дом, хороший, каменный дом, необитаем. А сколько таких домов!» Кроме того, многие деревянные здания были буквально

¹ Красная кооперация. 1925. 16 мая; Кустари-одиночки и их организации. С. 29.

съедены жуками-вредителями (ведь не отапливались) или пущены на дрова.¹ В 1922 г. специальной комиссией по обследованию домов Петрограда зарегистрировано свыше 600 зданий, по своему состоянию угрожавших общественной безопасности.²

С введением нэпа ситуация стала улучшаться. Процесс легализации товарно-денежных отношений предполагал и движение по пути частной собственности и сделок с недвижимостью. В советской действительности появились элементы нормального общества либеральной модели.³ Впрочем, большую часть жилого фонда демуниципализация не затронула.

Вместе с тем, следует согласиться с современным исследователем М. Г. Мееровичем, который утверждает: «Наличие дореволюционной памяти населения об эффективности подобной [кооперативной — А. Д.] формы объединения людей для самостоятельного разрешения жилищной нужды послужило причиной массового появления жилищных кооперативов». Далее автор правильно определяет характер их деятельности. «Сформировался, — пишет он, — новый субъект ведения жилищного хозяйства, который оказался способным организовать жильцов на безвозмездный труд по поддержанию собственных жилищ в технически исправном состоянии».⁴

Домкомбеды упразднялись. Обитатели домов объединялись в жилищные товарищества; их правления собирали квартирную плату и контролировали расходование средств. При этом они подчинялись назначаемым районными отделами коммунального хозяйства (откомхозами) домоуправам. Совместно им удалось провести чрезвычайные меры; например, в целях прекращения рубки дров на кухнях. Устраивались даже обыски — искали лестничные ступени, двери, перила, украденные жильцами для отопления своих комнат. На деньги, собранные жилтовариществами, а также выделяемые откомхозами домоуправам, осуществлялись аварийные и текущие ремонтно-отделочные работы.

Как представляется, ведущую роль в тандеме жилтовариществ и домоуправов играли вторые. Трудную и суетную жизнь их на при-

¹ Красная газета. 1922. 1 января; *Скворцов-Степанов М. А.* Жилищно-строительная кооперация. Л., 1926. С. 48.

² *Меерович М.* Наказание жилищем. Жилищная политика в СССР как средство управления людьми. М., 2008. С. 73.

³ См.: *Лебина Н. Б.* Повседневная жизнь советского города. Нормы и аномалии. 1920–1930-е годы. СПб., 1999. С. 184.

⁴ *Меерович М.* Наказание жилищем. С. 86.

мере своего знакомого Николая Ивановича в юмористической форме описал ленинградский публицист, знаток городского хозяйства и быта Э. Гард. В его очерке читаем: «Бухгалтер из 18-й квартиры требует ремонт плиты. Торговец Иванчиков просит удостоверения, что его жена безработная. Студент Васенька умоляет подождать квартирных денег, пока он не привезет их с рождественских каникул из дому... Николай Иванович пишет, ставит печати, обещает, обнадеживает, ссорится. Тяжела шапка управдома. И о нем же говорят: «Вот житье! Поел, покомандовал и — на боковую. Бездельники! За что человек только деньгу получает — 47 руб.»... 3 часа ночи. Управдом засыпает. Ему снится, что прорвало крышу над всеми квартирами, льет вода и в доме наводнение. А кошка из 3-го номера идет жаловаться на него в откомхоз».¹ Управдому доверяли выдавать справки на все случаи жизни: рождение, брак, инвалидность, безработица и прочее. Это было важным, трудоемким и хлопотным занятием. К примеру, без соответствующей выписки управдома читателя не пускали в Публичную библиотеку. Тот же ответственный человек удостоверял при необходимости, что имущество не краденое. Впоследствии полномочия представителей откомхозов в домах перейдут правлениям жилищных кооперативов.

Управдомы разрывались на части, хватались за множество дел, нигде не успевая. На собраниях, конференциях всё громче звучали голоса сторонников передачи их функций коллективам жильцов. В 1923 г. велись бурные дискуссии о возможности широкого применения кооперативных принципов в жилищном деле. Некоторые считали это пустой затеей, ненужной выдумкой. Точки над «і» были поставлены на I Всесоюзном съезде жилищных товариществ в декабре того же года. Его решения легли в основу постановления ЦИК и СНК СССР, принятого в августе 1924 г. С этого времени стали возникать жилищно-арендные кооперативные товарищества (жакты). Они выводились из подчинения откомхозов, заключали с ними арендные договоры, брали дома под свою ответственность. Вместо квартплаты члены их делали паевые взносы, большая часть которых шла на ремонт домов, поддержание их в порядке. Жакты получали права юридического лица.²

¹ Жилищное дело. 1925. № 19. С. 23.

² Переход жилищных товариществ на кооперативный устав. Л., 1925. С. 8–9.

К концу 1924 г. всего около 40 коллективов жильцов приняли кооперативный устав. Наиболее чуткими к новым веяниям оказались интеллигенты, именно они образовали первые жакты. Состоялись выборы правлений — крайне бурные, особенно, если в домах проживали и рабочие, и интеллигенты, и нэпманы. Случалось, они затягивались не на один день. Правлениям перешли функции домоуправов.

Жильцы приступили к ремонту. В некоторых домах они сами отремонтировали крыши. Кроме того, были заключены договоры о ремонте зданий со строительными артелями и частными конторами. Собрав пай, стали строить детские площадки. Во всем этом жактам начал помогать городской центр жилищной кооперации — Жилищсоюз. Он был создан в 1923 г. для руководства жилтовариществами и подчинялся, как и подобные ему органы в других городах, правлению Центрожилсоюза во главе с уже упоминавшимся Ю. Лариным. Правление ленинградского центра жилтовариществ состояло из И. М. Зайцева (председатель), М. И. Угольников, М. А. Филиппова, М. Л. Давидовича, Н. В. Карпова, М. Баранова.

При Ленжилсоюзе организовался в 1924 г. строительно-технический отдел, возглавил который инженер А. Свищевский. В первые годы нэпа он занимал должность секретаря комиссии по упрощению советского аппарата при исполкоме Петросовета. Приверженец научной организации труда, он хорошо понимал, что одного сокращения численности управленцев явно недостаточно для повышения эффективности работы. Поэтому он предоставил прорабам и техникам широчайшие возможности для творчества. В инструкции отмечалось: «Всякое превышение производителем работ заданной ему предельной стоимости или нарушение установленных сроков считается нарушением им интересов жилсоюза и доказательством его неумения и нехозяйственности, несоответствия его занимаемой должности». Ограничений хозяйственной самостоятельности инструкция не предусматривала. Не удивительно, что вокруг Свищева собирались опытные, инициативные, знающие люди. «В отношении гибкости аппарата наш аппарат не уступает частному», — с гордостью рассказывал начальник строительно-технического отдела о своем детище.¹

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 374. Оп. 8. Д. 1137. Л. 34 об, 77.

К концу 1924 г. Ленинградский жилсоюз добился долгосрочного кредита в Коммунальном банке. Всё было готово для развертывания фронта работ.

Таким образом, прогресс кооперации в 1923–1924 гг. выразился в появлении новых видов её, в завершении формирования системы кооперативных союзов — своего рода посредников между государством, рынком и потребобществами, артелями, жилищными товариществами.

Школьная кооперация, кооперативные кадры и традиции

В этом разделе мы охарактеризуем систему профессиональной подготовки, социальный состав и облик работников петроградской-ленинградской кооперации, а также попытаемся проследить процесс приобщения их к возрождавшейся кооперативной традиции. Сначала — о тружениках потребительских обществ. Напомним, что в первые два года нэпа среди кооперативов преобладали добровольные потребительские общества. Их деятели — это талантливые выдвиженцы, завоевавшие доверие общих собраний. В своей работе они опирались главным образом на самостоятельность десятков тысяч пайщиков, состав и облик которых были чрезвычайно разнообразны и определялись словом «петроградцы».

Другое дело — пришедшие на смену ДПО потребобщества, возглавляемые А. Е. Бадаевым и его соратниками. Аппарат кооперативной торговли сильно разросся. На рубеже 1924–1925 гг. он контролировал почти половину всего товарооборота розничной торговли огромного города. В данном случае без системы подготовки кадров невозможно было обойтись. Важно подчеркнуть, что объединения ПЕПО–ЛСПО вышли из «шинели» Петрокоммуны; полностью освободиться от её организационного и идейного наследия они не смогли. Кроме того, потребобщества находились под искажающим кооперативные принципы воздействием со стороны партийных структур. Всё это порождало противоречия — в том числе и в кадровой политике ПЕПО–ЛСПО.

В городской потребительской кооперации трудились в основном молодые люди — 80% в возрасте до 40 лет, большей частью с «низшим» (начальным) образованием. Некоторые имели доре-

волюционный опыт работы. Среди активистов выделялись работница Мария Карповна Царева (ещё в 1899 г. её выбрали членом правления заводского потребительского общества), младший мастер А. Н. Евсеев (на общественной работе в кооперации состоял с 1906 г.), К. Г. Домбровский и другие.

Вместе с тем, большинство сотрудников «потребилотов» периода нэпа начали свою деятельность в Петрокоммуне в годы гражданской войны, были выходцами главным образом из рабочих. Все они хорошо помнили голодовки 1918–1920 гг., бесконечные «хвосты», простаивавшие сутками на морозе. То было время, когда с потребителем не разговаривали, а швыряли куда попало восьмуху хлеба или хвост воблы.¹⁷⁵ Усвоенные тогда «распределитовские» навыки не просто изживались.

Часть коммунистов по-прежнему отвергала торговлю. Крайнюю точку зрения выразил с трибуны XI съезда РКП(б) его делегат Яков Шумяцкий, предупреждавший: «Ну, хорошо, мы многих товарищей пустим торговать, они научатся этому делу прекрасно, ну, а когда, знаете ли, забьет тот набат, которого мы ждем с большим нетерпением [имеется в виду мировая революция — А. Д.], сумеют ли они тогда взяться за что-либо другое? Я позволю себе в этом усомниться, ибо бытие определяет сознание». Это было сказано весной 1922 г. Через два года секретарь ЦК РКП(б) и ВЦСПС А. Андреев говорил о «пренебрежении к торговле и кооперации».¹

Вышедшие из Петрокоммуны сотрудники ПЕПО далеко не всегда умели и желали учиться торговать. В то же время враждебное отношение к торговле демонстрировала значительная часть населения. Нередко в глазах простых людей кооператоры были коммерсантами, а значит — лихоимцами, паразитами. Следовало добиться перелома в настроениях.²

Заслугой руководителей петроградских-ленинградских обществ и товариществ стало воссоздание корпорации кооператоров и активная пропаганда её принципов.

Особое внимание уделялось устройству кооперативных праздников. Прежде всего — Международного дня кооперации; решение о его ежегодном проведении в первую субботу июля при-

¹ Кооперативное строительство. 1926. № 11. С. 34.

² Одиннадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1961. С. 97; Андреев А. Кооперация в социалистическом строительстве. М., 1924. С. 52.

нял в 1922 г. Центральный комитет Международного кооперативного союза. Вот как проходил праздник. Десяткам тысяч пайщиков, каждому — персонально, рассылались пригласительные билеты на кооперативные гуляния в ленинградских парках и садах. Там выступали рабочие оркестры, хоровые кружки, своё искусство демонстрировали участники живых газет. «Все развлечения в садах, в том числе и американские горы будут в этот день на 30–40% дешевле», — сообщалось в печати. Организовывались кооперативные митинги в рабочих клубах, на фабриках и заводах.

В годы нэпа первомайским торжествам стали придавать своеобразную кооперативную направленность. Устраивались красочные общегородские карнавалы, шествия членов обществ, товариществ, артелей. На передвижных площадках самодеятельные артисты исполняли сценки на кооперативные темы, пели частушки. Всюду висели соответствующие лозунги, плакаты, афиши. Хотя рекламу уже успели объявить вредным подражательством Западу, тем не менее, всё это было ярко, броско, интересно, нешаблонно.

В кинотеатрах в праздники и в будни шли фильмы одной тематики — «Кооперативный шутник», «Евламий Чиркин», «Наша кооперация», «Все на радость». Популярностью пользовались серии диапозитивов на ту же тему, которые демонстрировались на занятиях всевозможных кружков и курсов.¹

В контексте формирования корпорации кооператоров можно рассматривать и становление системы подготовки квалифицированных кадров. Она складывалась следующим образом. В процессе кооперативного строительства выдвигались талантливые организаторы. По рекомендации правлений или общих собраний рабочих и служащих они направлялись на курсы Ленинградского союза потребительских обществ. При необходимости каждый курсант в течение полугода посещал школу ликбеза и обучался грамоте. Чрезвычайная комиссия при Петроградском отделе народного образования (Грамчека) разработала «норматив». В соответствии с ним, грамотным назывался человек, который мог читать не менее 150 букв в минуту, считать до 1000, знал 4 действия арифметики и таблицу умножения.

На курсах ЛСПО преподавались обществоведение, счетоводство, теория и практика кооперации. В частности, упор делался на

¹ Красная кооперация. 1925. 2 июля; Прозводсоюз. 1922. № 1–4. С. 38, 40.

умение обнаружить фальсифицированные продукты, определять, нет ли в молоке соды, салициловой кислоты и т. п. Занятия проходили по вечерам. Практиковалось регулярное анкетирование учащихся — выясняли, насколько глубоко знания, не проявляет ли лектор «казенного отношения к делу».¹

Главными в стране центрами подготовки кадров для потребкооперации были петроградские-ленинградские кооперативные техникум и институт. Они образовались в 1922 г. на базе Высших продовольственных курсов Наркомата продовольствия. Журнал «Союз потребителей» в 1923 г. разъяснял причины выбора города для их размещения: «... наличие в Петрограде больших профессорских сил по техническим вопросам, сравнительно большие, чем в Москве, возможности найти лучшее свободное приспособленное помещение, относительно более дешевая жизнь». В 1926 г. техникум и институт будут объединены под одной крышей Высших кооперативных практических курсов. Выпускники этих учебных заведений получали первоклассное образование и плодотворно трудились в самых разных районах страны.

Среди первых выпускников кооптехникума был и сын токаря Механического завода А. Н. Косыгин (будущий председатель Совета Министров СССР). Много позже Алексей Николаевич рассказывал, что в течение четырех лет обучения ему преподавали лучшие питерские профессора-экономисты.² После окончания учебного заведения Косыгин не задержался на работе в ленинградской кооперации, а направился в Сибирь, где трудился инструктором облпотребсоюза, заведующим отделом крайсоюза. Дальнейшая его судьба отражена энциклопедиями.

Вместе с тем, система подготовки кадров выполняла функции проводника влияния партии на кооперацию и её работников. Прежде всего, имеем в виду деятельность Коммунистического университета имени Г. Е. Зиновьева. Этот университет представлял собой высшую партийную школу, был образован по постановлению X съезда РКП(б) и распоряжению Главполитпросвета в 1921 г., тогда же появилось и кооперативное отделение. Он размещался во Дворце имени Урицкого (Таврическом) на улице Воинова (Шпа-

¹ Красная кооперация. 1925. 2 июля; Кооперативно-просветительская работа ЛСПО за 1924–1925 год. Л., 1925. С. 6, 21, 158, 159; Неизведанными путями. Л., 1967. С. 329.

² См.: Андриянов В. И. Косыгин. М., 2003. С. 35.

лерной). Много повидали залы дворца, стали они и свидетелями частых посещений Г. Е. Зиновьевым опекаемого им учебного заведения, выступлений его перед студентами. Популярная «Красная газета» с пафосом сообщала: «7 часов. Лекционный зал полон. У входных дверей образовалась живая стена слушателей. Тут — зиновьевцы — главари, областная совпаршкола, военные. Все проникнуто одним желанием — послушать вождя рабочих т. Зиновьева. Гром аплодисментов раскатился по всему залу.

Я намерен, — говорит т. Зиновьев, — прочесть вам целый цикл лекций по истории нашей партии. Приближается двадцатипятилетие закладки Коммунистической партии и ряд других праздников, не менее важных.

Трибуна становится центром внимания трехтысячной аудитории, окружена живой массой студенчества. Она живо схватывает слова докладчика, заноса в тетради. Его пламенная речь легка и проста».¹

Г. Е. Зиновьев был отличным оратором. Его яркие и содержательные лекции сыграли не последнюю роль в овладении представителями партии в кооперации марксистскими знаниями.

Будущие работники потреббществ направлялись в распоряжение кооперативной комиссии, созданной при Петроградском губкоме партии ещё в конце 1922 г. В «Положении» о задачах таких комиссий говорилось: «Усиление квалифицированными коммунистическими силами кооперации, а также организация подготовки новых кадров коммунистов-кооператоров». В 1920-е гг. их было подготовлено немного. Выполняя функции инспекторов, культработников ЛСПО, они одновременно становились политработниками. Получая зарплату из кооперативного бюджета, они по существу вели линию на ограничение рыночных отношений, а значит — кооперации. Например, коммунисты старались пресекать торговые отношения крупных кооперативов с частными предпринимателями.² Экономическая целесообразность ими принималась во внимание не в первую очередь.

Расскажем о школьной кооперации. Она призвана была в большой мере содействовать становлению плеяды кооператоров-

¹ Союз потребителей. 1923. № 3. С. 59; Весь Ленинград. Л., 1925. С. 57; Днепровский С. П. Кооператоры. С. 361; Красная газета. 1923. 7 марта (утренний выпуск).

² Справочник петроградского агитатора и пропагандиста. 1922. № 8. С. 175; Петроградская кооперация. 1923. 13 февраля.

новаторов и восстановлению кооперативной традиции. Однако её потенциал реализовался в малой степени.

Хотя указанную специфическую разновидность кооперации в первые годы нэпа относили к потребительской, она имела прежде всего педагогическое и воспитательное значение, а потом — хозяйственное. Её организаторы воодушевлялись мыслью, высказанной Н. К. Крупской: «Центром изучения в школе должна быть трудовая деятельность населения в её прошлом и настоящем».¹ Действительно, практическое приобщение учеников к кооперативному процессу значительно облегчало решение этой задачи.

Учтем ещё одно обстоятельство. С введением нэпа школьное ведомство почти перестало получать дотации из государственного бюджета. Финансовые возможности региональных советов были крайне ограничены. Поэтому школьная кооперация играла известную роль в укреплении материальной базы народного образования.

Первые ученические кооперативы появились в Петрограде, Сибири, Москве, Саратове, Рыбинске. К 1924 г. был накоплен немалый опыт. В феврале этого года газета «Красная кооперация» опубликовала составленные учащимися школ и шкрабами (школьными работниками) «Заповеди члена ДШК (детского школьного кооператива)». Вот этот документ:

«1. Я помню, что я член ДШК.

2. Я знаю историю нашего кооператива.

3. Я знаю, какую цель преследует ДШК.

4. Мне известно, что в кооперативе делается, какие средства, какой оборот.

5. Моя задача поддерживать свой ДШК, охранять его честь, покупать в нем, что нужно для учения и быть аккуратным плательщиком, если ему задолжал.

6. Я обязан быть на всех кооперативных собраниях, всегда интересоваться, как идут дела в ДШК.

7. Никогда не должен отказываться от выборных должностей в кооперативе, так как считаю за честь такие выборы.

8. Я не должен забывать, что общественное дело прежде всего и порученное мне кооперативное дело постараюсь выполнить со всем умением и усердием.

9. Помню, что я человек, гражданин, кооператор».²

¹ На путях к новой школе. 1922. № 1. С. 31.

² Красная кооперация. 1924. 7 февраля.

Заповеди широко обсуждались в Ленинграде, пришлось по душе и учителям, и учащимся. В январе 1925 г. комиссия губернского отдела народного образования разработала примерный устав. С этого времени началась история школьной кооперации Ленинграда.

В школах стихийно возникали инициативные группы, которые созывали общие собрания. На них принимались уставы, определялись размеры паевого взноса, формировались правления и ревизионные комиссии. Интересно, что не допускалось лишь вхождение в выборные органы детей младше 10 лет. В уставах разъяснялось это исключение: «они по своему возрасту не могут понять управления делами». Всем остальным вполне доверяли, считая уже 10-летних самостоятельными людьми.

В правление каждого кооператива входило по 7 человек: 5 учащихся, избранных общим собранием, 1 педагог от школьного совета, 1 родитель. В этом — отличие ученической кооперации Ленинграда от неё же в некоторых других городах, там в выборных органах были представлены только ученики. Предусмотрительно создавались гарантии против отрыва членов правлений от коллектива. Они избирались лишь на 3 месяца (потом переизбирались или же нет). Таким же был срок полномочий ответственных за кооперацию в каждом классе. Промежуточным звеном между правлением и общим собранием являлся пленум этих уполномоченных. Наконец, из делегатов школьных кооперативов создавались районные советы уполномоченных, числившиеся при районо.

Из 214 ленинградских школ к концу 1925 г. в 100 образовались ученические кооперативы. Им передавались книжные киоски при школах, в которых стали продавать тетради, линейки, стирательные резинки, учебники. Несколько кооперативов открыли буфеты и даже начали снабжать своих членов горячими завтраками. Товары закупали, доставляли с баз ЛСПО на место и продавали юные кооператоры. Обороты были мизерными, поэтому они же с помощью школьного бухгалтера справлялись и со счетоводством, делопроизводством.¹ Мальчишки и девчонки чувствовали себя творцами нового, крайне важного дела; и уж настоящий восторг, прилив гордости вызвала случившаяся в одной из школ ненамеренная растрата — значит, всё по-настоящему, как у взрослых.

¹ О школьной кооперации. Л., 1925. С. 19–21.

Паевой взнос составлял всего 10 коп., вступительный — 25 коп. Эти деньги, которые школьникам давали родители, далеко не покрывали расходов кооператива. Поэтому подростки, засучив рукава, брались за работу. Приведём выдержку из протокола одного общего собрания: «Кроме паевых и вступительных взносов, силами учеников изготовить цветы, на вырученные деньги от которых купить, что нужно для кооператива, кроме того, заготовить для кооператива силами учеников линейки и квадраты. С наступлением весны собирать лекарственные травы для аптек, а на вырученные деньги покупать для кооператива письменные принадлежности». В решении правления другого школьного кооператива читаем: «Проверив наличность товаров и выяснив убытки, правление постановило купить бумаги и самим членам шить тетради на уроках рукоделия, а также поручить одному из членов сделать доклад о денежной реформе и, кроме того, пойти в клуб и послушать соответствующие доклады».

В живом деле пробуждался интерес к знаниям, учению. В классах охотно решались задачи на калькулирование цены товара, по учету покупок членов кооператива. Большой интерес вызывали ежемесячные экскурсии в потребительские общества «Петрорайрабкооп», «Резинометалл», «Пролетарий» и т. д. В 15 городских школах появился так называемый кооперативный уклон. Учащиеся изучали историю, теорию и практику кооперации; старшеклассники проходили производственную практику в кооперативах предприятий.¹ Выпускники получали право работать счетоводами и товароведами.

Вместе с ученической возникла рабочая школьная кооперация. Она объединяла только родителей и преследовала цель накормить, одеть детей, наделить их книжками, канцелярскими принадлежностями. Два кооперативных направления не ужились друг с другом, сторонники каждого столкнулись в ожесточённом споре.

Об одном из указанных направлений подробную информацию получаем, ознакомившись с воспоминаниями старой петербурженки Н. Н. Шабановой (урожденной фон Кубе). В 1925 г., во время её обучения в Советской единой трудовой школе (бывшей Реформатской немецкой гимназии), она руководила школьным кооперативом и после занятий, на переменах продавала в отдельной небольшой комнате учебники, тетради, канцелярские принад-

¹ Кооперация и школа. М., 1925. С. 34, 35; Ленинградская правда. 1926. 5 января.

лежности. По словам Натальи Николаевны, «это было неудачное решение — поручить неразумной ещё девочке производить денежные операции и распоряжаться ключом от двери в школьное помещение. В комнате кооператива мы прятались и запирались, когда сбегали с уроков, а о том, что делать с торговой выручкой, я имела смутное представление».¹

Школьная кооперация представляла противоречивое явление. Однако власть заметила только недостатки. В конце февраля 1925 г. на заседании секции народного образования Ленсовета предправления совета рабшколкоопов Ю. Никич категорически предупредил: ученическая кооперация научит воровству, она готовит торгашей. Ему аргументировано возражали, но первый удар по хрупкому ещё сооружению был нанесен. В январе следующего года состоялось II Всесоюзное совещание по кооперативному просвещению. В вину ученической кооперации были поставлены несколько растрат, а также то обстоятельство, что не все школьники активно участвовали в её делах. Были приведены общесоюзные данные о социальном составе членов кооперативов: 15% — дети рабочих, 7% — крестьян, 78% — служащих. Отсюда следовал вывод: появилась «опасность классового расслоения». Этого было достаточно, чтобы тень, брошенная на ученическую кооперацию, приобрела зловещий оттенок. На неё стали смотреть скептически, как на «урода» в кооперативной семье. Период её расцвета — 1925 г. — остался позади. В соответствии с рекомендациями всесоюзного совещания, активность и самостоятельность учащихся должна была «направляться на производственные процессы, а не на торговлю».² Думается, пресеклась перспективная линия кооперативного прогресса.

Наконец, дадим краткую характеристику системы профессиональной подготовки кооператоров-ремесленников Петрограда-Ленинграда. Также подробно расскажем о видных деятелях артельного движения. Затронем и проблему социального состава артельщиков региона.

Особо отметим, что в сравнении с жесткими условиями потребительского кооперативного строительства в Петрограде-Ленинграде сложились благоприятные обстоятельства для дея-

¹ Шабанова Н. Н. Воспоминания о себе, о времени, в котором жила. СПб., 2009. С. 50.

² ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д.259. Л. 14, 18; Кооперативный путь. 1926. 15 января.

тельности организаторов и сотрудников промысловой кооперации; просто до них коммунистическая власть добралась позже.

Мастеров-промысловиков готовили кустарно-ремесленные школы ВСНХ, а организаторов промкооперации — Петроградский-Ленинградский техникум кустарной промышленности. До мировой войны в столице Российской империи существовала школа народного искусства. В неё направлялись земскими управами крестьянские девушки. Однако они быстро становились «петербургскими барышнями» и в деревню не возвращались. Школа пришла в упадок. На её базе в 1920 г. возник техникум, который к середине 1920-х гг. успешно работал.

В петроградской-ленинградской промысловой кооперации, численность членов в которой была во много раз меньше, чем в потребительской (в первой к середине десятилетия — до 200 тыс. чел., во второй — до 10 тыс.чел.), выдающуюся роль играли отдельные самородки-организаторы. Высокие деловые и волевые качества, умение сходить с людьми обеспечили им популярность. Их знали в лицо и ценили во всех городских артелях как подвижников кооперации.

Среди видных кооператоров города надо назвать Александра Ивановича Александровского. Он имел высшее юридическое образование и, несмотря на молодость (родился в 1891 г.), большой стаж кооперативной работы (с 1909 г.). Человек очень энергичный и работоспособный, он много лет трудился без отпуска при самом строгом распорядке дня. Александровского и его товарищей называли «энтузиастами кооперации». Александр Иванович, например, не считал для себя зазорным уйти с престижной должности в Производсоюзе и по просьбе общего собрания артели «Трудлоток» стать членом её правления. На него равнялись рядовые артельщики.¹

Неформальным лидером даже среди работников, подобных Александровскому, звездой первой величины на кооперативном небосклоне был профессор Е. Д. Максимов (литературный псевдоним — М. Слобожанин). Он стоял в одном ряду с такими корифеями русской кооперации, как А. В. Чаянов и Н. Д. Кондратьев. В 1920-е гг. Евгений Дмитриевич пользовался большой популярностью, его идеи воплощались в жизнь. Однако впоследствии долгое

¹ Вестник промысловой кооперации. 1924. № 3. С. 46; ЛОГАВ. Ф. 2578. Оп. 3. Д. 16. Л.1–9.

время эти идеи было принято только критиковать, а потом о них почти совсем забыли. Справедливость необходимо восстановить.

Максимов родился в 1858 г. «Рос я в интеллигентном обществе, — вспоминал он, — в ближайшем единении с очень молодой, но честно и чисто, самоотверженно и возвышенно настроенной молодежью. Мы интересовались и жизнью, литературой, и политикой и с трепетным волнением следили за начинавшимся социальным движением. Для нашего гимназического кружка, а для меня в частности, это время (70-е годы XIX в. — А. Д.) было свежим, бодрым утром жизни». Следуя духу времени, Евгений Дмитриевич увлекся народническими идеями. Вместе с друзьями организовал производительную артель в Полтаве; городские кустари-сапожники бедствовали и охотно согласились сделать попытку трудиться сообща. Максиму доверили быть казначеем. На первых порах помогла благотворительница, богатая и знатная дама, которая субсидировала кооперативное начинание. Заинтересованность работников обеспечила успех дела. Евгений Дмитриевич рассказывал: «Споры и ссоры я не помню. Преобладали дружественные доброжелательные отношения. Артель держалась и артельщики не выдавали друг друга. Вместе работали, вместе переживали огорчения, вместе и веселились». Ему удалось заняться и просветительской работой. «Нередко меня просили почитать, — вспоминал начинающий кооператор, — любили исторические статьи».¹ Максимов искренне уверовал в эффективность и действенность кооперативных принципов для изменения сознания людей, гармонизации отношений между ними. На всю жизнь он стал убежденным кооператором, проповедником артельности.

В последующие годы Евгений Дмитриевич работал в кредитной кооперации в Курской губернии, в Петербургском отделении Комитета сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществ. Он — активный участник борьбы с последствиями неурожая и голодом в Поволжье в 1899 г. При его непосредственном и деятельном участии в начале века проходила подготовка двух всероссийских съездов кустарно-промысловой кооперации. Он же председательствовал на их заседаниях. Евгений Дмитриевич руководил постоянным бюро этих съездов и редактировал первый в Европе журнал промкооперации «Вестник кустарной промышленности».

¹ Производсоюз. 1922. № 1–4. С. 38, 40.

Развернулась литературная и научная деятельность Е. Д. Максимова. Он пишет очерки, статьи. Ещё в конце XIX в. было издано его первое крупное исследование о земской деятельности в сфере кредитной промысловой кооперации. Эта и последующие работы завоевали Евгению Дмитриевичу славу «творца русской теории промысловой кооперации». Его мысль всегда искала корни русского кооперативного движения в исторических формах бытовых артелей, в национальном сознании.

После Октябрьской революции Е. Максимов был членом правления Производсоюза, членом учетных комитетов банка потребительской кооперации и Всероссийского кооперативного банка, занимал профессорские должности в петроградских высших учебных заведениях — в Институте народного хозяйства, в Кооперативном институте, на Высших торгово-промышленных курсах, где читал теорию и историю кооперации. За свою жизнь Евгений Дмитриевич воспитал несколько поколений кооператоров.

В то же самое время Максимов оставался постепенником. В начале 1920-х гг. он доказывал, что «процесс перевоспитания психологии трудящихся в артельных организациях весьма длителен и поэтому Россия пойдет к социализму по кооперативному пути длиной в 100–200 лет». Несмотря на расхождение его идей с официальными, в 1922 г. ему присвоили звание Героя Труда. Максимов был единственным кооператором Петрограда, удостоенным этого почетного титула. По решению СНК ему назначили пенсию.¹

В 1920-е гг. Евгений Дмитриевич не оставлял научных занятий. Он опубликовал под псевдонимом «М. Слобожанин» важнейшую для понимания системы его взглядов работу «Опыт обоснования кооперативизма в общем миропонимании». Он доказывал, что «перед человечеством вырастает дилемма дальнейшего бытия в форме или публично-правовых союзов, или частно-правовых. Развитие первых в форме огромных централистских государств достигло, по-видимому, высших степеней». Столкновение их в годы войны привело к десяткам миллионов жертв. «Дальше этого идти некуда, — восклицает Максимов, — и на очередь становится вопрос об энергичной защите интересов индивидуальности, о предоставлении ей возможности свободного культивирования её высших

¹ ЛОГАВ. Ф. 2578. Оп. 2. Д. 31. Л. 12; Артельное дело. 1921. № 5–8. С. 6; Кустарь и артель. 1925. 15 июня.

сил». Выход профессор видел в развитии кооперативного движения, в создании разветвленной системы разнородных самодеятельных артелей. Все эти идеи были очень смелыми для времени нэпа. Редакция журнала «Производсоюз», помещая материал, предупредила читателей, что не разделяет мировоззрения автора.¹

В середине 1920-х гг. Максимов был избран членом Всероссийского союза промысловой кооперации (Всекопромсоюз). Он занимался разработкой проблем научной организации труда в кооперативно-промысловых предприятиях, много выступал перед артельщиками, делился опытом. Умер Евгений Дмитриевич 25 сентября 1927 г. Он был патриархом, нравственным авторитетом. В его деятельности воплотилась кооперативная традиция. Заменить его в советских условиях не мог никто.

Обратимся к социальной характеристике петроградских-ленинградских артельщиков. К 1925 г. сильно изменился их состав. Резко сократился удельный вес женщин. Выбыли рабочие с бездействовавших в начале десятилетия, а теперь пущенных в строй предприятий. Основную группу стали составлять ремесленники, которые имели опыт работы, инструменты, вносили немалые пай. Это укрепило кооперативы. Появляется и новый отряд артельщиков. В него вошли люди, на жизненных путях которых стояли одни и те же вехи: выходцы из села, они стали рабочими к 1914–1917 гг., в деревню уехали, гонимые холодом и голодом, «хлебопашествовали». Когда жизнь в городе немного наладилась, они вернулись, хотя знали, что там — безработица. Быть не у дел приходилось очень долго, и это воспринималось крайне болезненно. В артелях, не имея денег, инструментов и опыта работы, они оказывались занятыми низкоквалифицированным трудом и проявляли недовольство.

В отличие от начала 1920-х гг., интеллигенты в небольшом числе оставались лишь в артелях с высококвалифицированным трудом, да и то не в во всех. Только артель «Аргус» (химическое производство) наполовину состояла из людей с высшим и средним образованием. Это был исключительный случай. Узнав о нем в самом начале 1925 г., обследователь кооператива инструктор Производсоюза С. И. Горбунов переполошился и не успокоился до тех пор, пока не убедился, что «...членов артели «Аргус» можно считать не вредным общественным элементом. Рабочая часть имеет определенное влия-

¹ Производсоюз. 1921. № 16–19. С. 16.

ние на интеллигентную часть артели». Так он написал в своем отчете производсоюзской комиссии по чистке.¹

Таким образом, к середине 1920-х гг. промысловые товарищества всё реже использовались как органы борьбы с безработицей. Случайных людей в них становилось меньше, зато возрастал удельный вес ремесленников-профессионалов.

Выше был нарисован портрет ленинградской кооперации в первые годы нэпа. Завершился важный период в её истории 1921–1924 гг. Большую часть этого времени экономика страны переживала острейшие кризисы — финансовый, продовольственный, топливный, сырьевой. И вот тут-то кооперация не просто выжила, а продемонстрировала высокую жизнестойкость. Во многом это объяснялось тем, в ленинградской кооперации разных видов к середине десятилетия трудились работники, которых объединяла возрождавшаяся кооперативная традиция. Между тем, её существованию угрожал партийный диктат.

¹ ЛОГАВ. Ф. 123. Оп. 2. Д. 744. Л. 249, 250, 266; Ф. 2590. Оп. 2. Д. 1212. Л. 78, 79.

II. НА ПУТИ К СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ. 1925–1929 ГГ.

Середина 1920-х гг.

Судьба кооперации в Ленинграде находилась в прямой зависимости от экономических процессов в стране. В конце 1924–1925 гг. эти процессы быстро развивались по восходящей линии. После денежной реформы наступил период торгово-промышленного подъема. Промышленность получила крупную прибыль, за счет которой началось разворачивание её производственных мощностей. Со стороны крестьянства ожидался большой спрос на товары. Возрос покупательский спрос горожан. Нарастивала товарооборот оптовая и розничная торговля. Был увеличен экспорт. Вместе с тем, импортировались товары для снабжения крестьянского и городского рынков, для пополнения запасов сырья и нового оборудования.

Экономическая ситуация в Северо-Западной области — объединявшей Ленинградскую, Новгородскую, Псковскую, Мурманскую, Череповецкую губернии и Карельскую АССР — во многом зависела от состояния сельского хозяйства. Оно восстанавливалось здесь быстрее, чем в целом по стране и к концу 1924 г. достигло довоенного уровня. Правда, расширившиеся было посевы льна, в связи с падением цен на него, стали опять сокращаться, отсюда — нехватка мануфактуры, «хвосты» за ней.¹

Промышленность Ленинграда в середине десятилетия производила немногим меньше, чем в 1913 г., а электропромышленность уже и больше. «Общий подъем в экономике Северо-Западной обла-

¹ Хозяйственный обзор Северо-Западной области за 1923–1924 гг. Четвертый отчет Северо-Западного областного экономического совещания Совету труда и обороны. Л., 1925. С. XVIII–XXIV.

сти сказался на значительно повысившейся товарности крестьянского хозяйства, на интенсивности его форм. Наличие на рынке продукции фабрично-заводской промышленности и спроса на технические культуры сельского хозяйства вызвали живой товарооборот», — особо подчеркивалось на Всесоюзном совещании кооперативных советов, состоявшемся на рубеже 1925–1926 гг.¹

Повысилось материальное благосостояние трудящихся Ленинграда. Если в 1922 г. на одного едока в семьях рабочих приходилось в среднем 18 кг мяса, в семьях служащих — 33 кг, то в 1925 г. — соответственно — 55 и 65 кг.² Сельское хозяйство Северо-Запада, имевшее ориентацию на животноводство, обеспечивало Ленинград молоком и некоторыми продуктами, выработанными из него. Часть молока доставлялась в Ленинград женами и сестрами деревенских хозяев — единоличников (с вокзала крестьянки развозили его по домам покупателей или по базарам, немало перепадало и перекупщикам), а часть — кооперативами. Снабжение горожан провизией теперь во многом зависело от сельхозкооперации.

На Северо-Западе сложилась развитая сеть сельскохозяйственной (прежде всего — закупочно-сбытовой) кооперации. Центром её на первых порах был Трудсоюз, контора которого располагалась в Ленинграде на Лиговском проспекте. В 1926 г. эта организация будет ликвидирована, и её функции перейдут к специализированным Молокосоюзу и Льносоюзу. В дооктябрьский период значительная часть молочных продуктов поступала в столицу из помещичьих имений Прибалтики. Общество «Помещик» противодействовало становлению сельскохозяйственных кооперативов Петербургской и соседних губерний. Ситуация изменилась, и в 1925 г. только молочных товариществ в пределах бывшей столичной губернии насчитывалось около полутора сотен. Их распространение отвечало потребностям сельчан. Крестьяне, проживавшие в радиусе 25 верст от Ленинграда, содержали 88 тыс. коров и могли ежегодно отправлять в город 8 млн. ведер молока. Проблемой стала доставка его. Всего два бидона молока в день продавал Трудсоюз в начале 1922 г., их доставляли на Московский вокзал, и «публика» тут же выстраивалась в очередь. Через 3 года реализация кооперативного молока выросла

¹ Хозяйственный обзор Северо-Западной области за 1925–1926 гг. Л., 1927. С. V; ЛОГАВ. Ф. 3450. Оп. 1. Д. 169. Л. 32.

² Итоги десятилетия Советской власти в цифрах. 1917–1927 гг. М., 1928. С. 360.

в тысячи раз. Центральная молочная Трудсоюза на Лиговском проспекте являлась главным молочным штабом. Два раза в день, утром и вечером, сюда привозили до 3 тыс. ведер продукта (это часть закупленного у крестьян) со всех кооперативных приемных пунктов Ленинградской губернии. Здесь же располагалась лаборатория. Молоко продавалось чистым, а у частного торговца — нередко с водой, примесями. К 1926 г. потребление молока в Ленинграде превысило довоенный уровень.¹

Сельскохозяйственная кооперация Северо-Запада — тема особого и большого исследования. Коснемся ещё только истории Ленинградского кооперативного семенного товарищества. Его члены внесли достойную лепту в улучшение агротехники в огромном регионе, они выращивали сортовые семена и снабжали ими крестьянские товарищества. Некоторое время одним из руководителей кооперативного союза был Н. Н. Суханов — агроном, в прошлом видный меньшевик-интернационалист. Как известно, полемике с ним посвящена одна из работ В. И. Ленина — «О нашей революции», которую тот написал сразу после статьи «О кооперации». Интересно, что один из предков Николая Николаевича стал прототипом главного героя романа Л. Н. Толстого «Живой труп».² Сам же Н. Н. Суханов немало сделал для ленинградской кооперации в годы нэпа.

К 1925 г. на подъеме находились все виды кооперации — сельскохозяйственная, промысловая, потребительская. Безусловное лидерство последней осталось в прошлом, отныне любая из них представляла собой равноправную и крупную величину (поэтому, кстати, во второй части этой книги каждому виду городской кооперации мы посвятим особый раздел). Образовался единый Северо-Западный областной кооперативный совет (ОКС). Возглавлял его очень авторитетный человек — председатель правления Союза потребителей обществ Северо-Западной области (Севзапсоюза) П. Пахомов, ответственным секретарем избрали кооператора и публициста М. Короткова. ОКС стал координатором кооперативного строительства. В свою очередь, взаимоотношения между кооперацией и государственными органами регулировались кооперативной (впоследствии — торгово-кооперативной) секцией Ленинградского

¹ Бюллетень кооперативной секции Ленинградского Совета X созыва. №3. Л., 1925. С. 9; ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 79. Д. 587. Л. 3–7, 15.

² ЛОГАВ. Ф. 3451. Оп. 1. Д. 321. Л. 65.

Совета. На её заседаниях обстоятельно обсуждались вопросы, касавшиеся всех видов кооперации, самые существенные из них выносились на пленарные заседания Ленсовета. Члены секции также контролировали проведение в жизнь принятых на пленумах решений. В результате деятельности ОКС и коопсекции была обеспечена поддержка разных форм кооперации.

Вместе с тем, государственные органы, в большинстве случаев уже находившиеся под партийным влиянием, выступали в отношении кооперативов всё чаще не советчиками и помощниками, а жесткими контролерами. Оказывается, Ленинградскому губкому РКП(б) из сводок ОГПУ стало известно, что «количество кулаков, торговцев, бывших офицеров, духовенства, помещиков, бывших людей (полицейских, жандармов чиновников)» в конце 1925 г. в кооперативах Севзапобласти достигало 28%.¹ Поднялась тревога по поводу «засоренности кооперации». Обвиняли её и в том, что она не может выполнять роль конкурента частного предпринимателя. О повсеместном нарастании «антикооперативных настроений» (выражение из лексики тех далёких лет) свидетельствовал, например, Н. И. Бухарин. В 1925 г. он рассказывал, что от многих «воспитанных на системе военного коммунизма» членов РКП(б) слышал такое: «Если появился лавочник — не выстраивай против него кооператива, не вытесняй в хозяйственной борьбе, а нажми на него, “припечатай”».² Всё это — основа и оправдание усиления партийно-идеологического диктата в кооперации.

Особо отметим, что, помещая выше данные об успехах социально-экономического развития Ленинграда, северо-западного региона и успешных действиях многих кооперативов, мы определили тенденцию. Между тем, разрушения, принесенные и «русской смутой», были столь велики, что бедность давала себя знать на каждом шагу. «Я часто удивляюсь, до чего же были дороги деньги в те давние времена, — рассказывал ленинградский художник Б. Ф. Семенов. — Сколько надо было зарабатывать, чтобы купить какую-нибудь приглянувшуюся вещь».³ Особенно заметной была отсталость в сравнении со странами Запада и, прежде всего, с США.

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 6. Д. 6933. Л. 1.

² Бухарин Н. И. О новой экономической политике и наших задачах. Доклад на собрании актива Московской организации 17 апреля 1925 г. М., 1925. С. 30.

³ Семенов Б. Время моих друзей. Л., 1982. С. 148.

В письме, отправленном из Ленинграда в ноябре 1925 г. и перлюстрированном сотрудниками ОГПУ, читаем: «Вот уже три недели, как я приехала сюда из Америки. Жизнь здесь очень дорогая. Люди после заграницы поражают своим видом, одеты все очень плохо».¹ Не так давно Петроград был наводнен беженцами из Поволжья. Ещё в 1925 г. бросалось в глаза обилие нищих на улицах. На XIV съезде РКП(б) в конце этого года председатель Совнаркома НК РСФСР и СССР А. И. Рыков, возражая Г. Е. Зиновьеву, заявил, что «сытой России» не может быть при миллионе безработных, при огромных размерах детской беспризорности, при массовой неграмотности и некультурности».² Нужда и нищета отступали, но далеко не были побеждены.

Сложные процессы протекали в сознании трудящихся. Были энтузиазм, общественная активность, но в то же время росло пьянство, участились хулиганские поступки. Мы не имеем права отвлекаться от такого, скажем, факта, сообщенного журналистом Ф. Вараксиным: «Если бы кто изъявил желание в праздничные дни заглянуть в любой двор на улицах Нарвской заставы... Во дворах коллективно жильцами выстроены столики, на которых происходит картежная игра на деньги, выпивка спиртных напитков, раздаются нецензурные прелести, а ту же играют дети». Не очень удивляет, что популярной игрой ленинградской рабочей детворы в середине десятилетия стала «милицейская облава на хулиганов».³

Некультурность была тормозом кооперативного движения. Учтем, что в результате кампаний по укрупнению кооперативов и превращению их в массовые объединения большинство рабочих заводских районов Ленинграда (Нарвской заставы в том числе) войдут в состав пайщиков потребительских обществ. Не приходилось ожидать от людей, о которых в частности рассказал Ф. Вараксин, высокой общественной активности в отстаивании интересов кооперативов. Но при этом и подъем их культуры зависел от кооперации.

Между тем, в первую очередь судьбу ленинградской кооперации определяли общие экономические процессы. В конце 1925 г. часть кооперативов впервые за полуторогодовой период сравнитель-

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 6. Д. 6946. Л. 96.

² XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.—Л, 1926. С. 411.

³ Неизведанными путями. Л., 1967. С. 302; Жилищное дело. 1926. № 19–20. С. 18; 1927. № 13. С. 13.

но благополучного существования столкнулась со значительными хозяйственными трудностями. Широкое кредитование обществ и товариществ сменилось его резким ограничением. Необходимость возвращать старые долги, оплачивать просроченные векселя стала причиной банкротств северо-западных областных центров сельскохозяйственной и кустарно-промысловой кооперации — «Трудсоюз» и «Северокустаря», некоторых районных союзов. В Ленинграде пострадали те потребительские общества, которые находились в долговой зависимости от банков. Прогоревшие кооперативы Ленинграда (в отличие от Москвы) не ликвидировали. В соответствии с установкой Г. Е. Зиновьева на массовость потребительских объединений, их сливали с сильными обществами, принося последним хлопоты и убытки.¹ Примечательно, что эта установка оставалась неизменной и после отставки Григория Евсеевича.

Кооперативные неурядицы во многом являлись следствием перебоев в работе всей советской экономики. Причины народнохозяйственных затруднений объяснил начальник валютного управления Наркомата финансов, профессор Л. Н. Юровский, репрессированный в начале 1930-х гг. Он писал: «Зародилось [после успехов второй половины 1924–1925 гг. — А. Д.] то массовое оптимистическое настроение, которое десятки раз наблюдалось в соответствующие моменты в Европе и в заокеанских странах, то настроение, действовавшее еще могущественнее и быстрее, потому что проводником решений о хозяйственном развертывании являлся организованный государственный аппарат. Это оптимистическое настроение было поразительно по своей силе и всеобщности. Оно сказалось в контрольных цифрах Госплана на 1925–1926 год».²

Ни Госплан СССР, ни ЦК ВКП(б) не вдавались в тонкости денежного обращения. Эйфория стабильной валюты длилась недолго. С 1926 г. верх над Госбанком взял Госплан, которому требовалось всё больше денег для финансирования промышленности и армии. В высших органах власти возобладало мнение, в соответствии с которым доходы частного капитала росли слишком быстро, и это уже представляло реальную угрозу Советской власти; тревогу вызывал и рост

¹ Кооперативное строительство. 1927. 29 января; ЛОГАВ. Ф. 3450. Оп. 1. Д. 169. Л. 6–8; Под знаменем коммунизма. 1926. № 8. С. 110.

² Юровский Л. Н. Денежная политика Советской власти (1917–1927 гг.). М., 1928. С. 345.

доходов кооперации. В этой связи говорили о «мелкобуржуазном напоре на экономическую политику пролетарского государства».¹

Были осуществлены в 1926 г. крупные эмиссии, червонец оказался в тяжелом положении. Созданная новой экономической политикой рыночная система стала постепенно разрушаться. Непосредственным толчком к этому послужило проведение в жизнь основных положений «Контрольных цифр народного хозяйства Госплана на 1925/1926 г.».² Были утверждены нереальные планы — капитальных вложений, хлебозаготовительный, экспортный, несколько импортных. Высший совет народного хозяйства СССР начал делать расчеты, исходя из явно преувеличенных темпов роста промышленного производства и капитального строительства. На заводы и фабрики пришло немало новых рабочих. В итоге, в городах создавался добавочный платежеспособный спрос, не покрытый товарами. Л. Н. Юровский отмечал: «Планы оказались неосуществимыми. Но к осуществлению их страна приступила, пойдя тем самым по пути быстро возрастающих затруднений».³ Из многих «неударных» сфер экономики — к таковым теперь причислялась и кооперация — начали изымать кредиты, ресурсы и перебрасывать в тяжелую промышленность.

Мероприятия, осуществленные партийными и государственными властями, видимо, могли радикально исказить народно-хозяйственные процессы. Вместе с тем, недооценивается главное обстоятельство. Рыночные отношения в условиях нэповской России отличала высокая жизнеспособность и устойчивость; население к тому времени не только не успело освоиться с экономическим произволом партийных владык, но нередко и отторгало его. К тому же с конца 1925 г. до 1927 г. хозяйственные затруднения нарастали постепенно. Многие кооперативы успевали адаптироваться; их правления сумели приспособиться к рыночной конъюнктуре, учесть её изменения.

«Артель должна помнить, что она будет существовать за свой счет и риск и все свои расходы должна покрыть или доходами от производства, или собственными средствами», — подчеркивалось в

¹ Большевик. 1926. № 6. С. 65; № 18. С. 109, 112.

² Там же. № 5. С. 8; Русский рубль. Два века истории. М., 1994. С. 229, 230.

³ Хозяйственный обзор Северо-Западной области за 1925–1926 гг. С. VI; Юровский Л. Н. Указ. соч. С. 349, 350.

вышедшем в свет в 1925 г. первом номере еженедельника «Кустарь и артель». Осознание этой истины приходило не сразу и стоило больших потерь. Летом 1925 г. было ликвидировано восемь артелей. Правление кооперативного центра изучило причины их краха и пришло к выводу: «Организаторы плохо учли конъюнктуру и организовали производство, которым рынок оказался переполненным («Трудзнак») или для которого на внутреннем рынке не оказалось сырья («Художественный труд» и др.)».

Вместе с тем, связи с рынком разнообразились. Ленинградский производсоюз стал членом Всероссийского союза промышленной кооперации. Всекопромсоюз построил торговые ряды, павильоны и в Нижнем Новгороде. Ими воспользовались ленинградские кооператоры, которые с 1925 г. начали активней участвовать во Всесоюзной Нижегородской ярмарке. Обычно туда отправлялись с товарами два представителя ленинградской промышленной кооперации. Продавали одежду, бидоны, кровати, обувь, головные уборы, сумки, портфели; покупали оптом кожу, листы железа.

В оперативные штабы торговли превращались правления потребительских кооперативов. Примерно так их воспринимали современники. «Отворил дверь — и стук машинок, обрывки фраз, — рассказывал начинающий корреспондент М. Карпов. — Дым табачный окутывает служащих и заволакивает окна. «Вам в правление? В эту дверь». Вхожу. Тот же табачный дым. Полагал я: сердце кооперативного объединения «Резинометалл» [располагался за Нарвской заставой, насчитывал к 1925 г. около 10 тыс. пайщиков — А. Д.] находится в уютном кабинете с коврами и мягкими креслами. А тут — три стола вместе, на них — два Маркса и два Ленина — бюсты. Вокруг простые стулья и стены голые. Думал — сидит этакий в кресле и папироской важно попыхивает, а тут в пиджаках и кепках — рабочие. Не переставая, трещит телефон.

— Алло! Я слушаю вас. Все вышло, говорите? Со склада вышлем.

— Алло! Алло! Да, правление «Резинометалла». Два вагона масла? Хорошо...

О самых будничных делах разговор. И будничные люди разговаривают: крепкие да приземистые. Трудновато цифры выцарапывать: заняты, некогда¹. Вопросы решались оперативно, без во-

¹ Кустарь и артель. 1925. 8 июля; ЛОГАВ. Ф. 9520. Оп. 2. Д. 1246. Л. 102; Красная кооперация. 1924. 30 октября.

локиты. Этим «крепким да приземистым» скоро станут диктовать, сколько и где покупать, в каких количествах, по какой цене и т. д., и т. п. Так будет на исходе 1920-х гг., когда нэпу придет конец.

Зиновьев — Бадаев — Киров

Новая экономическая политика представляла собой комплекс мер, предусматривавший допущение рыночной экономики при постоянно усиливавшемся (особенно с середины 1920-х гг.) партийно-государственном воздействии на неё. Думается, применительно к нэповской потребительской кооперации — напомним, от неё зависело снабжение огромного города — можно говорить о двух тенденциях такого воздействия. Отсюда — известная напряженность в отношениях между правлением ЛСПО во главе с А. Е. Бадаевым (в его деятельности воплотилась своего рода «мягкая» тенденция) и руководителями города Г. Е. Зиновьевым, его помощником Г. Е. Евдокимовым (назовем их выразителями «жесткой» линии).

Под воздействием партийной и государственной пропаганды в первой половине 1920-х гг. росли авторитет и влияние председателя исполкома Петросовета — Ленсовета, члена Политбюро ЦК партии, председателя исполкома Коминтерна Г. Е. Зиновьева. Выражая довольно распространенные настроения, ленинградский рабочий Андреев в начале 1925 г. заявил: «У Владимира Ильича есть последователи и ученики — это товарищи Зиновьев, Каменев и Сталин и они нам все скажут... Мы института не кончали».¹

Выдержать испытание «медными трубами» Григорию Евсеевичу не удалось. Опытавание властью в сочетании с некомпетентностью в хозяйственных делах делали его вмешательство в кооперативное строительство вредным. Об этом упоминалось выше.

В годы Советской власти сложилась, в том числе под влиянием Зиновьева, традиция требовать от кооперации постоянных жертв. А. Е. Бадаев старался ей противодействовать. Одни называли его «нашим лучшим красным купцом», другие, с оттенком язвительности, — «коммерческим человеком». В 1925 г. Алексею Егоровичу исполнилось 42 года. Он сформировался как крупный хозяйственник: талант организатора, оратора отшлифовался, дополнился боль-

¹ Бюллетень XXI конференции Ленинградской губернской организации РКП(б). № 1. 26 января 1925 г. С. 17, 27.

шим практическим опытом. Бадаев являлся кандидатом в члены ЦК РКП(б). Среди простых ленинградцев установилось доброжелательное отношение к нему. Он был популярен. В семьях, принимая гостей, шутили, предлагая угоститься «чем Бадаев послал».

О своем участии в налаживании производства хлеба в Ленинграде в первые годы нэпа Алексей Егорович всегда говорил с волнением. А рассказать было что. До революции в городе работали хлебозаводы городской Думы, тысячи мелких «пекушек» и большие пекарни «булочных королей» — Чуева, Андреева, Филиппова. После революции и национализации бывшие хозяева эмигрировали, а их дело развалилось. Возрождать его взялись представители «плебейской революции», о которой писал меньшевик Мартов (его высказывание выше приводилось), — А. Е. Бадаев и его команда. Алексей Егорович не спал ночей — не хватало времени. Его видели то на одном предприятии, то на другом. Он советовался со специалистами, вносил дельные предложения, во всё вникал, сам налаживал дело. К 1925 г. было введено в строй или переоборудовано несколько хлебозаводов, среди них и самый крупный в СССР — Первый механический (на Херсонской улице). Неугомонный Бадаев не только создал бюро НОТ на этих предприятиях, но уже настаивал на строительстве первого в стране завода-автомата. Вся страна узнала его как талантливого организатора крупного хлебопекарного производства в миллионном городе.

Вместе с тем, в середине десятилетия А. Е. Бадаев, вспоминая о прошедших нескольких годах, всё чаще хмурился. Не забывались несправедливые, как он был убежден, резкие упреки, которыми сыпали Г. Е. Зиновьев и его приближенные, бесконечные выговоры за так называемые «торгашество», «коммерческий уклон». Как будто лично для себя налаживал хлебопроизводство и торговлю! Однажды, присутствуя на Петроградской губпартконференции, пришлось выслушать остроту Зиновьева: «Тов. Бадаев здесь цитировал, правда в вольной передаче, слова тов. Ленина, чтобы на одну копейчку две копейки заработать. Надо сказать, что тов. Бадаев является в этом отношении даровитейшим ученичком тов. Ленина».¹ А потом уже публично ругали без счета за «уклон в торгашество». Отличался помощник Зиновьева Григорий Еремеевич Евдокимов — председа-

¹ Почебут Г. А., Малкин Б. Г. А. Е. Бадаев. Депутат питерских рабочих. Л., 1962. С. 148, 149; Петроградская кооперация. 1922. 4 октября.

тель петроградского совета профсоюзов и секретарь губкома партии. В 1920-е гг. он был известен всему городу. В заводской среде вспоминали разгоревшийся ещё в апреле 1920 г. на беспартийной конференции спор Евдокимова с меньшевиком Прокофьевым. Последний обвинил противника в морали готтентота: «Если я отниму у другого жену — это хорошо, если чужой отнимет жену у меня — это плохо». Григорий Еремеевич, не задумываясь, парировал выпад: «В борьбе с буржуазией такая мораль приемлема. Если буржуй отнимет права у рабочего — это плохо, если рабочий отнимет права у буржуа — это хорошо». В середине десятилетия Евдокимов, встретившись с видным зарубежным экономистом Джоном Кейнсом, произвел на того большое впечатление. «Коммунист... с горящими глазами», — заявлял англичанин. Евдокимова хвалил Сталин, возможно, с умыслом перетянуть на свою сторону. Надо отметить, что это был один из самых близких к Зиновьеву людей, его доверенное лицо.¹ Трудно приходилось Бадаеву.

Напомним, после публикации нашумевшей ленинской статьи кооперация то и дело оказывалась в центре внимания высших чиновников. Как-то Г. Е. Зиновьев, вспомнив — видимо — годы жизни в эмиграции, предложил открыть образцовые кооперативные пивные «как в рабочих кварталах Берлина». «Почему бы не создать такого учреждения, куда бы не стыдно было прийти сознательному рабочему», — мечтал он. А через несколько месяцев Г. Е. Евдокимов уже в категорической форме настаивал на лишении ЛСПО всех его пивзаводов. Их насчитывалось 9. В 1923 г. они — бездействовавшие — были взяты в аренду ПЕПО и восстановлены. В 1924 г. лидеры Петросовета и губкома задумали их отнять у ЛСПО, подчинить специальному кооперативному центру в целях создания идеальных пивных заведений. Ни о каких рыночных принципах речи не велось; не считались с тем, что ЛСПО — хозрасчетная структура. Пивоваренные заводы тогда остались за кооперацией. В очередной роль сыграли роль авторитет и связи Бадаева. Вместе с тем, как представляется, ещё не наступило время, когда произвол партийных и государственных «баронов» будет целиком преобладать над экономической целесообразностью и даже «формировать» её.

¹ ЦГА СПб. Ф. 4. Оп. 1. Д. 26. Л. 6; Бюллетень XXII конференции Ленинградской губернской организации РКП(б). № 4. Л., 1925. С. 28; Пятнадцатый съезд ВКП(б). Стенографический отчет. Т. 1. М.—Л., 1961. С. 322.

В 1924 г. разгорелся спор о хлебных ценах. В Москве в то время торговали хлебом по 4,5 коп. за фунт, в других городах — по 5. А Зиновьев, Евдокимов потребовали от правления ЛСПО продавать с большим убытком — по 3,5 коп. Бадаев долго упирался, убеждал: кооперативы, ежедневно продающие сотни тонн хлебопродуктов, понесут огромные потери, банки вынуждены будут в очередной раз отсрочить выплату процентов по кредитам, хозрасчетные отношения между ними нарушатся. Он использовал и другой аргумент: оборудование некоторых хлебозаводов не обновлялось с 1914 г., заводы без ремонта, который потребует много денег, остановятся. Его слушали, но в конце концов, в очередной раз раскритиковав и посулив ссуду, обязали продавать по 3,5 коп. Алексей Егорович после разгромной критики признавался, что «три дня ходил как очумелый». Тем не менее, он решился обсудить вопрос на коллегии Народного комиссариата внутренней торговли. В результате, была установлена окончательная цена на хлеб для Ленинграда — 4,5 коп.¹ В неудобное положение попали оппоненты Алексея Егоровича.

В конце концов, спорные вопросы вынесли на рассмотрение XX Ленинградской губернской партконференции в мае 1924 г. С партийной трибуны Зиновьев ораторствовал насчет несоответствия городской кооперации требованиям социализма. В ответ Бадаев упрекал политических деятелей за «сильный перегиб палки» по части необоснованного вмешательства в дела кооперативного союза.²

Думается, приведенные факты в полной мере отразили противостояние «мягкой» и «жесткой» линий в отношении нэпа. Представители обеих выступали за подчинение экономической политики программным установкам РКП(б)–ВКП(б). Они отнюдь не возражали против внедрения партийных кадров в структуры кооперации. Но методы и цели партийно-государственного воздействия на общества и товарищества представлялись по-разному. Показательно, что на XXI губпартконференции (январь 1925г.) один из ораторов предрекал Бадаеву «срезывание купеческих рук и хозяйственных ног».³ Чувствуя настроение руководителя — Г. Е. Зиновьева, выступав-

¹ Бюллетень двадцатой губернской конференции Ленинградской губернской организации РКП(б). Май 1924. Л., 1924. С. 35, 37, 44.

² Там же. С. 29–31, 45.

³ Бюллетень XXI конференции Ленинградской губернской организации РКП(б). № 1. 26 января 1925 г. С. 17, 27.

ший представил деятельность Бадаева и его команды вредной для хозяйственного развития.

Почему Зиновьев не ставил — как когда-то — вопроса о переводе Алексея Егоровича в другой город? Как представляется, он сознавал, что без опытных хозяйственников ему не обойтись. Кроме того, председатель правления ЛСПО пользовался большой популярностью в Ленинграде и поддержкой группы кооператоров — С. Простака, Г. Гегеля, Ошерова и др. Главное же, после ухода Ленина от активного участия в делах Григорий Евсеевич всё больше внимания уделял борьбе за власть в центральных органах, за ленинское наследие; затевать очередную склоку в «своем» городе было неудобно.

Привлечем внимание читателя к следующему важному обстоятельству. Г. Е. Зиновьев, будучи видным политиком и партийным теоретиком, выработал свою систему взглядов на нэп, а также определил особую роль Петрограда (и петроградской кооперации) в его эволюции. Попытаемся характеризовать в общих чертах эту систему взглядов. При этом имеет смысл опереться на материалы петроградских-ленинградских партийных и кооперативных форумов первой половины 1920-х гг. Учтем, что Зиновьев был наиболее откровенен в докладах и речах, с которыми он выступал в Петрограде-Ленинграде. Показательны, в частности, его ссылки на то, что он является «патриотом» партийной организации и экономики этого города.¹

Оценивая нэп, роль кооперации Зиновьев исходил из своей трактовки социализма как «пролетарского самоуправления» снизу доверху, когда, по его словам, «целый ряд задач, которые сейчас решаются при помощи множества государственных органов, создающих известную бюрократическую обстановку... в силу сплоченности трудящихся масс, в силу их организованности будет решаться легко, мимоходом, шутя». Однако неперменным условием успеха должно было стать «полное и железное подчинение [масс — А. Д.] центру». Эту схему торопились внедрить в жизнь. Зиновьев соглашался с Евдокимовым в том, что к 1935 г. уровень жизни в СССР будет выше, чем во всей остальной Европе, экономика которой к тому времени сильно деградирует. Кстати, клятвенные обещания быстрого достижения «светлого будущего» временно способство-

¹ Бюллетень XXII конференции Ленинградской губернской организации РКП(б). № 5. Л., 1925. С. 1, 2; *Зиновьев Г.* Сочинения. Т. VI. М.—Л., 1929. С. 569.

вали росту популярности руководителя среди части ленинградских рабочих. Судя по некоторым высказываниям Зиновьева, он считал, что движение к социализму по типу централизованного рабочего самоуправления можно ускорить, если создать своего рода «региональный эталон», образец подобного движения. Ленинград, по мнению теоретика, имел шансы стать этим эталоном. Как обособывалась такая мысль? Нэп в городе приобрел, как выражался Зиновьев, «здоровые формы», «его отрицательные стороны здесь мягче, — подчеркивал он, — чем в других центрах», ибо в Ленинграде меньше развита торговля, меньше частного капитала.¹ Отчасти, надо признать, это было своеобразным достижением самого Зиновьева, который пугал солидных частных торговцев и арендаторов обещаниями «взять нэпмана за горло». Они старались даже иметь поменьше мебели на своих квартирах, опасаясь внезапной описи имущества. Показательно, что кинофильм «В угаре нэпа» получил очень широкий прокат в Ленинграде. «Нэповская Россия — разве это звучит для нашего уха благозвучно? Не особенно», — откровенно признавался Г. Е. Зиновьев в июне 1925 г., через три месяца после того, как Всесоюзная партконференция и Совет труда и обороны приняли постановление об облегчении условий существования частного капитала, углублении новой экономической политики.²

Большую ставку делал член Политбюро ЦК, председатель исполкома Коминтерна, исполкома Ленсовета на потребительскую кооперацию, противопоставляя её нэпу, считая «противоядием против нэпа» Он опять же полагал, что в Ленинграде налицо возможность быстрее построить «настоящую социалистическую кооперацию». Пока, в середине 1920-х гг., исходя из своих представлений о социализме, Григорий Евсеевич хотел видеть кооперацию более подчиненной «центру». Отсюда, отчасти, и усиление нажима на Бадаева, правление ЛСПО, кооперативы. В середине десятилетия распространение получили кредитные кооперативные боны. Они выпускались достоинством от 3 до 100 руб. и представляли собой талоны, на которых было написано: «имеет хождение в предприятиях кооператива» и «подделка преследуется законом». По ним ра-

¹ Бюллетень XXII конференции Ленинградской губернской организации РКП(б). № 3. Л., 1925. С. 36, 37; № 4. С. 28; № 5. С. 29.

² Красная газета. 1924. 1 января (утренний выпуск); Жилищное дело. 1925. № 23–24. С. 31; Красная кооперация. 1925. 7 апреля; Ленинградская правда. 1925. 1 июля.

ботники могли получить в кредит имевшийся в лавке товар. Так вот, Г. Е. Зиновьев рассматривал боны как обменные знаки, как «зародыш отмены денег». «Об этом сейчас приходится только мечтать, но это будет», — утверждал он. Кстати, в высокой оценке кредитных талонов Григорий Евсеевич встречал понимание со стороны жен рабочих, правда, у них были свои резоны: на боны их мужьям не выдавали «горькую». Но вот в следующем пункте вряд ли бы и женщины поддержали руководителя. В середин 1920-х гг. Зиновьев предложил, в целях усиления «организованности» членов кооперативов, «разделить всех пайщиков на десятки, в крайнем случае сотни».¹ Во главе «каждого такого подразделения» (использовались даже термины из армейского лексикона) намечалось поставить не избранных членами потребительских обществ, а назначенных вышестоящими кооперативными органами «звеновиков».²

Теоретические схемы всё чаще заслоняли от главы Петрограда и члена Политбюро ЦК партии реальную жизнь. Наоборот, коммунистические кооператоры-практики осознали необходимость компромисса с рыночной действительностью. Это и порождало конфликты.

Столкновение разных подходов к определению путей кооперативного строительства, хотя и в меньшей степени, коснулось кооператоров — сельскохозяйственников, жилищников. Затронуло оно и движение промысловых артелей, товариществ. Это, в частности, выразилось в том, что в Ленинграде была поставлена под сомнение целесообразность существования крайне необходимых кустарям (но далеких от социалистического идеала) закупочно-сбытовых, т.н. «простейших», товариществ. В частности, по решению совещания, созданного отделом местной промышленности Исполкома Ленсовета 5 ноября 1925 г., «простейшие» товарищества рекомендовалось закрывать, а ремесленников-надомников сводить в «артели с общей мастерской».³ В данном случае Ленинград и его руководители опять возглавили «революционный процесс». Обратим внимание:

¹ Бюллетень двадцатой губернской конференции Ленинградской губернской организации РКП(б). № 3. С. 12; Речи о кооперации. М., 1925. С. 54; VIII Общегородская кооперативная конференция. Июнь 1925 г. Стенографический отчет. Л., 1925. С. 42; Бюллетень XXII конференции Ленинградской губернской организации РКП(б). № 3. С. 37.

² Об «институте звеновых организаторов» см.: Под знаменем коммунизма. 1923. № 4. С. 364, 365.

³ ЦГА СПб. Ф. 1938. Оп. 1. Д. 1122. Л. 65, 65об; ЛОГАВ. Ф. 2578. Оп. 3. Д. 233. Л. 1.

в соответствии с резолюцией Всесоюзной партконференции, проходившей в Москве в апреле 1925 г., требовалось «не допускать административного вмешательства в кооперативную работу... и организовывать простейшие формы массового объединения кустарей-промысловиков и одиночек».¹

Коренным недостатком кооперативной политики петроградских-ленинградских властей было игнорирование разнородности состава городских ремесленников.

Как уже отмечалось, в отличие от 1921–1923 гг., ремесленники-профессионалы стали составлять основную по численности группу артельщиков. Они же хорошо чувствовали улучшение своего положения в результате объединения в кооперативы — переставали нуждаться в услугах скупщиков, получали кредиты, в 1925 г. всем им предоставили налоговые льготы. Но кустари не являлись однородной массой. Часть их (кустарная беднота) с готовностью шла работать в общую мастерскую. «Полуподвал в две комнаты, — писал инструктор Производсоюза Н. Голиков после посещения жилища кустика-бедняка, — низко нависший потолок, земляной пол. В одной комнате — мастерская: лежат бревна сырой сосны, из которой делаются дранки, пучки самой дранки, готовые корзины. В другой комнате — две грязные кровати. От сырого леса и дранок со стен течет». В таких условиях даже убогая общая мастерская ремесленнику казалась дворцом.

Другая часть кустарей (более состоятельная) очень болезненно ощущала искусственные ограничения для закупочно-сбытовых товариществ. Общая мастерская была для них костью в горле. «В мастерскую не перейду, — заявляли эти кустари на общих собраниях. — Дома у меня и кошка работает. Да и сам себе хозяин. Хочу — работаю, хочу — в чайную пойду, а тут сиди 8 часов подряд». Поэтому они не вступали в кооперативы. Процент производственного кооперирования ремесленников в Ленинграде оставался невысоким (15% к концу 1925 г.).² Опыт показывает, что изменить привычки кустарей было вполне возможно, но следовало начинать с закупочно-сбытовых товариществ, не торопиться.

¹ Партия о кооперации. М., 1928. С. 157, 195, 196; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1. М., 1967. С. 466.

² Вестник промысловой кооперации. 1924. № 7–8. С. 67; Кооперативное строительство. 1926. № 3. С. 51; ЦГА СПб. Ф. 1938. Оп. 1. Д. 1122. Л. 65.

На практике кустаря начинали тащить в общую мастерскую, старались обобществить его средства производства, полагая, что тем самым осуществляется выработка коллективистской психологии. В результате достигали обратного — квалифицированных мастеров отпугивали от кооперативов.

Исторический опыт свидетельствует, что кооперация призвана в первую очередь ориентироваться на удовлетворение потребностей своих членов, не забывая, разумеется, об интересах всего общества. Исходя из этого, государственные органы и обязаны строить свою политику. В противном случае, государство начинает терять контроль над кооперацией. Вот некоторые факты.

Ремесленники, не желавшие расставаться со своей мастерской, всё равно находили выход. Ленинградское общество кустарей-одиночек стало выполнять функции закупочного товарищества, снабжать часть своих членов сырьем. Кустарям приходилось извращаться, формально создавая небольшие общие мастерские, которые на деле служили прикрытием для ремесленников-надомников. Зато форма была соблюдена. Правление Производсоюза смотрело на всё это сквозь пальцы. Но если сведения доходили до контролирующих органов, кооператорам приходилось туго. Есть основания полагать, что этими обстоятельствами были вызваны столкновения между Производсоюзом, Обществом кустарей-одиночек и комиссией промбюро в 1923–1925 гг., о которых мы рассказывали выше.

Подчеркнем ещё раз, что петроградские-ленинградские деятели кооперации не могли вполне сочувствовать той политике, проводником которой была команда Зиновьева. В этих условиях кооперация Ленинграда (прежде всего, в лице Бадаева) оказалась в центре сложных политических событий. В середине 1920-х гг. в высшем руководстве партии и государства развернулась борьба между группами; представители каждой по-разному оценивали возможности построения социализма в одной стране и пути эволюции нэпа. Теоретическое противостояние осложнялось борьбой политических лидеров за власть. Амбиции и искренние убеждения представляли две стороны одной медали. «Новая оппозиция» Г. Е. Зиновьева и Л. Б. Каменева вступила в схватку с группой И. В. Сталина, Н. И. Бухарина и А. И. Рыкова. В водовороте событий оказался и А. Е. Бадаев.

С весны 1925 г. Г. Е. Зиновьев, осознавая неизбежность схватки с политическими противниками, старается сделать Алексея Егоровича своим приверженцем; в частности, полностью прекращается

критика в его адрес. В начале декабря, когда глава Ленинграда уже открыто сетовал, что его и Л. Б. Каменева «оттирают от партийной работы», Бадаева неожиданно назначают заместителем председателя губисполкома. Это была явная попытка завоевать симпатии авторитетного руководителя (не забудем: кандидата в члены ЦК партии), поставить его под контроль. Немаловажно и то, что Зиновьев мог не опасаться интриг со стороны Бадаева, которому они были совершенно чужды. Причем, как представляется, нового назначения Бадаев не очень-то и желал. Иначе какой смысл был в его — уже заместителя председателя губисполкома — частых и регулярных посещениях заседаний правления ЛСПО (прежний зампред на них не присутствовал). Видно, тянуло на старое место работы.

На XIV партсъезде Алексея Егоровича избрали в состав секретариата. Человек он был незлопамятный, не собиравшись никому мстить. На съезде выступил с нейтральной речью, сказав об отсутствии в Ленинградской парторганизации ликвидаторских настроений. Линия поведения Бадаева на роковом рубеже 1925–1926 гг. объясняется, прежде всего, его стремлением в борьбу группировок не вступать. В то же время известная двусмысленность в его положении была налицо. В кулуарах съезда оппозиционеры убеждали всех в приверженности Алексея Егоровича их вождю. Н. С. Хрущев — делегат партийного форума — вспоминал, что зиновьевцы прикрывались Бадаевым «как щитом».

Как представляется, А. Е. Бадаев не выступил против сторонников Зиновьева, но и не перешел на сторону их оппонентов. Попробуем объяснить мотивы его поведения на партсъезде. Алексей Егорович не был наивным человеком. Он прекрасно понимал, что в развернувшейся схватке борьба «за кресло», за власть занимает совсем не последнее место. Отдать свои симпатии одной из противоборствующих групп он не хотел и не мог, рвать с товарищами и коллегами — тоже. Потому и лейтмотивом выступления на съезде звучало предостережение против раскола, призыв к сохранению единства партии.¹ Делегаты слушали с вниманием. Бадаев был избран членом Центрального комитета.

Исход борьбы двух политических групп, возглавляемых Зиновьевым — Каменевым и выступавшими ещё вместе (правда, уже по

¹ Пятнадцатый съезд ВКП(б). Т. 1. С. 322; *Хрущев Н. С.* Воспоминания. Вре-
мя. Люди. Власть. Кн. 1. М., 1999. С. 29; XIV съезд Всесоюзной коммунистической
партии (б). Стенографический отчёт. С. 315–317.

разным причинам) Бухариным — Рыковым — Сталиным, известен. Ленинградская делегация оказалась на съезде в изоляции. Сразу после партийного форума в Ленинград отправилась группа его делегатов, крупных партработников. Среди них видное место, между прочим, занимал соратник Бадаева по IV Государственной Думе, его личный друг Г. И. Петровский. Многие руководители — сторонники Г. Е. Зиновьева — были смещены с своих постов в губкоме и Ленсовете. Коммунисты городского союза потребительских обществ почти единогласно «отмежевались от действий делегации» (зиновьевской) на XIV съезде, Севзапсоюза — большинством голосов. К ним присоединились работники ряда первичных кооперативов, прежде всего — заводов Выборгского района, где позиции Г. Е. Зиновьева не были сильными. Но на ряде предприятий переориентация руководителей рабочих кооперативов осуществлялась вместе с изменениями настроений в заводских коллективах. Здесь использовались выступления лучших ораторов, делалась ставка на авторитет ЦК ВКП(б). Вместе с «Ленинградской правдой» подписчикам рассылались бесплатные брошюры Бухарина, Молотова, в которых критиковались Зиновьев и его команда. Уже 26 января Г. И. Петровский заявил, что удалось перетянуть «на свою сторону» ленинградских рабочих.¹ Для этого понадобился почти целый месяц: Зиновьев располагал немалым влиянием.

10–12 февраля 1926 г. состоялась XXIII Чрезвычайная конференция Ленинградской губернской организации ВКП(б). Основным доклад делал член Политбюро ЦК партии Н. И. Бухарин. В нем он следующим образом сформулировал суть разногласий с группой Зиновьева. «Нам говорят, что мы затушевываем классовую борьбу, — подчеркивал Николай Иванович, — Но, товарищи, когда недооценивают... кооперативный план Ленина, то как раз в этом и выражается отказ от основной классовой задачи пролетариата».² Как видим, поводом, использованным в целях разгрома зиновьевской группы, стал ошибочный вариант кооперативного строительства. Соответственно, ленинградские кооператоры стали ожидать исправления ошибок и послаблений.

А что же Бадаев? Видному и примиренчески настроенному в отношении победившей партийной группы представителю руковод-

¹ Красная кооперация. 1926. 5 января; Правда. 1926. 26 января.

² XXIII Чрезвычайная конференция Ленинградской губернской организации ВКП(б). Стенографический отчет. 10–12 февраля 1926 г. Л., 1926. С. 15.

ства города было оказано доверие. В январе 1926 г. он стал членом секретариатов Ленинградского губкома партии (вместе с С. М. Кировым и Н. Комаровым) и Севзапбюро ЦК ВКП(б).

Правление ЛСПО временно возглавлял кооперативный работник И. В. Левин. Однако Алексей Егорович, которого тянуло назад — на кооперативное поприще, после XXIII партконференции вернулся на прежний пост. Работа в секретариате губкома была оставлена. Новый руководитель Ленинграда (теперь — секретарь губкома партии) С. М. Киров совсем не собирался оставлять кооперацию без внимания. Это поняли все, когда он вскоре после приезда в Ленинград вступил в потребкооператив. Сергей Миронович начал изучать организацию торгового дела в городе, демонстрируя при этом демократические привычки: заходил в кооперативные лавки, в лицо его там не знали и один раз нагрубили.

На первых порах руководителям кооперации стало спокойнее работать, по крайней мере — публичные нагоняи, разносы и накачки не грозили. Сергей Миронович имел определенный опыт — ещё перед мировой войной, развернув пропагандистскую работу среди членов Владикавказского потребобщества, он познакомился с постановкой дела в нем. Несмотря на это, Киров не претендовал на роль знатока кооперации. Когда, например, неотложные дела или болезнь не позволяли ему принять активное участие в работе кооперативных конференций, он хотя бы ненадолго всё равно появлялся на них. Докладчика прерывать не разрешал, дожидался, пока тот закончит речь, и брал краткое слово в порядке прений; его натуре были чужды театральные эффекты. Делегаты вспоминали, как, случалось, Г. Е. Зиновьев забегал на час-полтора, занимал трибуну и, уходя с нее под аплодисменты, покидал зал. Патерналистская линия была преобладающей в руководстве Зиновьева кооперацией: сначала он обвинял последнюю в нехватке продуктов, потом уже вступал в роли обличителя работников потребобществ, спасителя и благодетеля трудящихся.¹

Сергей Миронович, наоборот, старался держать себя на людях просто, демонстрируя свою близость к народу. Теоретизированием не занимался, отвергая эксперименты с кооперацией. Однако, как оказалось, обществам и товариществам от этого не стало лучше.

¹ Бюллетень Первой Ленинградской областной конференции ВКП(б). № 4. 17 ноября 1927 г. Л., 1927. С. 162.

Уже в июне 1926 г. Киров сделал ответственное заявление: ленинградская кооперация должна играть «колоссальнейшую роль» в индустриализации.¹ Это означало: приближаются тяжелые испытания, послаблений ожидать не стоит. Налоги будут расти, кредиты — уменьшаться, контроль усилится.

Методы руководства ленинградской кооперацией внешне стали другими, но существо их изменилось мало. Если разобраться, ничего странного в этом нет. Либо общество управляет собой хорошо, либо власть им плохо — другой альтернативы не существует. Вспомним изречение И. В. Гете: «Лучшее правительство то, которое учит нас управлять собой».² Применительно к истории 1920-х гг. всё это означало, что партия и государство, державшие курс на ограничение прав и возможностей граждан, в частности — членов кооперативов, в целях достижения непонятной им коммунистической перспективы, объективно содействовали увеличению армии бюрократов. Это было опаснее натиска группы догматиков. Каждый работник потреббществ без запинки читал тогда строчки Демьяна Бедного: «Когда тут торговать, не успеваешь за начальством двери закрывать. Сорок одно начальство — сорок одно упущение».

В резолюции апрельского (1926 г.) Пленума ЦК партии хозяйственные трудности середины десятилетия справедливо связывались в том числе с «ростом штатов и излишеств как госбюджетных, так и хозяйственных органов, госторговли и кооперации». После этого не проходило и квартала, чтобы в партийных документах не ставился тот же вопрос. Однако волокита и злоупотребления не выводились. Выступая перед ленинградскими комсомольцами в середине 1926 г., С. М. Киров недоумевал по поводу роста «сложной бюрократической машины». В следующем году он прямо признает, что «слишком запутанный механизм создали мы».³

Опасность подстерегала и с другой стороны: руководители кооперации становились заинтересованными в складывавшейся системе. Обеспечивая деятелям кооперации спецставки, спецжилые и прочие блага, она развращала их. Вот зарисовка одной жизненной

¹ Ленинградская правда. 1926. 16 января. 3 марта; *Морозов Л. Ф.* От кооперации буржуазной к кооперации социалистической. С. 28; VIII собрание уполномоченных ЛСПО. 8–9 июня 1926 г. Стенографический отчет. Л., 1926. С. 10.

² *Гете И. В.* Изречения в прозе. СПб., 1885. С. 48.

³ Партия о кооперации. С. 215, 320; *Киров С. М.* Избранные статьи и речи (1912–1934 гг.). М., 1957. С. 296, 412.

ситуации. Журнал «Кооперативное строительство» описывал ход созванного в октябре 1926 г. при ЛСПО совещания: «В зале — члены ревизионных комиссий первичных кооперативов. В президиуме — несколько работников ЛСПО. Все в порядке. Вдруг — переполох в президиуме. «В чем дело?» — шепчутся собравшиеся. Никто не знает. Оказалось, один из выступавших между делом обмолвился, что он и его товарищи работают без руководящей инструкции. Это и стало причиной внезапной тревоги — «Недоглядели, недосмотрели!» Инструкция из центра для ревкомиссий была тут же затребована».¹

Учтем, что на завершающем этапе нэпа контролирующая функция государственных структур выдвинулась на одно из первых мест. Проверки и ревизии следовали одна за другой. Поэтому деятели кооперации перенимали канцелярский стиль работы, перестраховывались и запасались всевозможными документами. По всякому вопросу — даже если его можно было решить быстро и без волокиты — созывалось совещание, приглашалась стенографистка.

Вместе с тем, об огосударствлении кооперации в целом речь не велась. Партийно-государственное вмешательство в её дела не приобрело тотального характера. Адаптация ещё была возможна.

Кооперация и частная торговля

Сторонний наблюдатель — житель Ленинграда второй половины двадцатых годов — обращал внимание, прежде всего, на успехи потребительской кооперации города. Численность пайщиков приближалась в 1927 г. к полумиллиону. Сохранялась тенденция общего роста торговых оборотов. Число потребкооперативных магазинов, лавок только в 1925 и 1926 гг. выросло почти в 4 раза и достигло 2,5 тыс. В 1924 г. в Ленинграде ежемесячно на одного члена рабочей семьи совершалось покупок на 15 руб. 95 коп., в 1926 г. — на 24 руб. 3 коп.; в магазинах же и лавках кооперации — соответственно — на 6 руб. 86 коп. и 13 руб. 62 коп. Удельный вес покупок в потребительской кооперации поднялся с 43% до 56,7%.² Цифры говорят о наличии

¹ Кооперативная жизнь. 1926. 24 декабря; Кооперативное строительство. 1926. № 13. С. 31.

² Кооперативное строительство. 1927. № 22. С. 3; ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 10. Д. 158. Л. 16; Под знаменем коммунизма. 1926. № 9. С. 74; Ленинградская потребительская кооперация с октября 1924 г. по апрель 1927 г. Л., 1927. С. 18.

материальной заинтересованности трудящихся в кооперации. Но действовали ли другие кооперативные принципы — включение пайщиков в управление кооперативами, гласность при решении всех вопросов, самостоятельное хозяйствование потребительских обществ? Это нам и предстоит выяснить в дальнейшем.

В 1925–1928 гг. продолжали существовать (во всё более ограниченном виде) экономические предпосылки для развития кооперации — оптовая торговля, хозрасчет, конкуренция с частником. В этих условиях инициативные члены правлений ряда кооперативов добивались успехов в торговле и общепите, которые в итоге были налажены лучше государственных. Хотя большинство потребительских обществ Ленинграда работали с мизерной прибылью и нередко жили — по выражению экономиста В. Сарабьянова — «за счет казначейства».

Не будем утомлять читателя рассказом обо всех или хотя бы многих ленинградских потребительских кооперативах второй половины десятилетия. Приведем характерные данные о некоторых из них. Крупнейшим потребкооперативом Ленинграда одно время был кооператив им. Зиновьева. Ещё в 1905 г., вернувшись из-за границы, где обучался в Бернском университете, Григорий Евсеевич несколько раз выступал на собраниях металлистов Московской заставы; он представлялся тогда Григорием Московским. В 1920-е гг. об этом вспомнили. Рабочий кооператив не только получил имя Зиновьева, но последний являлся и его бессменным почетным председателем. Через 5 месяцев после смещения Григория Евсеевича с поста руководителя исполкома Ленсовета кооператив был слит с «Резинометаллом». В новом кооперативе, названном «Нарвбракооп», насчитывалось 45 тыс. пайщиков. Этот кооператив получил известность в Ленинграде прежде всего как инициатор организации «красных чайных». «Гордостью ленинградской кооперации» называли чайную этого потребобщества, расположенную на Боровой улице. Она составила серьезную конкуренцию пивным. Кроме буфета, здесь имелись читальня, комната для игры в шашки, даже радиоприемник — большая редкость в городе. Подобное заведение было открыто и на Международном (Московском) проспекте. В журнале «Кооперативное строительство» сообщалось: «... у Пулковской заставы он [кооператив — А. Д.] открыл первую крестьянскую красную чайную в помещении бывшей пивной Василия Федорова. Зал здесь никогда не пустовал. За столиками обычно сидели две-три

рабочие семьи. Здесь собирались пулковские крестьяне».¹ Заметим, что рабочие приходили в красные чайные с семьями. Обнаруживается воздействие кооперации на культуры быта населения.

К числу лучших кооперативов отнесем Петрорайрабкооп, образованный к середине 1920-х гг. путем слияния «Коопметалла» и «Правильного пути» в Петроградском районе. Правление располагалось на улице Красных зорь (ныне — Каменноостровский проспект). Председателем был С. Простак — ученик А. Е. Бадаева, умный и смелый человек, сумевший сплотить коллектив единомышленников. Он умел пойти на риск и принять на службу «вычищенных» из других кооперативов «за чуждое социальное происхождение» работников, которых знал как инициативных и честных людей. С. Простак и члены возглавляемого им правления очень интересовались мнением пайщиков о своей работе, хотели быть в курсе их жалоб и требований. В этих целях регулярно созывался избранный пайщиками совет уполномоченных, была создана при кооперативе первая в стране социологическая группа для анкетирования жителей района. Не допускалась продажа некачественных товаров. Бракованные изделия немедленно возвращали производителю. Например, кооператоры ежемесячно отправляли негодную обувь на фабрику «Скороход» для замены её новой. Столовая «Верный путь» Петрорайрабкоопа признавалась лучшей в городе. «Обед сытный, большой, хороший», — хвалили рабочие свою столовую. Из Кингисеппского района в магазины потребительского кооператива постоянно поступало молоко; налаживалось сотрудничество с сельскими кооперативами. Упрочив доверие среди пайщиков, правленцы добились повышения денежных взносов до 10–15 руб. с человека. Кооператоры организовали книжную торговлю, по договорам с издательствами получали литературные новинки; книголюбам открыли кредит на 5 месяцев.

Петрорайрабкооп успешно приспосабливался к требованиям рынка. Это как раз не всегда соответствовало интересам деятелей областных кооперативных союзов. Возьмем, например, историю с закупкой кингисеппского молока. Правление обязали, прекратив самостоятельную закупку, вести её только через Трудсоюз. Тот шел к своему краху и, как стали говорить, превращался в «трупсоюз». Его пытались реанимировать за счет других кооперативных систем.

¹ Кооперативное строительство. 1927. № 1–2. С. 40; 1928. № 18. С. 29.

С. Простак доказывал, что аппарат Трудсоюза раздут, расходы будут не по карману рабочему кооперативу. Его не слушали. Тогда членам правления пришла в голову счастливая мысль объявить торговые связи с кингисеппскими крестьянами и сельскохозяйственными кооперативами... шефством над ними. Теперь Петрорайрабооп ставился в пример как передовой, с сознательным руководителем.¹ Не простым оказался председатель его правления Простак. Приведенный факт характеризует механизм адаптации кооперативов, действовавших в рыночных условиях, к партийно-бюрократическому режиму. При этом имитация идеологически выверенной деятельности не подменяла предпринимательскую инициативу, ибо жизнь требовала постоянного подтверждения высокого качества работы. Не случайно в анкетах большинство рабочих отмечали, что они материально заинтересованы в вступлении в пайщики.

В результате укрупнительных кампаний во второй половине 1920-х гг. действовали огромные кооперативы, объединявшие десятки тысяч членов. Некоторые из них стали представлять собой по существу огосударствленные хозяйственные структуры. Рыночную конкуренцию они ощущали слабо, ибо, работая по договорам с государственными оптовыми базами, имели фору в отношении частного торговца. Улучшению работы могло содействовать давление со стороны пайщиков. Однако с мнением их переставали считаться. Например, в кооперативе «Василеостровец» совет уполномоченных не созывался; в президиуме правления стали забывать о существовании такого самостоятельного органа и после утери списка его членов фамилии восстановить не смогли. Примечательно, что руководство подобных кооперативов старалось создать видимость активной общественной деятельности. В них имитация общественной активности, соответствовавшей «реконструктивному» духу времени, начинала подменять эффективную хозяйственную работу. Например, кооперативами объявлялись конкурсы на лучший план ликвидации очередей в условиях, когда «хвосты» стали снова увеличиваться в связи с введением индустриализационного «режима экономии». А затем обсуждались присланные проекты вроде планов распределения товаров на заводах и в учреждениях.²

¹ Красная кооперация. 1925. 25 ноября; Бюллетень кооперативной секции Ленинградского Совета X созыва. № 16. Л., 1926. С. 19, 22, 26; ЛОГАВ. Ф. 3460. Оп. 1. Д. 37. Л. 35.

² Смотри рабочей кооперации на конкурсе «Правды». Л., 1928. С. 37–39.

Таким образом, во второй половине 1920-х гг. явственное обнаружился процесс расслоения кооперативов. Некоторые выжидали за счет афиширования идеологической лояльности и использования в своих «шкурных» (термин 1920-х гг.) интересах партийно-государственной покровительственной политики. Зато другие ленинградские потребительские кооперативы стремились без ущерба для дела экономить средства, повышать заинтересованность пайщиков и тружеников потреббществ в эффективной работе магазинов, столовых, предприятий. Рыночная действительность всё ещё благоприятствовала второй группе потребительских обществ.

Подробно рассмотрим те основные обстоятельства, под непосредственным влиянием которых развивалась или деградировала потребительская кооперация Ленинграда во второй половине 1920-х гг. Прежде всего, речь идет о частном капитале, который выступал в роли конкурента кооперации и заставлял её совершенствоваться. В 1925 г. видный экономист В. Сарабьянов писал: «Нельзя производить расчеты на скорое вытеснение кооперацией частного торговца. Его нужно не столько вытеснять, сколько у него учиться и использовать в деле распределения товаров».¹ Существовала тесная взаимосвязь между кооперацией и частной торговлей, предпринимательством.

В годы нэпа частный капитал выполнял в отношении власти роль громоздкого, который по сути дела брал на себя общественное возмущение. Соответственно, пропаганда представляла частника в виде жупела. «Узнать буржуя очень просто, он толстый, маленького роста, даже самый молодой зуб вставляет золотой», — иронизировал В. В. Маяковский.

Вместе с тем, дело обстояло гораздо сложнее. Как в отношении нэпа в целом, рыночной кооперации так и в отношении частного предпринимательства в среде представителей власти выявились два подхода. Один предполагал скорое и последовательное искоренение капиталистического «торгашеского элемента», второй — использование его потенциала. В середине 1920-х гг. временно в некоторых партийных и правительственных кругах возобладал второй подход. В том числе это ярко проявилось в выступлении председателя Совнаркома СССР и РСФСР А. И. Рыкова в апреле 1925 г. в Ленин-

¹ Сарабьянов В. Кооперация в системе советского хозяйства. М.—Л., 1925. С. 90.

граде. Алексей Иванович часто приезжал в этот город; в 1905 г. он избирался делегатом Петербургского Совета и его по традиции приглашали на всяческие важные мероприятия — съезды, конференции. Вот и в апреле 1925 г. он делал доклад на XV Ленинградском губернском съезде Советов. Алексей Иванович заявил, что политика по отношению к кооперации остается покровительственной (ходили слухи о её изменении), но подчеркнул, что её борьба с частным капиталом должна вестись исключительно экономическими методами. Он даже настаивал на создании более благоприятных условий для частной торговли.¹ Примечательно, что на тех же позициях в середине десятилетия стоял нарком рабоче-крестьянской инспекции и председатель кооперативного совещания при ЦК партии В. В. Куйбышев. Беспокоясь по поводу опасности «произвольного бойкота всей частной торговли», Куйбышев предупреждал, что «в таком виде он [бойкот — А. Д.] нелеп, обречен на неудачу».²

Вместе с тем, указанная социально-экономическая (мировоззренческая — по существу!) тенденция встречала активное противодействие со стороны Г. Е. Зиновьева, Г. Е. Евдокимова, солидаризировавшегося с ними в 1926 г. Л. Д. Троцкого. По мере приближения к концу 1920-х гг. представителями крайне «жесткой» линии в отношении частника, кооперации, в целом нэпа всё чаще станут проявлять себя И. В. Сталин и его ставленники (среди них и С. М. Киров). Это вовсе не означало, что последние окажутся на позициях Зиновьева, Троцкого. В команду Иосифа Виссарионовича войдут сторонники сугубо централизаторских, максимально жестких диктаторских подходов к устройству общественных институтов. По сути дела, речь идет о третьей мировоззренческой тенденции — самой опасной для государства и общества. Всем недостаточно «жестким» партийцам ничего не оставалось, как принять изменившиеся правила игры. Думается, к ним относился Бадаев. Однако данная проблема — тема отдельного исследования.

Определившиеся в среде высших представителей власти подходы к решению узловых политических проблем отчетливо выявились и в деятельности местных руководителей, а также рядовых работников партии, государства, кооперации. Противостояние ощущалось постоянно. Например, на VI Ленинградской общегород-

¹ Красная кооперация. 1925. 14 апреля.

² Речи о кооперации. С.106.

ской кооперативной конференции рабочих Буланкин доказывал: «Если частный рынок упразднить, тогда сами кооператоры не будут работать с такой энергией, как сейчас». Часть зала восприняла эти слова как призыв к переходу на сторону врага и негодовала. Председатель увещевал собравшихся: «Прошу спокойствия!»¹ Подчеркнем, что аудитория в основном состояла из коммунистов. Расколы в кооперации и в партии — явления однопорядковые.

Многие сотрудники потреббществ поднимали вопрос о запрещении размещения частных лавок вблизи кооперативных; требовали в административном порядке пресекать попытки частников делать лучшие, чем в кооперации, магазинные вывески. Рабочий завода «Красный летчик» в заметке, помещенной в газете «Красная кооперация» 9 апреля 1925 г., требовал «вооруженной силой закрыть частные лавки вокруг своего предприятия». Показательно, что указанная выше речь А. И. Рыкова, ориентированная на компромисс с частной торговлей, публиковалась той же газетой 14 апреля 1925 г.

В обществе шла борьба. В середине 1920-х гг. возобладала линия на раскрытие потенциала нэпа. В соответствии с рекомендациями Особой комиссии ВСНХ СССР, был осуществлен переход к так называемой «новой торговой политике».² Это выразилось, в том числе, в увеличении числа частных торговцев и предпринимателей в Ленинграде в 1925–1926 гг. Конкуренция их с кооперацией осуществлялась ежедневно и повсеместно, явно и подспудно. Если кооператоры, например, забывали о своевременной заготовке дров или мяса, цены на частном рынке незамедлительно подсказывали. Лидерами хлебопечения были заводы ЛСПО, тем паче пекари-частники старались работать лучше. На предприятиях Союза потребительских обществ выпекались огромные караваи весом в 5–10 кг, а потом в магазинах от них отрезали куски по требованию покупателей. Это было неудобно, и тогда в частных пекарнях — только на Петроградской стороне их насчитывалось до 400 — начали делать буханки малых форм, повысили качество. В городе продавалось до

¹ *Сарабьянов В.* Кооперация в системе советского хозяйства. С. 90; VI Общегородская кооперативная конференция. 13–14 июня 1924 г. Стенографический отчет. Л., 1925. С. 26, 30.

² Частный капитал в народном хозяйстве СССР. Материалы комиссии ВСНХ СССР. / Под общей ред. А. М. Гинзбурга. М.—Л., 1927. С. 7.

сотни сортов, видов, форм хлебопродуктов. У хозяек просто глаза разбегались.¹

Но частное предпринимательство ни в коей мере не стоит идеализировать. На Васильевском острове, к примеру, было полно грязных чайных частных владельцев. «Галантерейно» улыбаясь покупателям, торговцы сплошь и рядом надували их. «Придешь в частную лавку, — так там такое деликатное обращение, и раскланиваются, и расшаркиваются перед тобой, — рассказывали пайщики на собраниях. — Приказчик прямо лисой ходит за покупателем и всучит тухлую колбасу». Однако частные торговцы «подтягивались» при появлении солидного конкурента — кооперативного магазина, столовой. В итоге «частник» вынужденно перенимал у кооператоров льготные кредит и условия расчета с покупателями, улучшал ассортимент товаров и снижал цены. Случалось и обратное — частный магазинер заставлял кооператив торговать «по-европейски».²

Частный капитал был серьезным противником. В действовавших во второй половине 1920-х гг. «Правилах внутреннего распорядка в лавке рабочего потребительского общества» приказчикам и служащим вменялось в обязанность хранить молчание о положении дел кооператива и его торговых операциях, строго-настрого воспрещалось принимать комиссионные, угощения или подарки от поставщиков и контрагентов кооператива. Нарушение этого правила влекло за собой увольнение.³ Такая строгость не случайна. Кооперативы конкурировали с частниками, иногда с государственными магазинами или друг с другом. Коммерческие тайны строго охранялись.

Жизнь вынуждала кооператоров постоянно сравнивать работу свою и частного торговца. И они приходили зачастую к неутешительным выводам о том, что конкурент работает лучше. Тот же В. Сарабьянов недоумевал: «Мы, конечно, понимаем, что в частном заведении купец с членами своей семьи в торговле видит свою личную жизнь и от степени его старательности, способности и изворотливости прямо зависит его личное благосостояние. В кооперации же и в государственных торгорганах непосредственной и точно осу-

¹ Кооперативное строительство. 1927. № 7–8. С.23; ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 10. Д. 158. Л. 28; Диклер Б. Хлебопечение и его перспективы в Ленинграде. Л., 1927. С. 69; Красная кооперация 1925. 10 декабря.

² Красная кооперация. 1925. 17 декабря; Ленинградская правда. 1926. 3 марта.

³ Уставы, инструкции и положения по различным отраслям работы первичных потребительских кооперативов. Л., 1924. С. 76.

ществляемой связи между торговым процессом и служащим в торговле пока еще нет. Но не в такой же все таки степени (в 5, в 4 раза) действует личная заинтересованность!»¹

Под влиянием конкуренции с частным капиталом кооперативная мысль в годы нэпа двигалась в направлении от скептицизма по отношению к материальному интересу к его признанию. Ещё осенью 1922 г. общее собрание одного из небольших кооперативов Череповецкого уезда Севзапобласти постановило упразднить твердое жалование членам правления и поощрять их определенной долей прибыли. Без промедления это объявили чуждым торгашеским принципом; забыли, что контроль со стороны пайщиков выступал ограничителем роста доходов за счет повышения цен в лавке. К череповецкому опыту больше не возвращались — он был слишком радикальным для своего времени. Начался длительный спор о целесообразности и путях экономического стимулирования кооперативных работников. Наконец, XIII съезд РКП(б) (1924 г.) высказался в своей резолюции за их материальное «поощрение». Тогда повсеместно стали вводить премии как довесок к зарплате кооператоров и служащих кооплавок. К 1926 г. растраты и порча продуктов стали сокращаться.

С середины 1920-х гг. пайщиков поощряли к участию в работе кооперативов скидкой или премией в размере нескольких процентов от стоимости каждой покупки. Придумали специальные скидочные марки достоинством в 1, 3 и 5 коп. Рабочий, придя в магазин и взяв килограмм чайной колбасы, отдавал кассирше 98 коп. Потом он доставал из оттопыренного кармана толстую книжку и вырывал из неё 2 марки по 1 коп., которые переходили в те же руки. С этими книжками пайщики намучились. Запихнуть в кошелек или в бумажник их было невозможно, и все ходили одно время словно с булыжниками в карманах. В конце концов, перешли к другой системе — премиальной. Тут все было наоборот. В магазинах марками наделяли покупателей, в конце каждого квартала пересчитывалась сумма и выдавалась премия.²

¹ *Сарабьянов В.* Кооперация в системе советского хозяйства. С. 33.

² Петроградская кооперация. 1922. 4 ноября; Партия о кооперации. С. 119; *Алексеев И. М.* Премирование пайщиков потребительской кооперации. Л., 1926. С. 5, 7, 10; Отчет о деятельности правления и ревизионной комиссии рабоче-кооперативного объединения «Полюстрово». Л., 1926. С. 11.

Стимулирование пайщиков посредством марок, копеечных скидок было полумерой. Конкуренция с частником, как точнейший прибор, это зафиксировала. Не позволяло успокаиваться то, что по эффективности работы большинство потребкооперативов, в сравнении с частными предпринимателями, оставались аутсайдерами. В близкой перспективе в результате резкого увеличения налогов (в 1928 г. их размер начнет превышать половину доходов) частное предпринимательство будет свернуто. В соответствии с выводами упоминаемой выше Особой комиссии ВСНХ, уже в конце 1926 г. «новая торговая политика» сменилась «энергичной политикой вытеснения частного капитала».¹ Бывшие энпманы станут доказывать, что у них ничего не осталось. Некоторым удастся, сменив место жительства, смешаться с основной массой населения. Многие погибнут. Так решится проблема конкуренции.

Оживление на фоне спада

Во второй половине 1920-х гг. кооперация в духе времени и под влиянием ВКП(б) боролась за полное вытеснение частника из торгового оборота, а также за «режим экономии» в целях создания финансового фонда для грядущей индустриальной реконструкции. Особо отметим, что, в отличие от первых лет нэпа (время добровольных потребительных обществ), меры, призванные стимулировать активность кооператоров, носили в основном формально-организационный, кампанейский характер. Например, за каждой лавкой закреплялась лавкомиссия, избиравшаяся из пайщиков в числе 7 человек сроком на 3 месяца; предполагалось, что за это время они не успеют вступить в сговор с персоналом. Её члены обязывались брать на заметку нарушения правил внутреннего распорядка «работниками прилавка» (так называли тогда всех торговых служащих) и доводить информацию до сведения членов правлений. Показательно: создании лавочных комиссий осуществлялось по решению Ленинградского губкома партии.² Он стал целиком контролировать и направлять процесс кооперативных реорганизаций.

Повсеместно создавались коопбюро для контроля за своевременным поступлением паевых взносов и заслушивания докла-

¹ Частный капитал в народном хозяйстве СССР... С. 7.

² Воробьев-Набатов Н. Почему прогорают кооперативы. М., 1926. С. 58; Сборник материалов Ленинградского комитета РКП(б). 1924. Вып. 8. С. 56.

дов заведующих магазинами, лавками. Вместе с тем, с середины 1920-х гг. стали создавать ячейки содействия столовым, проводить кооперативные вечера жен рабочих, всюду в магазинах наприблизжали ящиков для жалоб.¹

Созданные во второй половине десятилетия многочисленные кооперативные органы начинали работать только в период кампаний. Временно прекращались растраты, переставали поступать жалобы пайщиков на грубость в лавках. Но вскоре все опять возвращалось «на круги своя». Формализм преобладал в работе бюро, комиссий. Поэтому постепенно главным становится стихийное вмешательство потребителей в дела кооплавок, столовых. К недостаткам кооперации пайщики нередко относились нетерпимее, чем — частных торговцев, ведь они отдавали свои трудно доставшиеся несколько рублей. Скажем, хлеб оказывался недоброкачественным, его «со скандалом» приносили назад, на место покупки. В таких случаях рабочие говорили, что нашли в булках автомобиль, намекая на покупку в 1926 г. правлением Ленинградского союза потребительских обществ ста грузовых машин «Рено». Доходило и до того, что, когда стали в конце 1920-х гг. случаться перебои с хлебом, кооператорам приходилось выбирать из своих лавок черным ходом — могли побить.²

Как представляется, в конечном счете, осуществление кооперативных начинаний на завершающем этапе нэпа преследовало новую цель — большевистскими темпами и методами готовить предпосылки для социалистической индустриальной реконструкции. Последняя уже на первых порах вызвала ускоренную инфляцию (крупные денежные эмиссии регулярно проводились с 1926 г.). Кооперативы же обязывались экономить и при этом снижать цены.

На апрельском (1926 г.) и февральском (1927 г.) пленумах ЦК партии был выработан ряд директив по одновременному уменьшению розничных цен и снижению себестоимости промышленной продукции. Установка ЦК конкретизировалась на пленумах Ленинградского обкома партии.³ Райкомы ВКП(б) и партийные ячейки

¹ Положения о коопбюро на предприятиях. Л., 1926. С. 5, 6; Уставы, инструкции и положения по различным отраслям работы первичных потребительских кооперативов. С. 60.

² *Сарабьянов В.* Основные проблемы нэпа. М.—Л., 1925. С. 95; XLI собрание уполномоченных Центросоюза. М., 1928. С. 221.

³ Партия о кооперации. С. 275, 278, 280; Кооперативное строительство. 1927. № 3—4. С. 3—13.

потребобществ взялись проводить директивы в жизнь. Сразу же в осуществлении принятых решений наметился перекося. Беда заключалась в том, что себестоимость промышленной продукции оставалась выше довоенной не менее чем в полтора раза. Между тем, развернувшаяся кампания затронула в основном кооперацию. Товары она вынуждена была продавать по сниженным ценам. Результат: крупные потери, убытки. В произвольном понижении розничных цен в условиях обострявшегося «товарного голода» некоторые экономисты видели одну из причин инфляции, увеличения денежной массы, не обеспеченной товарами.¹

С 1926 г. Ленинградскому союзу потребительских обществ регулярно спускались директивы о снижении цен. В кооперативах добивались заданного снижения цен, как взятия неприступных крепостей, штурмом, не обращая внимания на потери. Председатель правления кооператива «Красный Октябрь» Л. Эренпрайс рассказывал в январе 1927 г.: «Неприступная крепость — снижение цен — была взята штурмом. На некоторые продукты снижение доходило до 20%». ² В результате долги вырастали до огромных размеров. Вспомним, что в 1924 г. ленинградские кооперативы продавали товары по сильно сниженным ценам; но тогда речь шла о крупной разовой акции, осуществляемой в целях проведения денежной реформы. В целом же, незыблемым кооперативным принципом, выработанным еще в XIX в., являлась торговля по средним рыночным ценам. Нарушение правила вело к упадку кооперации.

По-прежнему было широко распространено мнение, что кооперативам, кроме прочего, мешают развиваться вредная конкуренция между ними; в том числе раздутый и дорогой — в силу недостаточности крупных масштабов работы — управленческий аппарат. Очередная масштабная кампания борьбы за централизацию управления кооперативами объяснялась необходимостью строгого соблюдения индустриализационного «режима экономии». С 1926–1927 гг. бюрократическое укрупнение стало распространяться к тому же на все виды кооперации, а не только на потребительскую.

Вопреки логике, сливались кооперативы, объединявшие ученых («Труд и знание», «Академический»), слушателей академий (медицинской, артиллерийской) и заводчан. В кооперативных лавках,

¹ Под знаменем коммунизма. 1926. № 9. С. 79.

² Кооперативное строительство. 1927. № 1–2. С. 48; № 12. С. 43.

расположенных рядом с предприятиями, начинали торговать балыком, копчеными колбасами. Рабочие требовали прекратить тратить деньги на «предметы роскоши», косо смотрели на профессорскую прислугу, заявляли: «Нам подавай хлеб, крупу, масло, мясо, селедку». Механическая нивелировка интересов разных социально-профессиональных групп не только не укрепляла единства членов кооперации, но обострила противоречия между ними.

Появилось несколько огромных объединений, располагавших многими десятками магазинов, столовых и насчитывавших 30–40 тыс. пайщиков и более. Отметим, что за пределами СССР в это время самыми крупными потреббществами являлись английские — в среднем около 2000 чел. в каждом, а французские объединяли лишь по 300 чел. Их опыт игнорировали. Каким же искренним было удивление укрупнителей, когда выяснилось, что аппарат кооперативного монстра оказывался не меньше, а больше, чем у множества его предшественников. Он-то и брал на себя все функции по управлению. Собрания уполномоченных превращались в многолюдные митинги, где невозможно было даже расслышать слова председателя правления, выступавшего с отчетом, а не то что конкретно решать хозяйственные вопросы. Пайщики совершенно перестали участвовать в работе своих потреббществ.¹ Без контроля снизу во многих местах снова распространились растраты, пьянство, халатность.

К 1927 г. доукрупнялись до того, что и члены правлений перестали ощущать себя хозяевами потребительских кооперативов, все решали недавно созданные президиумы. Вот как об этом высказался рабочий Шумов: «Собственно, для чего нам ходить на заседания правления? Утверждать планы да балансы... Много наговорим, а потом все таки голоснем за предложение президиума, внеся какое-нибудь пустяковое добавление, и дело в шляпе. Одно слово — голосующая машинка».²

Разрушение кооперативной традиции к 1928 г. явственно обнаруживается при сравнении стенографических отчетов Ленинградских общегородских кооперативных конференций. Возьмем отчет о работе VIII конференции. Она проходила в Смольном в июне 1926 г. Выступавшие сотрудники потреббществ и пайщики не сглаживали острых углов. Они обличали бюрократические по-

¹ Воробьев-Набатов Н. Почему прогорают кооперативы. С. 58; Сборник материалов Ленинградского комитета РКП(б). Вып. 8. С. 56.

² Кооперативное строительство. 1927. № 3–4. С. 46.

роки кооперативных органов — бумаготворчество, отрыв от масс, равнодушие к простому человеку. Указывали на огромные непроизводительные расходы. Выступая сразу после А. Е. Бадаева, рабочий завода «Красная Бавария», например, заявил: «Говорят, что у нас обширная торговля и уменьшить накладные расходы нельзя. В каждой столовой имеется контора, канцелярия, счетовод, буфетчик, кассирша, таллонщик — целый аппарат. Даже в пивной есть контора, а должен быть ответственный буфетчик. Рабочие говорят: “Товарищи, вы с нас берете деньги и ничего не даете, деньги не бережете, а копеечку нужно беречь”. О неповоротливости аппарата ЛСПО тогда рассуждали делегат конференции Полешук и другие.

Небольшое отступление: рядовые кооперативные работники интуитивно, но очень правильно наметили главный изъян складывавшейся партийно-государственной управленческой системы — её крайнюю неэффективность. Именно эта система в близкой перспективе возьмется за решение задач колоссальных масштабов. Потери при этом будут столь огромны, что их придется компенсировать за счет радикального, продолжительного снижения (а затем крайне слабо выраженного роста) уровня жизни людей; а также за счет массированного применения насилия.

У людей опускались руки, росло неверие в свои силы. Но они в 1926 г. ещё боролись. Следующая городская кооперативная конференция состоялась только через полтора года. «Критиканов» на неё уже не допустили. Перелистаем пожелтевшие страницы стенографического отчета. Как видим, делегаты лояльны по отношению к верхам кооперации, зачитывают заранее составленные тексты. Требуют лишь снизить цены и обеспечить ассортимент товаров, т. е. заботятся исключительно об интересах «шкурных» (вспомним выражение из лексикона того времени). Более того, многие настаивали на дальнейшей централизации кооперативной системы.¹

Как представляется, к концу 1928 г. одновременно со спадом общественной активности и самостоятельности пайщиков и сотрудников потреббществ постепенно осуществилось фактическое огосударствление ленинградской потреббительской кооперации. Пайщик отлучался целиком от участия в делах своего потреббительского объединения. В дальнейшем сохранялась квазикооперативная (марионеточная) структура.

¹ См.: VIII собрание уполномоченных ЛСПО. 8–9 июня 1926 г. Стенографический отчет. Л., 1926; IX Собрание уполномоченных ЛСПО. Стенографический отчет. Л., 1928.

«Младшая сестра потребкооперации»

Подробно рассмотрим механизмы деятельности и роль в жизни горожан жилищной кооперации в середине — во второй половине 1920-х гг. Тогда её стали именовать «младшей сестрой потребкооперации». Первым это название употребил ленинградский кооператор И. Гоникберг, имея в виду большую значимость при меньших масштабах распространения (в сравнении с потребительскими обществами).

В 1925 г. потребность в жилье в Ленинграде усилилась из-за роста численности населения. Сентябрьское 1924 г. наводнение нанесло ещё один тяжелый удар жилищно-коммунальному хозяйству. Вместе с тем, капиталы государства и частных предпринимателей были весьма ограниченными. Требовалось расширить кооперативные формы управления домами, а также активнее использовать силы и возможности самого населения в целях развертывания восстановления и строительства зданий.

Только в 1925 г. в Ленинграде было создано около 4000 жилищно-арендных кооперативных товариществ (жактов), объединивших представителей рабочих и интеллигенции. По нашим данным, ни в одном другом городе страны жактовское движение не получило столь широкого распространения как в Ленинграде. Те дома, в которых жакты не возникали — их удельный вес к 1927 г. составлял примерно треть — были переданы в аренду частным владельцам (например, Елисеевский магазин на пр. 25 Октября—Невском пр.), а чаще оставались за отделом коммунального хозяйства губисполкома.

Жакты, по примеру потребительских обществ и промысловых товариществ, стали присваивать себе названия. Почти все они окрестили себя в духе времени — «Красное знамя», «Пролетарий», «Трудовик». В городском жилсоюзе их регистрировали под номерами — «Красное знамя» № 1, № 2 и т. д. Один из жактов Петроградского района отличился — взял имя председателя Центрожилсоюза Юрия Ларина.¹

Ленинградский союз жилищной кооперации в середине 1920-х гг. располагался на улице Толмачева (Караванной), д. 12 в здании бывшего кинотеатра «Плендид-Палас». У него появился свой герб — изображение двух мускулистых рабочих рук, слив-

¹ Жилищное дело. 1925. № 22. С. 27.

шихся в крепком пожатии, на фоне жилых домов. В том же здании действовали созданные союзом курсы домовых работников, на которых управдомы в течение нескольких месяцев повышали квалификацию (численность слушателей достигала 180 чел.).¹

Организационная структура Ленинградского жилсоюза в середине — второй половине 1920-х гг. включала в себя отделы — снабжения, производственный и технический. Последний занимался организацией строительных работ, первый — оптовой закупкой материалов; а производственный налаживал изготовление изделий, необходимых для эксплуатации, ремонта и строительства домов. Используя предоставляемые Коммунальным банком ссуды, Жилсоюз арендовал два завода и производил кровельное железо, щеколды, дверные ручки, лаки, краски и другое. При кооперативном центре возникли артель кровельщиков, бюро трубопроводных работ.

Весьма кстати был образован кооператив трубочистов. В городе сложилась пожароопасная ситуация, особенно — в Московско-Нарвском районе. Пожарная дружина имени Луначарского (до Октябрьской революции — имени Петра Великого) отправлялась на место происшествия поздно, когда с каланчи был уже виден столб дыма или зарево. Следовало предотвратить причину несчастных случаев — засоренность печных труб ещё со времен гражданской войны. Член правления Жилсоюза М. И. Угольников убедил трубочистов создать артель. В неё вошли 283 трубочиста. За каждым из артельщиков закрепили несколько жактов.

Стали образовываться районные союзы жилищной кооперации. Володарский райсоюз возглавил А. С. Гирляндин (в прошлом руководитель бюро НОТ Киевской рабоче-крестьянской инспекции); председателем правления Василеостровского союза избрали бывшего строительного десятника и директора ремонтного завода А. И. Игнатьева.² Очевидцы вспоминают, что первый из них был порывист, его басистый голос слышался чуть не за версту, ходил всегда в гимнастерке, волосы стриг наголо. Второй, наоборот, отличался флегматичностью, размеренностью в мыслях и поступках, носил неизменный строгий костюм—тройку. Оба входили в состав правления городского Жилсоюза; разные характеры, темпераменты не мешали им находить общий язык.

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 2483. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

² Жилищное дело. 1927. № 10. С. 26, 27.

Общегородской и районные союзы жилищной кооперации содержались на деньги жактов: 20% суммы паевых взносов отчислялось в их общую кассу. За это союзы, кроме прочего, обеспечили возможность пользоваться льготными кредитами; только в 1925 г. их получили 1300 жилищно-арендных товариществ.¹

Процесс зарождения самодеятельного объединения жильцов, характер взаимоотношений кооператива с городским центром раскрывается в содержательном документе. Он обнаружен автором в фонде Государственного архива Российской Федерации (Москва) и представляет собой письмо жильцов дома №13 по Смольному проспекту г. Ленинграда, отправленное в конце 1924 г., в правление Жилсоюза. Приведем текст этого послания, сохраняя стиль и орфографию.

«Живущие в доме — исключительно рабочие фабрики имени Халтурина. Жили мы в этом доме несколько лет и весь дом пришел в негодность и все время жили и разрушали. И в настоящее время взялись исправлять свой запущенный дом. Средств у нас, рабочих, не было для поддержания нашего дома, как мы все рабочие. Взялись по силе возможности восстановить наш пролетарский дом. Собрали общее собрание всех жильцов, выбрали членов правления со свежими силами и хозяйственных людей, которые взялись за устройство пролетарского дома. И вот наше правление думало и гадало, что нужно делать с домом. И правление решило, чтобы не опустился наш дом». Далее авторы подробно рассказывали о противодействии кооперативному мероприятию со стороны части жильцов, воинствующее иждивенчество которых могло погубить начинание. Они продолжали: «Первое было собрание насчет ремонта крыши. Но собрание было сорвано. Было на общем собрании несколько человек крикунов, подрывателей хозяйственного дела и они говорили: “Куда нам дом, мы скорее уедем, пускай дом разваливается”. Но правление стояло на своем: во что бы то ни стало ремонт крыши надо сделать. Стали правленцы почаще ходить в жилищный союз и там нашли себе хорошую защитницу и вывела она из тупика». Затем рассказывалось о том, как Жилсоюз предоставил кредит на несколько месяцев, а жильцы собрали паевые взносы — 431 руб. «Крикуны, которые были на собрании, все притихли, — сообщалось в письме. — И на эти суммы мы смогли оборудовать перекры-

¹ ЛОГАВ. Ф. 3450. Оп. 1. Д. 189. Л. 2.

тие всей крыши. Теперь пролетарский наш дом не узнаешь, красуется хорошая крыша и водосточные трубы, и парапеты». Как видим, содействие кооперативного союза помогало правленцам (если они проявляли себя толковыми и волевыми организаторами) преодолеть сопротивление маргинальной части членов жактов. Концовка письма весьма символична: «Мы по первому зову станем передовыми строителями, в чем и подписуемся».¹

Организационно оформившись, жакты начинали решать главную задачу — пополнять кооперативную кассу. Она отчасти решалась путем сдачи в аренду свободных комнат и квартир. Однако основным денежным источником была квартирная плата. Сбирать её нередко оказывалось непростым делом. Существовала проблема «злостников», не отдававших кооперативу причитающихся денег. В частности, в журнале «Жилищное дело» председатель правления жакта дома № 3 по Большой Пушкарской улице рассказывал об одном из «злостников» — наборщике Михайлове: «Наборщик опытный, жалованье получает хорошее, водку пьет, а за квартиру платить не хочет». Интересно оправдание нарушителя. Он говорит: «Я бесплатно привык жить в рабоче-крестьянской республике и платить мне теперь никак не привыкнуть». Дела жильцов-«злостников» и «водку пьющих» — разбирались жактовскими комиссиями общественного порядка, на заседания которых они приглашались.² Между тем, увещевания редко помогали. Революция и «военный коммунизм» резко усилили иждивенческие настроения населения.

К успеху приводило обращение домово́й общественности в суд. Например, так об этом рассказывал жилец дома № 18 по Московскому проспекту Пастушков: «На кооперативный устав мы перешли в ноябре 1925 г. Можно сказать, что у нас после этого сразу же поднялась коллективная самодеятельность. Прежде домом управлял один домоуправ, теперь в полном смысле слова осуществляется коллективное управление домом. Все более или менее важные вопросы домового хозяйства решаются на общих собраниях. У нас нет неплательщиков. Был один, да и тот давно уже все суды переходил. Привели в полный порядок канализацию, прачечную, лестницы».³ Появление в советской действительности элементов демократического общества — прежде всего, нормальной судебной процедуры — по-

¹ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 8. Д. 1163. Л. 53, 54.

² Жилищное дело. 1926. № 6. С. 36; 1927. № 2. С. 16, 22; 1927. № 3. С. 45.

³ Там же. 1926. № 6. С. 36; 1927. № 4. С. 28.

зволюляло кооперативам в ряде случаев решать злободневные проблемы. Думается, у кооперации (и нэпа в целом) были перспективы.

Правлениям жактов предоставлялись немалые права. Но существовали и обязанности. Между тем, попытка возложить на них ответственность за расходование воды не привела к успеху, ибо водомеры в большинстве случаев оказывались сломанными. Зато с обязанностью следить за чистотой домов и дворов жакты чаще всего справлялись. Если жилищно-арендное товарищество было богатым, то нанимали дворника. Его функции строго определялись. Так, в зимнее время он обязывался убирать 50 квадратных саженей (1 кв.саж.=3,5 м²) мостовых и тротуаров, 80 кв.саж. двора, подмести 300 лестничных ступеней в день. Дворников высоко ценили и отличали. Среди них встречались герои труда, жакты торжественно отмечали «круглые» даты своих блюстителей чистоты. Но не каждое товарищество могло потратиться на найм дворника. В таком случае уборка лестниц, тротуаров, двора выполнялась по очереди жильцами.

Правления товариществ совместно с жильцами занимались ответственным делом — отоплением квартир и подъездов. В то время ленинградские дворы представляли неприглядное зрелище; были заполнены дровяными сарайчиками, просто поленицами. Постоянно возникали ссоры. Кто-то у кого-то крал топливо, а чаще кого-то подозревали в краже. Новые жильцы каждый раз начинали с борьбы за место для своего дровяного сарая. Кооператоры взялись за переустройство. Например, летом 1925 г. в доме № 50 по ул. Воинова (Шпалерной) четыре раза собирались члены жакта для обсуждения предложения правленцев о строительстве общего дровяника. Был большой шум, митинговали все. С четвёртой попытки удалось уговорить жильцов. Известно, что новый порядок прижился, и его стали перенимать другие жакты.¹

Из повседневной жизни выросло кооперирование лучших жактов в целях строительства «детских очагов», площадок, разбивки садов. Возникло первое квартальное объединение в составе 10 жактов, расположенных между ул. 3 июля (Садовой), каналом Грибоедова, Мучным пер. и ул. Дзержинского (Гороховой). Во главе его встал энтузиаст-кооператор Б. Харитонов. На ст. Лахта он и его товарищи даже организовали дом отдыха для детей жильцов.²

¹ Там же. 1926. № 3–4. С. 34, 35.

² Там же. 1927. № 6. С. 18.

Культурную миссию жилищной кооперации 1920-х гг. следует оценить высоко. Так, возникло более полутора сотен красных уголков. Они становились популярными местами проведения досуга жильцами. Потребность в культурном общении была очень велика; подавляющее большинство и не мечтало об отдельных квартирах, благоустройству которых посвящалось бы свободное время. В результате красные уголки не пустовали даже в «бедных» домах, хоть и размещались в полуподвалах. В «богатых» жактах под них отводили просторные помещения — чистые, светлые и уютные. Здесь ставили рояль или пианино, стол был застелен белой скатертью.

В красных уголках устраивали громкие чтения, организовывали различные кружки по интересам. Фурор производила установка членами какого-нибудь жакта радиоточки. Тогда начиналось паломничество жильцов из соседних домов. Радио только входило в жизнь. В середине десятилетия московские программы транслировались по телефону, а счастливых обладателей его в городе насчитывалось не так уж и много.¹

В красных уголках устраивались домовые библиотеки. Начало им клали пожертвования жильцов; солидные размеры они приобретали после того, как общие собрания принимали решения ассигновать часть паевых взносов на покупку книг. Один раз уполномоченный Жилсоюза поинтересовался, что читают в жактах. Оказалось — «безыдейных» (по меркам того времени) авторов: Дюма (отца и сына), П. Боборыкина, М. Арцыбашева и В. Соловьёва. Незамедлительно журнал «Жилищное дело» опубликовал список обязательной литературы. Там перечислялись стихотворные сборники Демьяна Бедного, книги марксистско-ленинской тематики. Особо отметим, что коммунистическая партия активно использовала жакты в целях усиления своего идеологического воздействия на население, в частности для формирования культа личности Ленина. Перед автором этой книги прошло множество фотографий красных уголков, и нет почти ни одной, где бы не был изображён бюст или большой портрет вождя.

Яркой страницей в истории ленинградской жилищной кооперации стало рабкоровское движение. Общественная активность жильцов проявилась в создании многочисленных «стенновок», их издавали не менее 200 жактов. Иногда они становились чем-то вроде

¹ Там же. № 2. С. 16, 22; № 3. С. 45.

органа домово́й оппозиции, вокруг них объединялись недовольные бездельниками-правленцами жильцы; зачастую публичная критика заставляла последних работать лучше или приводила к перемене власти в домах.

Лучшие стенновки демонстрировались на общегородских выставках, на которые представлялось до 60 и более газет. Материалы их носили деловой характер. Личную жизнь жильца или семьи было принято рассматривать в контексте коллективизации быта. Аполитизм сурово осуждался. Так, корреспондент под псевдонимом «Овод» писал в одном ленинградском журнале о первой городской выставке стенгазет: «Странное впечатление оставляет лишь “Голос семейки”», «орган граждан и гражданят семьи Новиковых, проживающих по Звенигородской улице, д. 24». С возмущением отзывался автор о «мещанских» заметках под названием «Уголок Галочки», «Кусочек уголка кота Барсика».¹

В 1927 г. в Ленинграде появились квартальные комитеты рабкоров. Корреспонденции, интересные для жителей нескольких домов, поступали в рабкоровский комитет. Получив здесь одобрение, они редактировались, размножались, рассылались во все стенгазеты квартала. Вот тут-то и всполошились райкомы ВКП(б). В квартальном движении они усмотрели попытку подменить функции партийных идеологических органов. Их позицию сформулировал печатный орган Жилсоюза «Жилищное дело»: «Обнаружилась тенденция к отрыву от партийного руководства со стороны членов редколлегий. Редколлегии стенгазет в жактах отказываются отчитываться перед коммунистическими фракциями домов, считая себя выше по политическому уровню». Дальше следовало выразительное замечание: «У отдельных рабкоров появилось стремление создать отдельную рабкоровскую партию».² Как представляется, создатели стенгазет проявляли явное недовольство определившимся к 1927 г. засильем партийных структур. Поэтому незамедлительно последовали чистки редколлегий, о квартальных комитетах больше не упоминалось. Появился стандартный макет стенгазеты; при этом перед вывешиванием газету следовало показать представителю соответствующего райкома ВКП(б).

¹ Там же. 1925. № 23–24. С. 31.

² Коротков М. Кооперация. Л., 1925. С. 92; Жилищное дело. 1927. № 20. С. 17.

1927 г. стал переломным в деятельности жилищно-арендной кооперации. В это время в основном завершилось организационное оформление партийных комитетов городского и районных жилсоюзов, наладили прочные связи с ними партячейки жактов. Эти организации ВКП(б) совместно принялись осуществлять чистку сотрудников домовых товариществ. Всеми силами они добивались, чтобы члены правления состояли из граждан пролетарского происхождения и с «подходящей» анкетой. Не однажды смещались руководители жактов, как не соответствовавшие по «социальному происхождению». По решению бюро коллектива ВКП(б) Ленинградского жилсоюза курсы домовых работников были реорганизованы и «насыщены слушателями — членами партии, комсомольцами, рабочими».¹ В итоге такой партийной кадровой политики уже в 1927 г. — констатировал журнал «Жилищное дело» — большинство председателей правлений жактов оказались людьми честными и политически благонадёжными, но нехозяйственными и, к тому же, безграмотными.²

Подчеркнём, что партийным организациям городского и районных жилищных союзов нелегко давались победы. Например, в 1927 г. Ленинградский жилсоюз на протяжении нескольких месяцев боролся с жактом д. 72 по проспекту 25 октября за смещение управдома и члена правления И. С. Медведева, много лет успешно справлявшегося со своими обязанностями и пользовавшегося безусловным авторитетом среди жильцов. Последние рассылали коллективные письма в его поддержку, собирали деньги для найма юристов. Партийное руководство Жилсоюза не могло добиться успеха. И только после того, как с его подачи была организована комплексная финансовая ревизия документов жакта, обнаружившая незначительное нарушение, Медведева удалось изгнать из правления. На его место «избрали» человека, рекомендованного партией.³

Таким образом, и в 1927 г. жилищная кооперация с переменным успехом вела борьбу за самостоятельность. Однако в перспективе она была обречена. Ей противостояла постоянно укреплявшаяся политическая система, которая включала в себя не только партийно-

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 2483. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

² Жилищное дело. 1927. № 6. С. 18.

³ Меерович М. Г. Рождение и смерть жилищной кооперации. Жилищная политика в СССР. 1924–1937 гг. Иркутск, 2004. С. 99, 100, 106, 107.

государственные структуры, но и сеть целиком контролируемых партией общественных организаций. Вот показательный факт. В фонде ленинградского архива хранится удостоверение Б. П. Купровича. Оказывается, в марте 1928 г. Северо-Западное бюро ЦК ВЛКСМ прикомандировало его «в распоряжение фракции РКП(б) Ленинградского Жилсоюза для работы в качестве представителя»; зарплату выплачивала кооперативная организация.¹ Накануне всеобъемлющей социалистической реконструкции происходила мобилизация сил.

Думается, жилищно-арендной кооперацией, энергично развивавшейся в середине 1920-х гг., были утрачены к 1928 г. стимулы к развитию самостоятельных начал в первую очередь под диктаторским воздействием партийных ячеек разных уровней.

Как обстояли дела в жилищно-строительной кооперации, олицетворявшей особое направление жилищно-кооперативного строительства? На первых порах представлялось, что она станет основным производителем красивых и удобных домов для рабочих; именно такая трактовка содержалась в решениях упоминавшегося Всесоюзного съезда жилтовариществ (декабрь 1923 г.). Довольно скоро иллюзии развеялись, и на ЖСК начали смотреть более трезво. В них увидели средство вовлечения населения в строительное дело в целях выработки у жильцов бережного отношения к создаваемому при их участии жилью. По словам руководителя Жилсоюза М. Угольников, исходили из того, что «дома, восстановленные и заселенные [без участия членов кооперативов — А. Д.], потребовали вновь ремонта; отношение населения превзошло ожидания, квартиры из новеньких превратились за год в непригодные запущенные помещения». Поэтому следовал вывод: «Порядок заселения теми, кто нуждается, без привлечения их к затратам оказывается непрактичным и сейчас пока что не выгоден, так как ведёт не к восстановлению, а лишь к дальнейшему разрушению жилого фонда».² ЖСК и призваны были «привлечь к затратам».

При Ленинградском жилсоюзе возникло бюро ЖСК. Его сотрудники подсчитали, что успех строительного дела возможен только при условии внесения каждым членом кооператива 600 руб. На практике паевой взнос мог составлять на порядок меньшую сумму. Тогда по ходатайству членов бюро для оказания финансовой помощи

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 2483. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

² Жилищное дело. 1926. № 18. С. 6; 1925. № 3. С. 6, 7, 9.

ЖСК при исполкоме Ленсовета был создан Ленинградский комитет содействия жилищной кооперации (Комсод). Его фонды образовывались из налога на жилплощадь, занимаемую «нетрудовыми элементами»; из отчислений от доходов аренды торгово-промышленных заведений; от прибылей государственных предприятий, для работников которых строилось жильё. Комсод предоставлял кредит кооперативам на 30, 35, 45 и даже 60 лет в зависимости от типа и качества строительства (деревянное — каменное; с удобствами — без удобств). На практике кредиты превратились в безвозвратные субсидии, ибо жилкооперативы в 1930-е гг. были упразднены.

По мере выяснения организационных и финансовых вопросов всё более шумными становились споры о том, каким должен быть (по словам одного из полемистов) «новый тип жилищ применительно к условиям нового социалистического быта».¹ Публицист А. Кожаный носился с проектами создания в ближайшие годы городов-садов, которые представлялись ему в виде комплексов тысяч двухэтажных домиков-коттеджей. Ему решительно возражали: население этих «райских уголков» превратится в мещан-обывателей, рабочие заведут домашнее хозяйство и перестанут заботиться о своём политическом росте. Появилась такая точка зрения: «Дым и копоть, выпускаемые из фабрик, не повредят здоровью рабочих, так как на высоте 12–15 этажей всегда будет свежий воздух и солнечный припёк. Только такие гигантские дома-коммуны нужно строить, только они выведут нас на путь нового быта». Наконец, третьи пели дифирамбы общежитию, где рабочий, будучи всегда на виду, в коллективе, быстро избавится от «индивидуалистических привычек». Были распространены анкеты среди ленинградских заводчан и получены интересные результаты. 20% анкетированных высказались за крупные общежития, 70% — за «дома с небольшим количеством квартир» и 10% — «за дом-особняк в 1–2 квартиры». Многие записали: «Только не общежития».²

Первым жилищно-строительным кооперативом в Ленинграде стал созданный в начале 1925 г. ЖСК Выборгского района «Первое мая», председателем которого избрали В. Флёрова. На общем собрании было резонно решено вместо нового строительства приступить к восстановлению старых заброшенных домов. Выбрали нежилой

¹ Коротков М. Указ. соч. С. 92; Жилищное дело. 1925. № 18. С. 32.

² Жилищное дело. 1925. №. С. 6, 7, 9.

дом. Направились в губернский отдел коммунального хозяйства (губоткомхоз) согласовывать арендный подряд, но там получили отказ. С этого времени начались хождения правленцев по инстанциям. В. Флёров подсчитал, что с апреля по сентябрь 1925 г. он и его помощники побывали и вели переговоры о договоре и ссуде в: райкомунотделе — 9 раз, тресте «Ленинградстрой» — 6, Коммунальном банке — 31, Губернском экономическом совещании — 1, управлении милиции — 1, Центральном комитете содействия жилищному строительству в Москве — 5, губоткомхозе — 64 раза, Ленинградском комсоде — 4, у старшего юрисконсульта губисполкома — 2, в земотделе — 3.¹

Советская бюрократия отличалась разветвлённостью, уже в то время достаточной для подавления инициативы граждан. Вместе с тем, В. Флёров добился своего. Он был известным в Ленинграде публицистом, вёл рубрику «Нужды рабочей кооперации» в журнале «Жилищное дело», и чиновники с ним не могли не считаться. В конце концов, договор арендного подряда и документы о выдаче ссуды удалось согласовать. Так возник прецедент. Следующим кооперативам было проще. Появились ЖСК «Красный трамвайщик», «Красный коняшинец», граждан греко-румынской национальности, несколько кооперативов железнодорожников, рабочих «Красного путловца» и пр.

Сферы деятельности распределились так: ЖСК приступили к работе по восстановлению зданий, а технический отдел Жилсоюза, о котором мы рассказывали выше, занялся сооружением новых. Строительной индустрии в стране не существовало. Поэтому ставка делалась на сезонных рабочих, прибывавших в Ленинград из деревень и объединявшихся в строительные артели (тоже своеобразная форма кооперации). Сезонников приезжало так много, что летом в городе невозможно было снять дешёвый угол. Артели конкурировали друг с другом, стараясь получить заказы от ЖСК или Жилсоюза. Правления поручали ответственную работу прорабам, внушавшим доверие.

Следует подчеркнуть, что вклад кооперации в новое жилищное строительство был важным, хотя и не главным. Так, в 1925 г. технический отдел Жилсоюза возвёл первые пять домов; в то же время губоткомхоз и Губернский совет профессиональных союзов (губпрофсовет) построили 31 дом. Совместными усилиями начали

¹ Там же. 1925. № 18. С. 32.

преображать облик площади у Нарвских ворот. Она имела унылый вид, была вымощена крупным булыжником, проезжавшие по ней телеги оглушительно грохотали; вокруг располагались деревянные, большей частью ветхие дома, заборы. На этом фоне очень внушительно выглядели первые признаки перемен. Очевидец в декабре 1925 г. писал: «Поражает... постройка у самых Нарвских ворот, на так называемом Крыловском участке. Здесь от улицы Стачек тянется вглубь участка целая улица новых домов, невиданных на этой захудалой в архитектурном отношении окраине. Все дома с широкими квадратными окнами, с балконами, сводчатыми входами». Жёны рабочих не могли нарадоваться своим новым жилищам. «Нравятся всем умывальники, — писал В. Флёров, — не жалуются и на ванные комнаты, которые в нужде можно приспособить под жильё».¹ Даже не очень просторные квартиры поражали рабочих, выехавших из подвалов, обилием света и воздуха; стенные шкафчики были предметом благоговения.

ЖСК восстановили свои первые дома к весне 1926 г. Здесь тоже привлекались артели. Однако и пайщики брали на себя часть работ по ремонту арендованных зданий и приведению в порядок близлежащих территорий — покраску стен, оклейку обоями, разбивку газонов, строительство детских площадок, прокладку дорожек. Большая ставка делалась на контроль членами ЖСК сезонников. Но первоначально они просто путались под ногами строителей, приставали с советами. Тогда на общих собраниях ЖСК стали избираться наблюдательные комиссии, их члены имели дело с прорабами, от которых получали необходимую информацию. Если возникал беспорядок на стройке, транжирились материалы, некачественно выполнялись работы, жилищно-строительный кооператив имел право расторгнуть договор с халтурившей артелью и выбрать подрядчика среди её конкурентов, а таковых оказывалось немало. Контролёры рабоче-крестьянской инспекции, изучив в 1927 г. работу ЖСК (ленинградских в том числе), пришли к единодушному выводу: жилкооперация строит лучше и дешевле по сравнению с другими застройщиками. Не менее важны и демократические методы распределения жилья. Реальное право голоса имели все члены общего собрания. Жильё предоставлялось в порядке очереди. О недовольных, обиженных документы не упоминают.

¹ Там же. 1925. № 23–24. С. 17; 1928. № 1. С. 3; № 5. С. 6.

Ленинградские ЖСК восстанавливали, реже — строили около 30 домов в год. Отремонтировали, к примеру, полуразрушенный «Порт-Артур». Это был большой и самый известный в городе ночлежный дом, принадлежавший до Октябрьской революции инженеру Кондрашину. Во время ночного налёта милиция очистила его от «тёмного элемента и проституток». С восстановлением справились довольно быстро. Один из поселившихся в доме рабочих рассказывал: «Мы наблюдаем чрезвычайно бережное отношение жильцов к своим квартирам, нигде не замечается вредительства помещения, везде целы и чисты обои, цела штукатурка, в образцовом порядке поддерживаются полы... Не наблюдалось ни драк, ни скандалов на территории дома». Члены жилищно-строительной кооперации учились бережно относиться к общественному добру.

В целом, жилищная кооперация 1920-х гг. стала средством самоорганизации некоторой части горожан, прежде всего, рабочих. Показательно, что в ходе анкетирования Жилсоюзом жителей Ленинграда на вопрос «Оправдалась ли кооперативная форма управления домами?» были получены только утвердительные ответы.¹

Промкооперация на пике и на закате нэпа

Во второй половине 1920-х гг. промысловые кооперативы производили немногим более 10% продаваемых на ленинградском рынке промышленных товаров для народа. Это было немало. И в то же время их деятельность не очень бросалась в глаза в силу не самых больших масштабов. Промкооперации были присущи значительное многообразие форм строительства, стимулов самостоятельности членов.

Действовавшая в 1925 — начале 1926 гг. в экономической политике тенденция поощрения негосударственного хозяйства нашла отражение и в работе промартелей и товариществ. В мае 1925 г. были уменьшены налоги на артели, арендная плата за мастерские, облегчался процесс приобретения патента на право торговли. Для ленинградской промысловой кооперации большое значение имело принятие президиумом Ленсовета 27 марта 1926 г. решения «поручить губэкозос рассмотреть заявку Производсоюза и изыскать возможность предоставления ему долгосрочного банковского кредита...

¹ Там же. 1928. № 1. С. 3; № 5. С. 6.

Вопросы о мероприятиях по укреплению кооперативных артелей и улучшению быта артелей передать на проработку губэкозо». ¹ Промысловые кооперативы ставились в такое же выгодное положение, как и государственные предприятия. Не случайно по уровню производительности труда к 1926 г. они сравнивались с последними, а нередко и превосходили их. Для налаживания механизированного производства большое значение имела государственная покровительственная политика, выразившаяся в предоставлении промысловым кооперативам самых льготных условий аренды бездействовавших фабрик и заводов. ²

В Ленинграде было учтено 350 крупных артелей (в том числе 50 инвалидных). В 1925 г. половину объединил Производсоюз. Численность остальных, так называемых «диких» — не включённых в систему городского кооперативного центра — уменьшалась, поскольку в связи с усугублением трудностей с сырьём и полуфабрикатами они вступали в Производсоюз.

Деятели Производсоюза умело использовали сложившуюся внутриполитическую конъюнктуру. Вот выразительный факт. В протоколе одного из заседаний «коммунистической фракции» союза (1925 г.) читаем: «Учитывая задания Комвнторга в смысле захвата кожного рынка кооперацией из частных рук, необходимо получить специальный кредит». Кто-то (скорее всего, председатель собрания и глава правления А. И. Плотников) в конце машинописного текста, усилив основную мысль, допечатал другим шрифтом: «В противном случае сапожники и кустари принуждены будут прибегать к услугам частных торговцев, подрывая госторговлю». Демонизация частного капитала подействовала. Общая сумма кредитов и ссуд в 1925 г. составила 2 млн. руб. ³ Между прочим, это обстоятельство ускорило процесс образования новых кооперативов и вступление их в Производсоюз.

Напомним, что Коммунистическая партия по решению апрельской (1925 г.) Всесоюзной конференции в очередной раз внесла коррективы в экономическую политику. В частности, были прове-

¹ Протоколы заседаний президиума Ленинградского Совета с 25.III.1926 по 5.III.1927. Л., Б.г.и. Протокол № 1. С. 1.

² Вестник промысловой кооперации. 1924. № 9. С. 23; Сборник материалов о промысловой кооперации и частной промышленности. М., 1930. С. 226; Кооперативное строительство. 1928. № 19–20. С. 24.

³ ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 6. Д. 7000. Л. 11.

дены в жизнь и мероприятия, поощрявшие образование и деятельность так называемых «простейших» кооперативов: в недавнем прошлом они осуждались как частнопредпринимательские структуры. Соответственно, в их поддержку и за выделение им кредитов стали высказываться правление Производсоюза и собрание уполномоченных ленинградских промкооперативов.¹ «Простейшими», чаще всего, именовались закупочно-сбытовые товарищества, члены которых трудились в своих мастерских, получая от правления материалы на дом и продавая готовую продукцию в кооперативном магазине. В Ленинграде образовалось два подобных крупных объединения — обувщиков «Промобувь» и трикотажников «Промкуст». Вот, например, история последнего. В функции кооператива входило обеспечение трикотажников пряжей. До сер. 1920-х гг. она закупалась за границей и стоила очень дорого, потому кустарное производство было малорентабельным. Товарищество же вместо пряжи стало приобретать шерсть, которая по договору с трестом «Ленинградтекстиль» перерабатывалась на его фабриках в пряжу. Усилилась заинтересованность кустарей в объединении. В 1925 г. в товариществе состояло 11 трикотажников, в середине 1926 г. — уже 600, а ещё через два года — 1300 из 2000 проживавших в Ленинграде и его окрестностях. «Промкуст» получал крупную прибыль, цены на его изделия постоянно снижались. Открылось несколько общих мастерских. Кооператив настолько окреп, что в 1927 г., когда начались перебои с бумажной пряжей, построил на Выборгской стороне бумагопрядильную фабрику, оснащённую новейшим оборудованием, на Васильевском острове — чулочную фабрику. Четверть необходимых для строительства денег собрали сами кооператоры и предоставили своему правлению в виде займа.²

Было сломано предубеждение против кредитно-промысловых товариществ, которые также относились к «простейшим». Объединения «Кустарь», «Труд», «Артелькредит», «Ремесленник» образовались в 1926–1927 гг. и стали известны как образцовые не только в Ленинграде, но и на Северо-Западе и даже в других областях. Тут мы встречаемся с упоминавшимся в первой части книги А. Н. Степанюком, который после ухода с поста в Ленинградском обществе ремесленников стал организатором самого крупного го-

¹ ЦГА СПб. Ф. 1938. Оп. 1. Д. 1151. Л. 14об, 115, 126, 133; ЛОГАВ. Ф. 2578. Оп. 2. Д. 27. Л. 90, 105.

² Кооперативная жизнь. 1926. 17 сентября; 1927. 19 апреля; 1929. 19 апреля.

родского кредитного кооператива «Кустарь» и возглавил его наблюдательный совет. На учредительном собрании в устав внесли формулировку: «членами могут быть только ремесленники, не эксплуатирующие наёмного труда». Собрали взносы, паевой капитал составил 40 тыс. руб. Товарищество действовало на свой страх и риск. Поэтому при приёме каждого нового члена обследовали его хозяйство, убеждались в имущественной состоятельности неопита. Крупные ссуды выдавались только под поручительство и материальное обеспечение.

Поводя итоги работы торгово-закупочных и кредитных товариществ в своём выступлении на заседании торгово-кооперативной секции Ленсовета 28 октября 1927 г. председатель правления Производсоюза И. М. Иванов справедливо отмечал: «Много помогло применение простейших форм кооперирования. Когда мы применили эти формы, оставляя кустарей работать на дому и организуя сбытовые товарищества, цель которых — снабжение кустарей необходимым сырьём, когда мы стали применять кредитно-промысловые товарищества, оставляя кустарей работать на собственной квартире, тогда кооперация стала усиливаться. Кустарь оставался работать у себя дома, передавал товариществу сбыт своей продукции и получал соответствующее сырьё». Показательно, что только в 1926–1927 гг. численность членов артелей и товариществ Ленинградского производсоюза выросла в 5 раз — до 10 тыс. чел.¹

Между тем ведущие позиции в кооперативном производстве занимали артели. Из десятков артелей стал составляться сыгранный кооперативный оркестр. Главные партии в нём исполняли «Юпитер», «Пролетарий», «Согласие» и другие из так называемой «металлической и кожевенной группы». Эта «группа» производила самую ходовую продукцию. Вместе с тем, спросом на рынке пользовались и изделия других артелей, например, «Техно-механики», в которой изготавливалось учебное и лабораторное оборудование. Назовём ещё несколько крупных и популярных в Ленинграде кооперативов. Артель «Три апельсина» открыла столовую. «Шнур» вырабатывал верёвки, «Утюг» — красил ткани. Появилось «товарищество по изготовлению кушаний и отпуску их» под названием «Вкус». Подходило к концу строительство ГЭС на Волхове, и освободившиеся

¹ ЦГА СПб. Ф. 1938. Оп. 1. Д. 1151. Л. 157; Кооперативное строительство. 1927. № 22. С. 40; 1928. № 4. С. 49; № 5–6. С. 63; № 12. С. 44, 45; № 19–20. С. 24.

рабочие создали артель взрывников «Горняк», которая работала по договорам с государственными учреждениями и трестами.¹

Ленинградским промкооперативам стали доверять самые ответственные работы — в частности, по ремонту Адмиралтейской иглы. Кооператив «Мрамор-гранит» принял участие в отделке постаментов для памятника В. И. Ленину у Финляндского вокзала. Артель «Объединённый швейник» делала по заказу Севзапкино костюмы для съёмок. Очень успешно работали артели по производству мебели. В магазинах Произвосюза «шведские» письменные столы стоили 12 червонцев, а Древлтрест продавал их за 22; продавали дешевле, зато было обеспечено место на рынке, не грозило затоваривание.

В кооперативы за большими деньгами шли редко — как правило, они их дать не могли. Шли за работой, искали защиты от разорения, произвола магазинера и фининспектора; привлекали предоставленные кооперативам государством льготы. Заработок кооператора определялся общим собранием после того, как производились определённые (немалые) отчисления в производственные фонды. Он зависел от успехов коллектива. Вот несколько показательных цифр. Средняя месячная зарплата ленинградских артельщиков в середине десятилетия равнялась 80 руб. (при выработке в 204 руб.) для сравнения, рабочие и служащие государственной промышленности зарабатывали в среднем около 75 руб.² Учтём при этом, что в кооперативах рабочий день почти всегда превышал 8 часов, насчитывалось значительно меньше управленцев. Вступить в крепкую, «здоровую» артель было очень трудно. Требовалась рекомендация, а то и не одна. В заявлении писали: «Прошу принять на работу по рекомендации...», иногда особо подчёркивали для убедительности: «работать буду без отказа».³ На общих собраниях в уставы стали вносить положения о «кандидатах». Продолжительность кандидатского стажа в производственных артелях равнялась одному месяцу. Придумали и оригинальную форму испытания — пробный заказ, своего рода, шедевр средневекового мастера. Срок исполнения не должен был превышать 6 недель.

¹ Кооперативное строительство. 1928. № 1. С. 26.

² Красная кооперация. 1925. 3 декабря; Вестник промысловой кооперации. 1926. № 19. С. 38; 1927. № 2. С. 13.

³ ЛОГАВ. Ф. 123. Оп. 2. Д. 744. Л. 451; Ф. 9520. Оп. 2. Д. 1246. Л. 35.

Центральное место во внутренней жизни крепких кооперативов занимало общее собрание. В тоненькой книжечке — «Уставе промысловой кооперативной артели (товарищества)» — читаем, например, такое: «Внутренний порядок производства всех работ как в общих мастерских, так и на дому у членов артели определяет общее собрание. В случае неисполнения членами артели переданной им работы или просрочки в исполнении её, неисправный член отвечает перед артелью за все последующие для артели убытки. Порядок расчёта с членами артели или расценка их труда, отпускаемых им сырых материалов и принимаемых готовых изделий устанавливается общим собранием членов артели или особой комиссией, избираемой общим собранием».¹

Важную роль играло установление справедливых и рациональных взаимоотношений между руководством, лидером и коллективом. Члены общего собрания формировали правление, причём в большинстве случаев старались ввести в него самых толковых артельщиков. Ценились, прежде всего, опыт, знания, квалификация. Поэтому среди правленцев оказывались люди с ремесленным стажем в 20 и даже 40 лет. Стаж члена правления «Трудпортартели» Михаила Владера составлял 42 года, а ему не было ещё и 60. Приобретённый с годами высокий профессионализм создавал руководителем авторитет в коллективе.

Деловые, дружественные отношения установились между председателем, правленцами и рядовыми членами артели «Химик». Артельщики не делились на «белую» и «чёрную» кость; кооперативные начала несовместимы с появлением «внутренней аристократии». К тому же в «Химике» были созданы отличные (на общем неблагоприятном фоне) условия труда. В 1925 г. кооператив, насчитывавший несколько десятков человек, арендовал у Промбюро маленькую фабрику, которая представляла собой просторное и светлое помещение со станками и динамо-машинами.

Вместе с тем, товарищества «Коопстрой» и «Красный портной» влачили жалкое существование. О положении дел в первом очевидец говорил: «члены артели видят до сих пор в правлении хозяина». Наоборот, в «Красном портном» правление стало игрушкой общего

¹ Там же. Ф. 2578. Оп. 2. Д. 22. Л. 88, 89, 96, 99; Ф. 2590. Оп. 2. Д. 1212. Л. 84; Картужанский Л. И., Ямайкер М. Н. Кустарь и артельщик. Л., 1928. С. 67; Кооперативное строительство. 1927. № 16. С. 21.

собрания. Его состав менялся каждые два месяца после очередного переворота — победы той или иной группы швейников.¹

В ряде артелей заправляли босяки, маргиналы. Например, в товариществе «Быстроход», образовавшемся в 1925 г. и объединившем 40 рабочих, установились, по словам инструктора Производсоюза Н. Вронского, такие порядки: «Прогулы, пьянство достигли огромных размеров. Некоторые из квалифицированных рабочих по несколько дней не выходили на работу. Бывали случаи, когда правление посылало делегацию на квартиру к загулявшему члену с просьбой хоть на денек выйти на работу... Машины не работали, около них сидели рабочие и вручную шили обувь». В другой артели — «Красный мебельщик» — мастерская была превращена в ночлежку и трактир; там весело проводили время почти все члены артели. «Красный мебельщик» прогорел, и его ликвидировали. В «Быстроходе» под давлением Производсоюза правление было переизбрано, и кооператив продолжал действовать, арендуя расположенное рядом со «Скороходом» и принадлежавшее частному владельцу Евтишкину небольшое обувное предприятие. Примечательно, что в конце 1920-х гг. в русле курса на обострение классово-вой борьбы правленцев объявили агентами Евтишкина и вредителями, сознательно дезорганизовавшими производство.²

Как видим, оборотной стороной кооперативной деятельности иногда становились безвластие и анархия. Они усугублялись в случаях, когда коллективы оказывались не в состоянии выдвинуть из своей среды лидеров — организаторов.

В устойчивых кооперативах организация целиком подчинялась интересам дела. Всё лишнее отметалось. Вот, например, с какими порядками в упоминавшемся кооперативе «Химик» встретился в конце 1925 г. начинающий инструктор Ленинградского губпрофсовета Зарубкин. Его записи интересны тем, что принадлежат человеку не очень благожелательно настроенному к кооперации ремесленников. Он был послан обследовать коллектив. Явившись на фабрику артели, Зарубкин привычно направился в профсоюзный комитет. Но такового не оказалось. Не предоставили ему и правила

¹ Устав промысловой кооперативной артели (товарищества). В кн.: Законы о промысловой кооперации. М., 1925. С. 208, 209; Красная кооперация. 1925. 28 марта; 1926. 11 февраля.

² Кооперативное строительство. 1926. № 15. С. 49, 50; 1928. № 12. С. 36.

внутреннего распорядка. «Все отсутствует, — занёс он вечером в записную книжку. — Никаких отчислений не платят в общественные организации, политические и профессиональные». Потом эта фраза перекочевала в официальный отчет. Явившись на следующий день, следователь попал на общее собрание. Свои впечатления он выразил так: «Собрание они собирают как у нас производственный кружок, вырабатывают определенную калькуляцию правления, какой нужен ремонт или покупка станка. В разрешении принимают все члены. Не сказал бы, что они сами по себе хозяева, а старшие члены артели их подгоняют». В проявлении общественной активности Зарубкин увидел признаки анархии и возмутился. Он был типичным представителем сформировавшейся в послереволюционный период многочисленной плеяды активистов и выступал за жесткую дисциплину. Поэтому сурово рекомендовал «бросить туда [в кооператив — А. Д.] политико-просветительную и профессиональную работу».¹

Между тем, в очень многих товариществах трудовая дисциплина была крепкой, осознанной. Сохранились бланки анкет Высшего совета народного хозяйства. Их разослали в артели тогда же, в конце 1925 г. Среди прочих стоял и вопрос о мерах по укреплению трудовой дисциплины. В соответствующей графе кооператоры, например, писали: «Трудовая дисциплина держится на сознательности членов». Либо же анкетлируемые ставили прочерк (то есть специальных мер не применялось за ненадобностью). Артельщики, в частности, договаривались, что случаи пьянства будут расследоваться на общих собраниях; в первый раз оно снизит наполовину зарплату, во второй уволит.²

Ещё один немаловажный штрих. Лишь половина кооперативов подыскала благоустроенные помещения, другая располагалась в тесных и душных комнатах. Но даже не это было болью кооператоров. В середине десятилетия их жалобы слились в общий стон — вопрос «Как достать производственное оборудование?» В отдельных случаях Производсоюзу удавалось договориться с дирекциями трестов о покупке неликвидных станков. В итоге, например, артели «Промбум» и «Красный чулочник» были оснащены импортными — хотя и не новыми — бумагорезательными и галстучными машинами.

¹ ЛОГАВ. Ф. 2578. Оп. 2. Д. 140. Л. 22.

² ЦГА СПб. Ф. 1938. Оп. 1. Д. 1155. Л. 98об; ЛОГАВ. Ф. 123. Оп. 2. Д. 744. Л. 451; Ф. 9520. Оп. 2. Д. 1246. Л. 35.

Попытку модернизировать производство предпринял крупный кооператив «Игрушка». Его члены вступили в переговоры с одной финской фирмой о поставке механических станков. Пришлось несколько раз съездить в Москву, в Наркомат внешней торговли (НКВТ) для получения разрешения на прибытие в СССР представителя фирмы г-на Марокке. Наконец, он приехал и дал консультацию. Однако о цене договориться не удалось. Представитель финской стороны ни с чем отбыл домой, ибо наличных денег у кооператива не оказалось. А обсуждение соглашений о кредите, об отсрочке платежей, о долговых обязательствах теряло смысл.¹ Дело в том, что вмешательство НКВТ в роли посредника сделало бы процесс выяснения финансовых отношений чрезвычайно долгим, а станки более дорогими. Думается, установление монополии внешней торговли в целом уменьшило в годы нэпа шансы осуществления технической модернизации.

Следует иметь в виду, что оборудования для изготовления детских игрушек в стране не имелось. Соответствующее производственное направление отсутствовало. В гораздо более благоприятном положении оказались кооперативы, занятые в других отраслях; на худой конец, оставались запасы с дореволюционного времени. При условии льготного кредитования и технического оснащения мастерские артелей со временем расширялись и начинали представлять собой средние механизированные предприятия.² Так было с кооперативами «Металл», «Юпитер», «Футлярщик», «Пролетарий», «Кюбид», «Мундировщик», «Красный инструментальщик», «Портной», «Промкуст», «Примус». На них работало по 100–200 чел. Оборудование, станки кооператива «Металл» едва размещались в трехэтажном доме. Инструментальный завод арендовал «Красный инструментальщик», литейный — «Примус» (конкурент «Юпитера»). На многих кооперативных предприятиях внедрялась прогрессивная поточная система. Иногда механизированные артели успешно и к всеобщей выгоде взаимодействовали с крупным производством, дополняли его, освобождали от второстепенных забот. «Металл», например, получал латунную ленту с «Красного выборжца» и отправлял фурнитуру фабрике «Пролетарский труд».

¹ ЦГА СПб. Ф. 1938. Оп. 1. Д. 1155. Л. 27, 29об.

² Вестник промысловой кооперации. 1924. № 9. С. 23; Сборник материалов о промысловой кооперации и частной промышленности. С. 226; Кооперативное строительство. 1928. № 19–20. С. 24.

Определилась закономерная тенденция усиления на кооперативных заводах единоначалия при сохранении выборности правлений и требовательно настроенных общих собраний. Известны случаи, когда при возникновении финансовых затруднений общие собрания сознательно шли на лишения, снижая зарплату и увеличивая рабочий день.

Формированию кооперативных кадров, способных работать в условиях четкого заводского ритма, содействовала система материального стимулирования. Заработок тружеников кооперативных механизированных предприятий был немаленьким — около 100 руб. в месяц (как у рабочих «Красного Путиловца»), хотя встречались исключения — в «Футляршике» зарабатывали по 150–180 руб. Открывались хорошие артельные столовые, библиотеки. Артельщики были застрахованы в отделе взаимопомощи Производсоюза, пользовались бесплатной медицинской помощью, пособиями по болезни, в отдельных случаях получали пенсии.¹ Одним словом, кооператоры ощущали свою социальную защищенность и, главное, понимали, что она — творение их рук, гордились этим.

Исследованию механизма деятельности промысловых кооперативов в частности поможет изучение организации дела в крупнейшем товариществе «Юпитер», образовавшемся в самом конце 1924 г. Его возглавлял Ф. А. Пожаров — бывший председатель правления Производсоюза. После избрания на этот пост А. И. Плотникова Федор Арсеньевич, хорошо разбиравшийся в рыночной конъюнктуре, выступил с идеей создания коллектива по производству примусов и керосиновых горелок. Он исходил вот из чего. В 1920-е гг. обычным стало проживание в «коммуналках» — квартирах на множество семей с длинными коридорами и заставленными шипящими примусами кухнями. В то же время хозяйке не так-то просто было достать дешевый и качественный примус. В середине десятилетия их выпускали только несколько частных мастерских; крупнейшие принадлежали предпринимателям Володину и Хорбергу. Примусы также ввозились из-за границы, однако из-за дороговизны их покупали редко. При этом после нескольких взрывов на кухнях доверие к горелкам Володи-на и Хорберга резко упало.

¹ Кооперативная жизнь. 1929. 19 апреля; Кооперативное строительство. 1926. № 15. С. 50; 1928. № 3. С. 58, 59; № 12. С. 39, 40; № 15. С. 67.

Федор Арсеньевич начал подыскивать опытных мастеров — металлостов. В прошлом он был знаком со многими из них. Свой трудовой путь Пожаров начинал подростком, приехав из деревни, на Металлическом заводе. Здесь он проработал много лет, прежде чем стать в 1917 г. инструктором Петросоюза (центра петроградских потребительских обществ). Разузнав, что некоторые из его старых друзей — опытных слесарей и штамповщиков — временно остались без работы, он убедил их совместно организовать кооператив по производству примусов и горелок. Среди членов — учредителей оказались А. Чекмарев, А. И. Чулков, И. М. Орлов и др. Среди них выделялся И. М. Орлов — специалист высочайшей квалификации, трудившийся на петербургских металлообрабатывающих предприятиях с 1888 г.¹ Без него артель никак не могла обойтись.

Собрали паевые взносы. На общем собрании установили пятикратную ответственность; это означало, что в случае краха кооператива его члены обязывались компенсировать кредиторам пятикратную стоимость паевых взносов. Взяли кредит. Арендовали помещение под мастерскую у одного жилтоварищества, а также 6 прессов у отдела коммунального хозяйства губисполкома. Началась работа. В первые месяцы металлисты перебивались с хлеба на воду. Из мастерской не уходили по 12–14 часов, нередко оставались ночевать. Наконец, удалось изготовить штамп. Однако ночью кто-то, разбив окно, пробрался в мастерскую и сломал его, не взяв ничего из имущества. Подозревали конкурента Володина, но доказательств не было. Через 2 месяца штамп восстановили и приступили к изготовлению горелок и примусов.

«Юпитер» продавал изделия дешевле частных производителей: по 1 руб. 45 коп. вместо 2 руб. Кооператив постоянно расширялся, появлялись новые работники, увеличивался объем производства, отовсюду поступали заказы (например, из Баку). Вместо маленькой мастерской арендовали небольшое предприятие, потом — ещё и механический завод в г. Троцке (Гатчина). Рабочие придумали нововведение, позволившее экономить металл, и сберегли десятки килограммов латуни. Е. Д. Максимов, изучавший в октябре 1925 г. организацию дела в артели, полагал, что именно кооперативные принципы — гласность, выборность, справедливое распределение прибылей — содействовали успеху в работе. «Лучший пример здо-

¹ ЛОГАВ. Ф. 3959. Оп. 13. Д. 1389. Л. 8, 12, 18.

рового крепкого производственного кооператива, победившего все трудности, стоящие на пути его развития», — заявил «творец русской теории промкооперации».¹

Люди в «Юпитере» трудились не более 9 часов в день; кроме летних месяцев, когда надо было работать за отпускников. Ежедневно выдавался бесплатный завтрак. Построили Дом отдыха, общежитие в г. Троцке. Раз в месяц все члены «Юпитера» отправлялись в Троцк. С музыкой, песнями, развернутыми знаменами шли они по улицам города. Собравшись в доме культуры, проводили общее собрание. Вся эта церемония спланировала коллектив, рождалась традиция.

Между тем, процветание артели обеспечило не только следование кооперативным принципам. В условиях упрочения партийной диктатуры, авторитарного режима в середине второй половине 1920-х гг. кооперативы стремились сблизиться с представителями властных структур, найти у них защиту. «Юпитеру» это удалось. На одном из общих собраний кооператоры избрали всесоюзного старосту М. И. Калинина почетным членом своего коллектива. Оказалось, что в 1916 г., находясь на нелегальном положении и проживая в Петрограде по чужому паспорту, Михаил Иванович ни на один завод поступить не мог и несколько месяцев работал в «Первой трудовой артели слесарей-механиков». В «Юпитере» трудились некоторые механики из этого коллектива. Они-то и предложили избрать председателя ЦИК СССР почетным членом. Пожаров написал Калинин. Тот дал согласие, обязался подчиняться уставу и, что очень важно, принял на себя ответственность по обязательствам и убыткам артели. Тогда юпитерцы избрали своим почетным членом еще и представителя советского внешнеторгового ведомства в Швеции Воробьева. После этого кооператоры сразу получили кредит на очень выгодных условиях и, избежав проволочек со стороны Наркомвнешторга, быстро осуществили операцию по закупке импортного оборудования.² Яркий пример того, как группе кооператоров оригинальным способом удалось приспособиться к отличавшейся косностью монополии внешней торговли.

¹ Кооперативное строительство. 1926. № 10. С. 53; Красная кооперация. 1925. 17 октября.

² ЛОГАВ. Ф. 3959. Оп. 13. Д. 1389. Л. 219; Кооперативное строительство. 1926. № 10. С. 51.

Однако противостоять произволу власти оказалось не под силу и «Юпитеру». В 1927 г. развернулась кампания по изживанию безработицы путем распределения людей, зарегистрированных на бирже труда, по отдельным предприятиям, учреждениям и кооперативам. Новый председатель Производсоюза И. М. Иванов (он же и руководитель парторганизации союза), невзлюбивший успешного и непокорного Пожарова, направил в «Юпитер» множество безработных. Новые люди не дорожили легко доставшимся рабочим местом. Они даже не вносили паев, за них это делал Производсоюз. Общее собрание утрачивало свои функции. Среди артельщиков появились пьяницы. Начались ссоры, конфликты, скандалы. Кооператив стал убыточным предприятием. Вмешалось правление Производсоюза, добилось изгнания прежнего руководства и выделило ссуду. По существу, «Юпитер» стал государственным предприятием, подчиненным городскому кооперативному центру, который сам после 1927 г., по причине огромной кредитной задолженности и возрастания влияния собственной партийной организации, стал представлять огосударвленную структуру.

Отметим важное обстоятельство. Роль Производсоюза в деятельности кооперативов в середине-второй половине 1920-х гг. постоянно возрастала. Вместе с тем, отношения городского центра и производственных товариществ начали основываться на новых принципах. Действия правления союза всё больше определялись его «коммунистической фракцией». В свою очередь, союзная партийная организация стремилась навязать свою волю товариществам. Однако успех ей сопутствовал пока ещё только в тех кооперативах, в которых по разным причинам нарушалось взаимопонимание между правлениями и рядовыми членами; соответственно, дела в них шли хуже, трудовая дисциплина ослабевала, и заправлять начинали артельные партийные ячейки. Наоборот, успешно работавшие и дружные кооперативные коллективы находили возможность противостоять партийному диктату.

Приведем факты. В 1925 г. «коммунистическая фракция» Производсоюза обвинила руководителя в тот период процветавшего «Юпитера» Ф. А. Пожарова и его заместителя (меньшевика в далеком прошлом) П. Я. Голикова в сближении с частными предпринимателями и в «антибольшевистской линии». Однако трудовой коллектив отказался переизбрать их. Между прочим в то же самое время из-за халатности правленцев производсоюза, слепо доверив-

ших векселя некоему спекулянту Копелянскому, была допущена крупная растрата общественных денег.¹

В следующем году «коммунистическая фракция» безуспешно пыталась навязать артели «Химпро» в качестве члена правления своего представителя — коммуниста Лукашина; его «прокатали» на общем собрании. Далее. Коллектив артели «Древодтруд» отослал назад члена ВКП(б), избрания которого в состав правления товарищества добивалась парторганизация Производсоюза.²

А вот факты противоположного свойства. «Коммунистическая фракция» настояла на введении члена партии Молькова в правления отстававших артелей «Техноволокно» и «Ревтрудартель» с тем, чтобы «поднять кооперативное сознание артельщиков и хозяйственную мощь артели». Командированные коммунисты занимали руководящие должности в 1927 г. в товариществах «Мешок», «Примгильза» и «Аргус».³

Как представляется, «коммунистическим фракциям» городского и районных кооперативных союзов удавалось последовательно умирять строптивые товарищества (так обстояло, например, дело с «Юпитером»), подчиняя их партийному влиянию. В конечном счете Производсоюз свел свою роль к исполнению партийно-государственных директив и распределению кредитов. В 1928 г. его деятели в целях повышения своего авторитета в партийных кругах затеяли устройство промыслового кооператива вышивальщиц в Новгородском округе Ленинградской области. Построили ясли для детей мастериц, попытались развернуть торговлю кружевными изделиями в Ленинграде.⁴ Дорогая акция окончательно втянула их в неоплатные долги.

В это время Советское государство переходило к сверхиндустриализации и отказалось от кооперативной покровительственной политики. Сокращалось материальное снабжение кооперативов, росли цены на сырье и оборудование, резко ограничивалось кредитование Производсоюза. В результате до 95% оборотных средств последнего составляли заемные деньги. Безнадежный должник стал полностью зависим от местных органов власти, в

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 6. Д. 7000. Л. 6, 10об.

² Там же. Л. 18об.

³ Там же. Л. 10об.

⁴ Артельное дело. 1923. № 9–16. С. 5; Кооперативное строительство. 1929. № 8. С. 34, 35.

силах которых было допустить или предотвратить крах. В итоге завершилось фактическое огосударствление отдельных кооперативов и их союзов.

Выше мы рассмотрели одно из направлений эволюции городской производственной кооперации. В данном случае кустари трудились чаще всего сообща в крупных мастерских («простейшие» товарищества рассматривались как временные). Решающим условием успешной работы стало наличие долгосрочного и дешевого кредита, ибо оборот капитала был длительным и включал в себя стадии получения сырья, переработки его, реализации продукции. Между тем, Производсоюз получал кредиты в том числе под своего рода гарантии политического характера. Имеются в виду обязательства по включению кооперативной организации в систему партийной диктатуры.

Особое направление кооперативного строительства в середине — второй половине 1920-х гг. воплотилось в деятельности Ленинградского общества кустарей-одиночек всех профессий. Как упоминалось, оно объединяло значительную часть ремесленников, не использовавших чужого труда и не желавших терять хозяйственной самостоятельности. Создание кустарями своих профессионально-общественных организаций стало результатом осознания ими групповых интересов, которые необходимо было отстаивать в специфических условиях нэпа.

Упор в работе Ленинградского общества кустарей-одиночек был сделан на решении хозяйственных задач. Прежде всего, в конце 1925 г. правленцы сумели наладить работу кредитного товарищества «Кустарь»; его члены получали дешевый денежный кредит — небольшой (в размере 25–30 руб.), но достаточный для выполнения очередных заказов кустарями-одиночками.¹ Кроме того, руководство общества поставило перед ремесленниками, не вступившими в производственные кооперативы, близкую и понятную цель — снижение налогов.

В состав организации входило до 5 тыс. чел. Они избирали делегатский совет, который формировал правление и президиум. Вступительный взнос составлял 1,5 руб., а ежемесячные членские взносы — по 1 руб. (при среднем заработке в 50 руб.). Члены общества составляли профессиональные секции. Самыми многочислен-

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 6. Д. 7009. Л. 27.

ными были: швейная, потом — кожевенная, транспортная, металлическая. Работу каждой координировало выборное бюро.¹

Переломным для общества кустарей стал 1925 г. Именно в этом году численность членов увеличилась с 2 тыс. до 5 тыс. чел. Весной почти еженедельно проходили общие собрания членов профессиональных секций. Сценарий проведения мероприятий был таков. Заслушивался доклад о международном положении. Потом участники произносили приветствия «в адрес трудящихся Китая», «мирового освободительного движения». Клялись «приложить все силы к скорейшему экономическому возрождению СССР по намеренному Лениным пути». Затем обещали не допустить в свои ряды чуждые элементы и, например, «принять решительные меры к расслоению извозчиков-одиночек от извозчиков-эксплуататоров».² Обсуждались и профессиональные проблемы. По этому поводу член правления А. И. Александровский заявил: «Кустарь и его семья голодает. Единственный выход — призвать всех ремесленников-одиночек Ленинграда к поднятию производительности труда. Пусть каждый товарищ поделится своим опытом и своими соображениями со своим профессиональным объединением».³

Политическая ситуация середины нэпа определила правила, которыми руководствовались члены организации кустарей-одиночек. Ремесленники сумели максимально использовать выгоды, связанные с охарактеризованным выше партийным курсом на частичное поощрение негосударственных укладов и введение «новой торговой политики». При этом они прибегли к мерам, которые назовём социальной мимикрией. Постоянно и энергично демонстрировали свою преданность партии и государству, благоговейное отношение к коммунистической идеологии; всячески подчеркивали антиэксплуататорскую сущность своего общества.

Общество прославилось в городе своими собраниями. На них присутствовало по 1000 и более чел. Для проведения их арендовали за 100 руб. в день помещение во Дворце им. Урицкого (Таврическом). Ранним утром в воскресенье или вечером в будний день в колонном зале гремел оркестр. Со всех концов города сюда стекались кустари. Обсуждались вопросы, затрагивавшие всех собравшихся,

¹ Там же. Д. 7013. Л. 33, 33об, 35, 39.

² Там же. Д. 7012. Л. 7, 9.

³ Красная кооперация. 1925. 7 февраля; ЦГА СПб. Ф. 1938. Оп. 1. Д. 1157. Л. 59, 67, 71, 121; Вестник промысловой кооперации. 1925. № 10. С. 82.

заслушивались доклады о внутренней и внешней политике. Главное же, принимались наказания Ленсовету: «Провести возможное уравнивание ремесленников в правах, обложениях и квартирной плате с рабочими и служащими». В своих выступлениях правленцы уверяли, что члены общества — это достойные пролетарии. В доказательство приводились данные о том, сколько «после тщательной проверки было вычищено... членов, социально ненадежных, занимавшихся эксплуатацией трудящихся под тем или иным видом».¹

Особое место по традиции занимали клятвы в верности режиму. «Со своей стороны, — уверяли члены общества, — мы заявляем, что ремесленные рабочие-одиночки окажут всемерную поддержку первому борцу мирового Октября — Ленинградскому Совету во всех его начинаниях». Чтобы ни у кого не оставалось сомнений в приверженности трудовых кустарей Советской власти и мировой революции они давали клятвы: «Мы же обещаем по первому зову РКП(б) встать в ряды Красной Армии для того, чтобы под руководством боевого штаба мировой пролетарской революции III Коминтерна завоевать победу».² По этому же сценарию проходили и массовые общие собрания членов кредитного товарищества «Кустарь», созданного правлением общества ремесленников-одиночек.

Росту престижа самодеятельной организации среди руководителей ленинградского губкома партии и губисполкома совета очень помогло избрание в 1924 г. Г. Е. Зиновьева её почетным членом. В результате стечения этого и других обстоятельств ремесленники получили льготы по налогам и арендным платежам. Решением налоговой проблемы члены Ленинградского объединения ремесленников могли быть довольны. Между прочим, их столичные коллеги шли тем же путем. Московское общество кустарей-одиночек добилося согласия главы советского правительства А. И. Рыкова и всесоюзного старосты М. И. Калинина стать его членами.

Общество кустарей-одиночек и Производсоюз совместно организовывали празднование Международных дней кооперации. В эти дни в Таврическом саду, иногда и в других местах, устраивались массовые гуляния. По традиции были оркестровая музыка, танцы, маски, игры, выступали популярные кооператоры. Искусные ремес-

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 6. Д. 7013. Л. 30.

² ЦГА СПб. Ф. 1938. Оп. 1. Д. 1157. Л. 59, 67, 71, 121; Вестник промысловой кооперации. 1925. № 10. С. 82.

ленники изготовили большое чучело на колесах. «По улицам вели на верёвке чучело толстого нарядного капиталиста, весёлые ребята подгоняли его хлыстом», — писал очевидец.¹

Направления работы общества были разнообразны. При нём образовалась касса взаимопомощи. Десятки стипендиатов-ремесленников обучались в Ленинградском кустарном техникуме. Общество оказывало активное содействие государственным органам в проведении подоходного налога, вело бескомпромиссную борьбу с беспатентщиками. Представитель его входил в состав губернской налоговой комиссии, участвовал в проверке подаваемых кустарями деклараций о доходах и не раз выявлял обманщиков. Думается, лидеры общества хорошо усвоили, что в годы нэпа прочность позиций их общества во многом обуславливалась демонстрацией кустарями лояльности в отношении властей.

В конце 1925 г. при Доме просвещения им. А. И. Рыкова открылся клуб кустарей и артельщиков того же имени. Дети ремесленников посещали драматический, хоровой, кооперативный, шахматный кружки. Имелись кинотеатр, солидная библиотека. Устраивались бесплатные юридические консультации для кустарей. Проводились собрания, вечера отдыха, работала школа ликбеза. К 1926 г. неграмотных среди 5 тыс. членов общества не осталось.²

Постепенно накапливался опыт работы. Рационально сочетались функции общественного объединения, защищавшего права кустарей, развивавшего их социальную активность, и культурно-просветительной организации. Уже упоминалось, что общество взяло на себя часть забот кооперативного центра, снабжая своих членов сырьем, материалами и компенсируя тем самым отсутствие необходимого количества закупочно-сбытовых товариществ. В 1926 г. оно было официально названо «резервом для организации хозяйственных кооперативных объединений».

При этом правление общества ремесленников-одиночек подвергалось всё более сильному давлению со стороны партийной организации Производсоюза. Ещё в 1925 г. руководитель «коммунистической фракции» и правления последнего А. И. Плотников выдвигал

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 6. Д. 7013. Л. 32; Вестник промысловой кооперации. 1925. № 3. С. 40; ЦГА СПб. Ф. 1938. Оп. 1. Д. 1151. Л. 143; ЛОГАВ. Ф. 2578. Оп. 2. Д. 124. Л. 18; Кооперативное строительство. 1926. № 4. С. 22; № 13. С. 22.

² ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 6. Д. 7009. Л. 27, 28, 29, 31, 32.

обвинение в том, что «в обществе нет партийного руководства». Организаторов кустарей-одиночек А. Степанюка и А. Александровского он называл «беспартийными меньшевиками». Однако они отбивались от нападков, хотя это было непросто (Степанюк до 1917 г. принадлежал к «чуждому» классу, владел магазином). Главное же состояло в том, что на первых порах удавалось не допустить установления партийного контроля. Направляемые в общество на постоянную работу в качестве представителей «коммунистической фракции» члены партии распределялись в «дикие» (не входившие в систему Производсоюза) артели и были вынуждены заниматься кустарным трудом.¹

Между тем, в конце 1925 г. сменилось руководство городско-го кооперативного центра и его «коммунистической фракции». На место А. И. Плотникова пришел И. М. Иванов. По мере того, как он осваивался со своим новым руководящим постом в правлении Производсоюза, А. Степанюку и его помощникам работать становилось всё сложнее. В обществе кустарей Иван Михайлович увидел опасного конкурента. На XV сессии Всероссийского союза промышленной кооперации в июле 1926 г. Иванов заявил, что развитие промкооперативной деятельности в Ленинграде тормозится объединением кустарей-одиночек. В его речи отразилась смена тенденций: политика заигрывания власти с мелкими хозяевами постепенно заменялась курсом на «социалистическую реконструкцию», т. е. на их экспроприацию. Примечательно, что в том же июле 1926 г. признанный лидер А. Степанюк (по причине социальной чужеродности) вынужден был уйти с поста председателя. В ответ на горячие просьбы коллег остаться он твердил, что действует в интересах дела, объяснял, что «ему стало трудно согласовывать некоторые особо важные вопросы в руководящих органах». Его преемники не обладали теми же деловыми качествами, мужеством, энергией и авторитетом.²

Общество действовало до начала 1928 г. И всё время оно было тесно связано с кооперацией. Его деятельность помогала кустарям осознать необходимость объединения сил. Тем не менее, по мере ухода от нэпа наступало время, когда никакая, даже самая эффективная, демонстрация лояльности в отношении властей и коммунизма

¹ Там же. Д. 7000. Л. 17, 18об, 27.

² ЦГА СПб. Ф. 1938. Оп. 1. Д. 1151. Л. 14об, 115, 126, 133; ЛОГАВ. Ф. 2578. Оп. 2. Д. 27. Л. 90, 105; Кооперативная жизнь. 1926. 17 сентября; 1927. 19 апреля.

не могла спасти общественное объединение, претендовавшая на осуществление деятельности, не в полной мере регламентируемой партийными инстанциями. Так погибли и многие артели, и Общество кустарей-одиночек.

Социалистическая реконструкция кооперации

Перелом обозначился уже в 1926 г. Большевистское государство приступило к осуществлению ускоренной социалистической реконструкции. Форсировались процессы коренного преобразования основ общественной жизни. На первых порах это было обусловлено, прежде всего, быстрым переходом к политике форсированной индустриализации. В том году утверждается программа масштабного капитального строительства в области тяжелой индустрии; причем, выполнение её потребовало значительно больших средств, чем намечалось. Вложения в промышленность, направляемые на капитальное строительство, уже тогда значительно превосходили оборотные средства промышленности. К концу десятилетия требовалось воздвигнуть Магнитогорский, Криворожский, Кузнецкий металлургические заводы и десятки других. Перераспределение ресурсов в индустриальную сферу автоматически вело к обострению дефицита товаров для народа.¹

К тому же, в 1927 г. серьезно увеличились военные расходы. На это важное обстоятельство указывали, в частности, делегаты XV съезда партии, проходившего в Москве в декабре 1927 г. Нарком по военным и морским делам К. Е. Ворошилов заявил: «Вопросам подготовки государства к обороне мы стали придавать актуальное значение только с весны текущего года». Нарком внешней и внутренней торговли А. И. Микоян подчеркнул: «... причина этого явления [нехватки продовольствия и товаров для народа — А. Д.] заключается в том, что мы одновременно готовимся к обороне, что обозначает изъятие значительных ресурсов».

Вместе с тем, политика перераспределения ресурсов между сферами и отраслями экономики разрабатывалась и осуществлялась поспешно, не продуманно. Вот как говорил об этом с трибуны XV съезда вскоре после Ворошилова крупный хозяйственник

¹ Воскресенский Ю. В. Переход Коммунистической партии к осуществлению политики социалистической индустриализации. М., 1969. С. 217.

Г. И. Ломов: «... мы взяли размах, который будет нам не под силу и прежде чем идти на это необходимо тщательно продумать и именно с этой стороны всю пятилетку».¹ Первоначально запланированные темпы роста то и дело повышались.

В итоге периодически возникавший дефицит галош, сандалий, мануфактуры перерастал в острый и постоянный «товарный голод». Данный термин употреблялся всё чаще во второй половине 1920-х гг.² При этом простые люди нередко склонны были обвинять кооперацию. Вот что рассказывал в начале 1928 г. ленинградский кооператор Н. Валуев: «В недавние месяцы продуктовые кооперативные магазины стали осаждаться огромными «хвостами» — по триста-четыре человека. Люди стояли за маслом, мукой, мануфактурой». Далее Валуев приводил слова гражданки из очереди. Она заявляла: «Масло все повывезли за границу, которое в Германию, которое в Англию, и муку тоже повывезли, и мануфактуру. А денег за все это за граница не заплатила, ну вот покупать то, стало быть, новое и не на что, а которое старое еще было в кооперативах, так то давно уже разворовали». Валуев заканчивал так: «Слушали старушку внимательно. В очереди стали говорить, что кооперация торговать не умеет. И старушка ехидно добавила: “Вот паи собирать — это они умеют. А за что, спрашивается?”»³ В таких условиях торговля становилась ненужной и заменялась государственным распределением.

Известная нам Н. Н. Шабанова (фон Кубе), вспоминая о жизни в Ленинграде во второй половине 1920-х гг., рассказывала о закрытых частных магазинах, заколоченных витринах, о переселении прежних владельцев в крохотные помещения во дворах или под лестницами парадных подъездов.⁴

Усиление сверхиндустриализационных тенденций народно-хозяйственного развития, порожденных ими глубокими диспропорций в экономике, товарного голода обусловили резкое ограничение товарно-денежных отношений; соответственно — свертывание не

¹ Пятнадцатый съезд ВКП(б). Стенографический отчет. Т. II. М.—Л., 1961. С. 980, 1060, 1093.

² См.: *Сергеев И. Н.* Закрытые распределители улучшат снабжение рабочего класса. М., 1930.

³ Кооперативное строительство. 1928. №1. С. 26.

⁴ *Шабанова Н. Н.* Воспоминания о себе, о времени, в котором жила. СПб., 2009. С. 55, 56.

только частнопредпринимательской, но и кооперативной деятельности. Между тем, кооперативы не ликвидировались и не заготавливались под лестницы, а преобразовывались в закрытые распределители. Объясняли это, как всегда, используя марксистскую фразеологию. В резолюции XV съезда ВКП(б) ставилась задача последовательного преобразования торговой сети «в меру успехов социалистического строительства... в аппарат социалистического распределения продуктов». Директиву кооперативное начальство приняло как указание приступить к полному изменению методов своей работы в близкой перспективе. В мае 1928 г. журнал «Союз потребителей» — орган Центросоюза — писал, что установка партийного съезда должна быть реализована в течение первой пятилетки. Был сделан также акцент на необходимости «устранения параллельно действующих потребсистеме торговых организаций», на монополизации кооперативной торговли.¹

В 1928 г. вводится нормированное снабжение населения основными товарами, то есть карточная система. Кооперативы превращались в распределители, пайщики «отоваривались» по ордерам, выдаваемым коопбюро на предприятиях и в учреждениях. Ставка теперь уже явно делалась в первую очередь на директивное управление. План-приказ, команда призваны были заменить материальную заинтересованность работников кооперативов и пайщиков.

Потребительские кооперативы в городе Ленина быстро теряли остатки самостоятельности, подчинялись во всем огосударствленному Ленинградскому союзу потребобществ (ЛСПО), а в Ленинградской области — потерявшему самостоятельность и фактически огосударствленному Северо-Западному союзу потребобществ (Севзапсоюзу); сами не заготавливали продукты, снабжались ими «сверху» — из городского и областного центров. Заведующий частью ЛСПО Н. Зайцев был прав, когда заявил в начале 1928 г., что лишь формально в Ленинграде сохраняется несколько потребительских обществ, объединенных союзом, а на деле все они сведены в один кооператив. В свою очередь, и ЛСПО представлял собой передаточное звено жестко централизованного механизма: расположенный в Москве Центральный союз потребкооперации (Центросоюз) держал его в «ежовых рукавицах», запретил даже вести самостоятельные заготовки, а также изменять цены на продоволь-

¹ Партия о кооперации. С.335; Союз потребителей. 1928. № 5. С. 9.

ствие. Примечательно, например, что ленинградские кооператоры сокрушались по поводу запрета на проведение выгодной торговой операции — покупки сухофруктов в Средней Азии. Между тем, и правление Центросоюза оказалось только «винтиком» бюрократической машины. Председатель правления Центросоюза И. Е. Любимов еще в декабре 1927 г. заявил: «Нажим сейчас превратился во многих случаях в зажим. Я имею в виду регулирующие мероприятия Наркомторга... кооперация поставлена по отношению к органам Наркомторга в такое положение, в каком она была прежде при Наркомпроде».¹ «Прежде» — это при «военном коммунизме».

Факты из истории городской кооперации завершающего периода нэпа характеризуют типичный процесс становления крайне неэффективной и громоздкой системы централизованного государственного управления экономикой. Напомним, что эта система в конечном счете представила собой тот механизм, посредством которого был осуществлен колоссальный (прежде всего — по затратам) процесс «социалистической реконструкции» экономики.

Пласты бюрократии начали наслаиваться один на другой и образовывать мощную плотину на пути любой инициативы. К этому в конце десятилетия стали привыкать. Поразительно, что ленинградская кооперативная конференция, ходатайствуя о награждении А. Е. Бадаева орденом Трудового Красного Знамени, одновременно создала комиссию из 9 человек (ни много, ни мало!) для «оформления вопроса».

Кооперативы тонули в море бумаг. В частности, пространные отчеты посылались в Центросоюз, откуда переключивались в Наркомторг СССР. Руководству последнего этого показалось мало. Тогда и губернские отделения Наркомторга стали требовать присылки 20 разных анкет — по свидетельству очевидцев, «огромных по форме и сложных по содержанию». Для оформления бумаг, требуемых только судебными органами, президиум правления Нарвкрабкооп принял на работу двух сотрудников. Бумажный вал обрушился на кооперативы, суeta и бесполоквщина поселились в их учреждениях. Обычно сдержанный в проявлении чувств, официальный, не допускавший отсебятины в журнальных писаниях, кооператор и публи-

¹ IX собрание уполномоченных ЛСПО. С. 33, 35, 100; Кооперативное строительство. 1928. № 4. С. 75; № 11. С. 28; Любимов И. Е. Потребительская кооперация в социалистическом строительстве в СССР. М., 1928. С. 76.

цист А. Ровинский, ознакомившись в конце 1927 г. с работой потреббщества «Пролетарий», был поражен: «Сотрудники кооператива носились то и дело с этажа на этаж, от стола к столу. Не так давно в разраставшемся аппарате можно было наблюдать картину: пришла почта — вороха газет, отчетов, отношений, протоколов. Всё это растекалось из регистратуры по отделам и в лучшем случае прорабатывалось с опозданием на 2–3 недели, а в худшем просто теряло свои концы».¹ Всплывает в памяти кусочек из «Золотого тельца»: «На 1-й Черноморской кинофабрике был тот ералаш, какой бывает только на конских ярмарках и именно в ту минуту, когда всем обществом ловят карманника». Не сговариваясь, строгий кооператор и эмоциональные литераторы использовали похожие образы.

Бюрократия пробиралась в «медвежьи углы» Северо-Запада. Но там нередко на первых порах получала отпор. В деревнях всегда один человек занимался кооперативной работой, и деньги ему крестьяне платили из своего кармана. Им в голову не приходила мысль нанять еще одного служащего для оформления отчетов. И они, недолго постояв в нерешительности над ворохом бумаг, рубили сплеча. Вот выписка из постановления общего собрания небольшого потребительского общества на севере Ленинградской губернии: «...Обсудив вопрос о своевременной присылке отчетов, постановили: “Книгу марал (так в тексте, читай: мемориал) закрыть и все книги отправить заведующему базой райсоюза. Если ему нужно их вести — пусть ведет, а наше дело — привозить нужный товар и снабжать население”. И действительно, через некоторое время к завбазой союза явилась делегация с мешками счетоводных книг с просьбой принять этот груз. «Что нас заставляют каждую баранку разносить в десять клеточек? Не для чего это нам», — возмущались крестьянские делегаты».²

Замену ориентиров государственной кооперативной политики зафиксировало состоявшееся в июле 1928 г. собрание уполномоченных Центросоюза. Основной доклад делал нарком внешней и внутренней торговли СССР А. И. Микоян. Он два года назад занял этот пост — в августе 1926 г., после отстранения Л. Б. Каменева. Анастас Иванович в начале доклада «предупредил, что рабочей

¹ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 8. Д. 242. Л. 6; Ф. 7179. Оп. 4. Д. 41. Л. 52; Кооперативное строительство. 1927. № 20. С. 76.

² Кооперативное строительство. 1927. № 12. С. 47.

кооперации придется пересмотреть расходы». Но к этому уже все были готовы, другое тревожило собравшихся. «Гвоздём программы» собрания стали выступления в прениях. Кооператоры (в том числе А. Е. Бадаев и председатель Северо-Западного областного кооперативного совета П. Пахомов), как один человек, требовали покончить с мелочной опекой, развязать им руки. Пахомов говорил, что многократно усиливая контроль, его обижают недоверием. «Что мы, не знаем хозяйство... мы в чём-нибудь надули советское государство?» — спрашивал он.

Беспристрастная стенограмма зафиксировала словесную дуэль между членом правления Центросоюза А. Киссиным и А. И. Микояном:

«Киссин. Кому только не лень, тот зажимает и ущемляет нас в работе. Что, это помогает работе?

Микоян (с места). Все зажимают, да зажимают. Что вы — беспризорные, что ли?

Киссин. Товарищ Микоян, в Советском Союзе беспризорные тоже не бесправны».

Пассаж Киссина встретил полное сочувствие у собравшихся. Они аплодировали. Киссина справедливо возмущало, что работники потребкооперации отучаются принимать решения — по любому пустяку идут в Наркомторг за директивой. «Так воспитывается безответственность!» — заметил он.¹

Присутствующий на собрании А. И. Рыков поддержал протесты кооператоров против административного командования. Хотя и не обещал облегчения «налогового бремени», ибо частный капитал к тому времени почти перестал быть источником доходов казны. Вместе с тем А. И. Микоян даже после либерального выступления председателя СНК СССР оставался непреклонен; видимо, чувствовал, что за ним Сталин, а значит — большинство в руководящем эшелоне. «Наркомторг мало регулировал кооперацию», — стоял на своем Анастас Иванович. Аргументировал он следующим образом: если не «смотреть» за кооператорами, то они товар могут отправить «на Сухаревку», то есть на черный рынок. Думается, в очередной раз мы встретились с противостоянием «мягкой» и «жесткой» форм большевистского руководства. Однако наступило время, когда жесткие и бескомпромиссные (их называли «выдержанные») дея-

¹ XLI собрание уполномоченных Центросоюза. С. 221, 243, 245, 282, 313, 314.

тели начали целиком формировать экономическую политику. Рубили с плеча. Рыночные связи быстро сменились, говоря языком официальных отчетов 1920-х гг., «равномерным и своевременным распределением товарных масс по системе, в точном соответствии с намеченными плановыми предположениями».¹

Зарегламентированной оказалась и промысловая кооперация. «Регулирование» со стороны государственных и партийных структур стало полностью определять её работу. Оптовая торговля сильно ограничивалась. Жизненно необходимое сырье и материалы распределялись теперь только по договорам с государственными предприятиями. Первоначально артельщики радовались: наконец-то они будут обеспечены самым необходимым. Но быстро разочаровались. Ленинградский производсоюз составил в 1928 г. заявку на кожаные полуфабрикаты в сумме 3,4 млн. руб., ВСНХ сократил её вдвое, а уже то, что осталось, Кожевенный синдикат урезал втрое. Да и этот голодный паек до кооперативов не дошел — предприятия нарушали договоры. Начались неурядицы и сбои. Кожи посылали из северных районов в Среднюю Азию, а оттуда везли в Ленинград, по дороге они портились. Не поставили вовремя кальцированную соду — закрылась известная артель «Химик». Она и многие её подобные не могли работать на местном сырье.

Кооператоры обратили свои взоры к частному рынку, но он был крайне ограничен, стоял на пороге ликвидации. Тогда, ошибочно рассчитывая на то, что трудности носят временный характер, члены артелей постарались как-то перебиться. Они стали перекупать краденое или контрабандное сырье. Их ловили, наказывали.

По мере усиления наступления на капитал частные предприниматели, по словам современников, надевали «кооперативные панамы». То есть объявляли себя артельщиками. В одной из инструкций Всекопромсоюза появилось определение лжекооперативов. Ими объявлялись артели и товарищества в случае присутствия в составе их учредителей лиц, лишенных законодательством права участвовать в руководящих органах кооперации, преобладающего влияния в них капиталистических элементов, «использующих кооперативную форму в своих классовых интересах, или направлении деятельности в сторону противную интересам социалистического

¹ Кооперативное строительство. 1928. № 9–10. С. 5.

строительства».¹ Как видим, формулировка невнятная, открывался простор субъективизму, произволу. Тем более что явочный порядок регистрации кооперативов, установленный в начале нэпа, был заменен разрешительным. Объявлялась война так называемым лжекооперативам, т. е. частным предпринимателям, действовавшим в целях выживания под видом кооператоров. Повсеместное разоблачение «лживых» считалось естественным результатом обострения классовой борьбы и подавления сопротивления замаскировавшихся капиталистов в условиях разворачивавшейся социалистической реконструкции.

Положение промысловой кооперации резко ухудшилось в 1928 г. В значительной степени это было связано с выступлением И. В. Сталина на XV съезде ВКП(б), состоявшемся в декабре 1927 г. И. В. Сталин в Отчетном докладе ЦК партии, ссылаясь на интересную (по его словам) во всех отношениях книгу экономиста Юрия Ларина, нарисовал картину засилия лжекооперативов и пожурил «некоторых товарищей», которые занижают удельный вес их. Вождь сформулировал обвинение: «... ловко и умело прикрывается капиталист под флагом промысловой кооперации».² Так, походя, был произнесен приговор многим артелям и товариществам. При этом под топор попали, вместе с так называемыми «лживыми», и многие истинно кооперативные товарищества. Отсюда видно, что «сверхиндустриализационная» экономика не могла существовать без серьезного ужесточения внутриполитического курса.

В июле 1928 г. Ленинградский производсоюз отмечал торжественную дату — десятилетний юбилей. Выступил один из руководителей губсовнархоза Истомин. Обычное подведение итогов, поздравления, приветствия... И уже под занавес он ошелолил кооператоров, поведав о том, что 70% их артелей — «лживые». Цифры ни на чем, кроме желания соответствовать сталинской установке, не основывались и были взяты с потолка. Тем не менее, последовало краткое, сформулированное в духе новых веяний, указание: «Ваша задача — вырвать с корнем это зло». Тогда артели залихорадило.

¹ Партия о кооперации. С. 180, 181; ЛОГАВ. Ф. 3450. Оп. 1. Д. 550. Л. 1; РГАЭ. Ф. 3986. Оп. 1. Д. 334. Л. 187, 190; Кооперативное строительство. 1928. № 11. С. 76; 1929. № 7. С. 28; Сборник постановлений о промысловой кооперации и кустарной промышленности. М., 1927. С. 226.

² Пятнадцатый съезд ВКП(б). Декабрь 1927 г. Стенографический отчет. Т. 1. С. 66

Первым делом закрыли артель под названием «Халва», на нее давно косились — председателем правления там оказался бывший царский офицер. Та же участь постигла и многие другие кооперативы. Повсюду выискивали «бывших» и их «подголосков». Наконец, на заседании правления Производсоюза 23 сентября 1929 г. комиссия по чистке отчиталась: «Выявлено 900 лишенцев-предпринимателей, торговцев, чиновников старого времени, политических руководителей противных партий». Запуганное правление Производсоюза тогда высказало лишь робкое пожелание избегать крайностей.¹

Среди «вычищенных» из артелей и товариществ оказалось немало опытных и знающих организаторов производства. На их место нередко приходили некомпетентные работники. Так, в сентябре 1929 г. секретариат Ленинградского обкома ВКП(б) обязал райкомы выдвинуть 120 рабочих от станка на руководящую работу в кооперации. В постановлении секретариата говорилось: «В составе намечаемых выдвиженцев должно быть женщин 25%, молодежи — 15% и беспартийных рабочих не менее 25%». Сведения анкет, а не деловые качества руководителей, теперь при подборе кооперативных кадров оказывались на первом месте. Не удивительно, что, по данным обкома партии за январь 1930 г., выдвиженцы зачастую плохо справлялись со своими обязанностями в руководящих органах промысловой кооперации.² Да и сама она из самостоятельного хозяйствующего субъекта превратилась в марионетку группы политиков.

Между тем, кооперативные кампании следовали одна за другой. Прекратило существование Ленинградское общество кустарей-одиночек; созданное самым первым в стране, оно первым и погибло. Члены общества автоматически становились членами объединенной кассы взаимопомощи Производсоюза и объявлялись «кооперативной массой». Так решалась задача усиления партийно-государственного влияния в среде кустарей и ремесленников. Ту же цель, думается, преследовали и ускоренная ликвидация множества закупочно-сбытовых товариществ, и дальнейшее слияние производительных артелей. При этом все руководители артелей и товариществ был ознакомлены со следующим решением состоявшегося в 1929 г. совещания заведующих орготделами промысловой коопера-

¹ ЦГА СПб. Ф. 3986. Оп. 2. Д. 1451. Л. 56; Д. 1452. Л. 12, 13.

² Бюллетень Ленинградского областного комитета ВКП(б). 1929. № 8. С. 15, 16; ЦГА СПб. Ф. 2279. Оп. 2. Д. 1451. Л. 24, 58.

ции: «Совещание признало, что всякое бездействие, всякие халатность и медлительность в борьбе за коллективизацию промыслов, за улучшение социального состава, за вовлечение [в артели — А. Д.] батрачества и бедноты тормозит социалистическое наступление и является правым уклоном». Поясним, что по приказу И. В. Сталина в 1929 г. развернулась ожесточенная борьба против «уклонистов» в лице сторонников Н. И. Бухарина и А. И. Рыкова, выступавших за отказ от сверхиндустриализационных процессов в экономике и репрессий в политике. Получить ярлык «правого» было крайне опасно. Поэтому руководители Ленинградского производсоюза в развернувшейся кампании по слиянию промысловых кооперативов старались поспешить. Решения об укрупнениях принимались правлением Производсоюза по указке сверху, келейно, голоса протеста артельщиков оставались без внимания. Непокорные кооперативы обвинялись в делячестве, в том, что они «хорошо благоустроены, нагуливая жирок» и не желают по-братски помочь «бедным артелям». Отыскался образец для подражания — ленинградская артель грузчиков «Север», которая купила два трактора для подшефного колхоза.¹ Но не могли же все промкооперативы последовать ее примеру.

Осуществление сталинского курса на обострение классовой борьбы было тесно связано с искусственным углублением реальных противоречий между беднотой и остальными членами кооперативов. «Вместо того, чтобы вести курс помощи бедноте, — писал профессор Н. Д. Кондратьев, — мы на практике сплошь и рядом ставили ставку на бедноту».² Это проявилось и в ходе чистки «зажиточных» и «бывших», а также в ходе так называемой дифференциации паевого взноса. В 1928 г. были установлены разные пай для бедняков, середняков, зажиточных. Последние обязывались платить в 2,5 раза больше бедноты. Это чреватое расколом в среде кооператоров мероприятие встретило сопротивление среди самих тружеников артелей и товариществ. Члены уже упоминавшегося кооператива «Промкуст» на своем собрании, состоявшемся в начале 1929 г., высказали опасение относительно последствий введения дифференцированного пая. Они заявили: «Вместо прежнего единства, бывшего в «Промкусте», — разъединение». Артельщики отказались устанавливать «дифпай». По данным журнала «Вестник

¹ Вестник промысловой кооперации. 1929. № 10. С. 11; 1930. № 1. С. 32.

² Цит. по: Большевик. 1927. № 13. С. 40.

промышленной кооперации», подобных случаев — и не только в Ленинграде — было очень много. На протяжении всего 1929 г. правление Всероссийского союза промышленной кооперации, городские и областные союзы боролись за дифференциацию пая. И все равно оставалось немало кооперативов, где «дифпая» не существовало.¹ Курс на обострение классовой борьбы встречал противодействие.

Несмотря на опасность быть причисленными к «правым уклонистам», часть кооперативов сопротивлялась произволу. В частности, на общие собрания «Промкуста», «Ленкоопшвей» и «Красного вязальщика» были приглашены правленцы Производсоюза, им высказали все претензии. Обстановка на собраниях была митинговой, и впредь кооперативные чиновники старались на них не попадать.²

Партийно-бюрократический диктат повсеместно встречал противодействие. Например, секретарь ЦК Компартии Украины А. В. Медведев с трибуны июльского пленума Центрального комитета ВКП(б) (1928 г.) упрекал руководство страны в том, что «...взяли монополию снабжать все население. Мы не справились с этой задачей»; выход виделся в перераспределении снабженческо-заготовительных функций в пользу кооперации и «мелкого заготовителя». После этого, в начале осени 1928 г., часть правленцев Центросоюза выступила с требованием ограничить форсированные темпы индустриализации и освободившиеся ресурсы использовать в целях преодоления «товарного голода»; на ноябрьском пленуме (1928 г.) ЦК ВКП(б) деятелей Центросоюза обвинили в правом уклонизме.³

Противодействие партийно-бюрократическому нажиму на промкооперативы оказывалось в Ярославле, Боровичах, Астрахани, Одессе, на Урале и Северном Кавказе. Но особенно активным и организованным, по некоторым данным, оно было в Ленинграде.⁴

В городе формируется так называемая «правооппортунистическая» кооперативная группа. Первым публично против огульных

¹ Кооперативное строительство. 1929. № 3. С. 51; Вестник промышленной кооперации. 1929. № 4. С. 14, 15; № 8. С. 6.

² Кооперативное строительство. 1928. № 15. С. 63; 1929. № 3. С. 53; Соколов К. Классовая борьба в промкооперации. М., 1930. С. 28.

³ Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) в 1928–1929 гг. Т. 2. М., 2000. С. 291; Т. 3. М., 2000. С. 200, 202, 203.

⁴ Соколов К. Классовая борьба в промкооперации. С. 28.

чисток, неоправданного свертывания «простейших» форм кооперации выступил кандидат в депутаты Ленсовета, председатель товарищества «Мундировщик» И. В. Колобов. Его сторонников называли в прессе и на собраниях «полпредами частного капитала» и даже «вредителями». Появился термин — «колобовщина». К числу её приверженцев относились А. И. Александровский, А. Н. Степанюк (ставшие в 1928 г. руководителями объединенной промысловой кассы), Н. Д. Трусканов — новый предправления товарищества «Кустарь» и др. Эти известные в Ленинграде люди, от которых нельзя было отмахнуться, как от простых артельщиков, стали доказывать вредность, порочность свертывания рыночного самообеспечения кооперативов, ибо убедились в провале централизованного снабжения артелей. Ими упорно отстаивались принципы артельного хозрасчета. Тогда группе ленинградских кооператоров приклеили ярлык «создателей теории о содружестве промкооперации с частником». Осенью 1929 г. её представители подверглись гонениям, по решению областного отдела ЦКК-РКИ были уволены с работы. Им запретили занимать ответственные посты. Это называлось тогда «вымести железной метлой».¹

Усилия дальновидных хозяйственников в конце 1929 г. переместились на борьбу за сохранение хотя бы центрального достижения артельного движения 1920-х гг. — кооперативных механизированных фабрик и заводов. В их развитии виделась возможность при определенных условиях не одновариантного (через государственную промышленность), а, по крайней мере, двухвариантного пути индустриализации.

Однако попытка правления Всероссийского союза промкооперации и его председателя Д. С. Бейки добиться снабжения «дефицитным сырьем» (кожей, железом) кооперативных механизированных предприятий не имела успеха. В январе 1930 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О кустарно-промысловой кооперации». В нем отмечалось: «Признать необходимым, чтобы капитальные вложения ВСНХ (по линии кустарной промышленности) и промкооперации направлялись преимущественно на развитие предприятий, производящих полуфабрикаты для раздачи в переработку кустарям. Имейшую в промкооперации тенденцию на строительство предприятий с впол-

¹ Кооперативное строительство. 1928. № 23–24. С. 87, 88; 1929. № 4. С. 52; ЦГА СПб. Ф. 2279. Оп. 2. Д. 1451. Л. 48.

не законченным процессом производства признать неправильной».¹ В результате ограничения материально-технического снабжения, усиления административного нажима в начале 1930-х гг. закрылись кооперативы «Бетон и железо», «Красная кооперация», «Ленкофпром» (по сортировке кофе), «Рабочий металлист», множество других.

Кустарно-промысловая кооперация утратила в основном кооперативные черты, хотя артели оставались; некоторые были переведены на положение ударных бригад. В начале 1930 г. мы видим уже кустарей Производсоюза выполнявшими ударное задание — по производству барочных гвоздей для лесозэкспорта. Продовольствием их не обеспечили «и они разбегаются», — писал современник.²

Свертывание кооперации в сфере жилищной характеризовалось общими для других её форм процессами. Прежде всего, в связи с закрытием частных подрядных строительных организаций, резко сократились масштабы осуществляемых жилищно-арендными кооперативными товариществами работ по ремонту домов.

Кроме того, в целях полного подчинения всех жактов городскому и районным жилищным союзам была проведена в 1928 г. тотальная «укрупнительная» кампания. При жилсоюзах образовывались комиссии по укрупнению, в обязанности которых входило создать крупные объединения из десятков жактов (пробораз будущих жэков — жилищно-эксплуатационных контор). Между тем состав товариществ был разнородным: большинство относилось к «бедным», меньшинство — к «богатым». Последние располагались чаще всего в центре города. Среди их жильцов насчитывалось немало врачей, инженеров. Они противодействовали укрупнению на том основании, что «в других домах живут лентяи, поэтому у них плохие квартиры».³ Поскольку события происходили во время «шахтинского процесса», то пресса называла фрондеров вредителями и возложила вину за трудности в жилищном деле на «чистую интеллигенцию».⁴

В духе времени Жилсоюз выступил с почином «За счет богатых помочь бедным». Этот лозунг на первых порах даже среди ответственных работников не встретил единодушной поддержки. Например, председатель комиссии по укрупнению жактов Выборг-

¹ Вестник промысловой кооперации. 1930. № 2–3. С. 3.

² ЛОГАВ. Ф. 2578. Оп. 9. Д. 107. Л. 65; ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 4. Д. 41. Л. 70.

³ Жилищное дело. 1928. № 3. С. 8; № 6. С. 17.

⁴ Там же. № 6. С. 17.

ского района Максимов рассказывал: «Одна из присутствующих [на заседании комиссии — А. Д.] попробовала было возразить против укрупнения, ссылаясь на то, что это выгодно не для всех, так как один жакт хороший, а другой никуда не годится, но её выводы были моментально разбиты всеми присутствующими...» Весьма показательно, как в духе времени аргументировали укрупнители свою точку зрения. Ни слова не пропуская, читаем дальше: «...заявившими, что подобные взгляды являются антипролетарскими, противоречащими основам нашей кооперативной политики».¹ Примечательная особенность политической ситуации: аргументов не требовалось.

Конец 1920-х гг. в связи с форсированием курса на искусственное обострение классовой борьбы, ознаменовался массовыми чистками жактов, жилсоюзов, повсеместным выявлением в них правых уклонистов. Совершенно внезапно был закрыт журнал «Жилищное дело», хотя в последнем номере содержалось объявление о подписке на год вперед. Вновь, как и в годы «военного коммунизма», началась кампания выселения «нетрудовых элементов».² С самостоятельностью и самостоятельностью жилищных кооперативов было покончено. Жилсоюз (переименованный в Леноблжилсоюз) выступил в роли обычной государственной структуры, действовавшей по инструкциям отдела коммунального хозяйства Ленгубисполкома, в полном соответствии с директивами партийных комитетов. Отныне форма кооперативов сохранялась, но демократическое содержание отсутствовало.

¹ Там же. 1927. № 17. С. 11; 1928. № 1. С. 2.

² Там же. 1930. № 1. С. 1, 2, 6, 7, 12.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 1922 г. видный ученый-обществовед П. А. Сорокин писал, что в результате страшных войн и революций «лучшая кровь нации погибла или выброшена за её пределы. Остался материал второго и третьего сорта». Он предрекал, что «дело может принять роковой оборот».¹

Между тем в тот раз Пителим Александрович ошибался. Россия не погибла. Её граждане сохранили плодотворную способность к самоорганизации и в том числе к образованию самодеятельных общественных институтов — прежде всего кооперативного характера — в целях формирования условий для совместного созидательного труда.

Кооперация Петрограда прошла путь от «военного коммунизма» к социалистической реконструкции, под которой понимали форсированную и прежде всего идеологически обусловленную коренную реорганизацию экономических и социальных структур. При этом наследие военно-коммунистического прошлого ограничивало творческий потенциал товариществ и обществ. Кооперативные традиции и принципы деформировались в результате давления со стороны большевистской партии, осуществляемого под лозунгами социалистического преобразования общественной жизни, создания царства всеобщей справедливости.

Между тем, кооперация в период новой экономической политики продемонстрировала ряд достижений, вобрав в себя многое из кооперативной традиции досоветского периода. Она стимулировала интерес тружеников к добросовестной совместной работе, помогала им ощутить себя хозяевами своей судьбы. Из среды её членов выдвигались пользовавшиеся всеобщим доверием талантливые организаторы. Примечательно, что многие общества и товарищества из всех

¹ Сорокин П. А. Современное состояние России. Прага, 1922. С. 11.

сил противились назначению рекомендованных партийными структурами работников. Обнаруживается одна из альтернатив партийно-государственной номенклатурной кадровой политике, сыгравшей в конечном счете роковую роль в судьбе Советской власти.

Потребительская кооперация, помогая рабочим и служащим налаживать «самоснабжение» (термин 1920-х гг.), одновременно удовлетворяла насущную потребность в самодеятельности и активной общественной жизни, столь ярко выраженную в послереволюционные годы. Работа лучших кооперативов содействовала формированию трудовых коллективов, интересы которых совпадали с интересами общества в целом. Причем это относилось не только к заводам, но, например, к вузам. Выявились многие преимущества студенческой и преподавательской кооперативной самоорганизации.

Важную роль играла промысловая кооперация. Её члены, ремесленники-бедняки, вовлекались в работу общих мастерских. Кустарям-середнякам, трудившимся в собственных мастерских, она помогала в закупке сырья и продаже готовых изделий. Кооперация выявляла и реализовывала интересы разных социальных и профессиональных групп.

Кооперация объединяла людей, содействуя улучшению их жилищных условий. Побуждаемые необходимостью, горожане создавали кооперативные товарищества, брали в свои руки управление жилищами, предотвращали разрушение домов. Представители ЖСК следили за качеством строительных работ, не допускали повышения цен на материалы.

Вместе с тем, кооперация в полной мере воплотила в себе все те противоречия, которые были присущи новой экономической политике. На разных этапах такие противоречия проявляли себя по-разному. На первых порах, когда партия и большевистское государство вынужденно ослабили давление на общество и его экономику, кооперативы получили возможность реализовать своё самодеятельное начало. На первый взгляд, выглядит парадоксальным то, что в условиях диктатуры пролетариата в 1922–1923 гг. стало возможным возникновение отдельных кооперативных объединений, которые в целом можно назвать свободными; например, Бюро объединенных петроградских кооперативов.

Что касается большинства городских кооперативов, то в первые годы нэпа вмешательство государства носило ограниченный, нередко прагматический характер. Совместно решались задачи

нивелирования негативных последствий экономических реформ. В частности, кооперация, получая кредиты, обязывалась продавать насущно необходимые населению товары по фиксированным ценам. В обстановке резкого роста безработицы это стало важным средством поддержания жизненных сил горожан. В тот период кооперация — по причине ослабления большевистской организации в период «военного коммунизма» — ещё не представляла собой объект идеологического манипулирования.

Важную роль играла конкурентная борьба кооперативных организаций и частного капитала. Их соперничество служило стимулом хозяйственного прогресса. Так продолжалось до тех пор, пока Коммунистическая партия не приступила к внедрению четкой «большевистской» линии в отношении частного предпринимательства. Кооперация тогда лишилась конкурента. Был сделан шаг к упразднению рыночных и внедрению распределительных отношений.

В середине — второй половине 1920-х гг. всё отчетливее давал себя знать всепроникающий партийный диктат. Образовались и упрочили своё положение партийные организации кооперативных союзов, опиравшиеся на партячейки отдельных товариществ и обществ. Они-то и служили последовательными проводниками установок райкомов и губкома РКП(б)–ВКП(б). Укрыться от партийного диктата, получившего организованную поддержку в рядах самих кооперативов, было чрезвычайно трудно.

При этом следует говорить именно об идеологическом диктате. Мы видели, что партийные органы стремились, прежде всего, к изгнанию «социально-чуждых» (тогда говорили «бывших людей») из товариществ, обществ и их союзов; ориентировали на изживание любой ценой частных конкурентов; пресекали в зародыше всяческие идеологические отклонения — вроде жактовских «стенновок». Экономическая целесообразность с точки зрения партийных деятелей должна была находиться на втором месте. Это понятно: стоял вопрос о власти. Даже гипотетическая возможность её потерять или частично видоизменить заставляла большевиков прибегать к насилию или применять жесткое администрирование.

Кооперативы фактически (ещё не формально) прекратили свою деятельность в условиях социалистической реконструкции. Начавшаяся как индустриальная модернизация, она довольно скоро переросла в коренное видоизменение общественных основ в соответствии с идеологическими схемами. По причине неэффективности и

архаичности партийно-государственных механизмов, осуществлявших индустриализацию, она преобразовалась в набиравшую темпы всероссийскую ударную кампанию, которая осуществлялась всё чаще за счет осложнения условий функционирования, а потом и гибели большинства общественных (не огосударствленных) институтов. Под топор попала и кооперация.

Общества, товарищества и их союзы постепенно огосударствлялись, теряли черты общественных объединений. Присущие подлинной кооперации основополагающие принципы организации — материальная заинтересованность, равенство прав членов, гласность при решении всех вопросов, выборность руководителей — были несовместимы с партийной диктатурой.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

Литература

1. *Андреев А.* Кооперация в социалистическом строительстве. М., 1924.
2. *Андриянов В. И.* А. Н. Косыгин. М., 2003.
3. *Билимович А. Д.* Кооперация в России до, во время и после большевиков. Франкфурт-на-Майне, 1955.
4. *Бузлаева А. И.* Ленинский план кооперирования мелкой промышленности СССР. М., 1969
5. *Булатов И. Г.* Кооперация и ее роль в подготовке сплошной коллективизации М., 1960
6. *Булдаков В.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.
7. *Бурлацкий Ф. М.* Загадка Макиавелли. М., 2003.
8. *Волобуев П. В.* Экономическая политика Временного правительства. М., 1962.
9. *Воробьев-Набатов Н.* Почему прогорают кооперативы. М., 1926.
10. *Воскресенский Ю. В.* Переход Коммунистической партии к осуществлению политики социалистической индустриализации. М., 1969.
11. *Германов Л.* (Фрумкин М.). Товарообмен, кооперация и торговля. М., 1921.
12. Герои Октября. Т. 1. Л., 1967.
13. *Гете И. В.* Изречения в прозе. СПб., 1885.
14. *Диклер Б.* Хлебопечение и его перспективы в Ленинграде. Л., 1927.

15. *Дмитренко В. П., Морозов Л. Ф., Погудин В. И.* Партия и кооперация. М., 1978
16. *Дмитренко В. П.* Торговая политика советского государства после перехода к нэпу. М., 1971
17. *Он же.* Советская экономическая политика в первые годы пролетарской диктатуры. М., 1986
18. *Днепровский С. П.* Кооператоры. М., 1968.
19. Индивидуально-кооперативный сектор. Перспективы развития. М., 1989.
20. *Кабанов В. В.* Октябрьская революция и кооперация (1917–март 1919 гг.). М., 1973.
21. *Картужанский Л. И., Ямайкер М. Н.* Кустарь и артельщик. Л., 1928.
22. *Коротков И.* Кооперация. Л., 1925.
23. Кустари-одиночки и их организации. Л., 1925.
24. *Ларин Ю.* Частный капитал СССР. М.–Л., 1927.
25. *Лебина Н. Б.* Повседневная жизнь советского города. Нормы и аномалии. 1920–1930-е годы. СПб., 1999.
26. *Лебина Н. Б., Чистиков А. Н.* Обыватель и реформы. Картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевского десятилетия. СПб., 2003
27. *Любимов И. Е.* Потребительская кооперация в социалистическом строительстве в СССР. М., 1928.
28. *Меерович М. Г.* Рождение и смерть жилищной кооперации. Жилищная политика в СССР. 1924–1937 гг. Иркутск, 2004.
29. *Он же.* Наказание жилищем. Жилищная политика в СССР как средство управления людьми. 1917–1937. М., 2008.
30. *Меркулов А. В.* Вопросы кооперативного движения в России. Пг., 1918.
31. *Морозов Л. Ф.* От кооперации буржуазной к кооперации социалистической. М., 1969
32. Очерки истории Ленинграда. Т. 4. М.–Л., 1964.
33. Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и гражданской войны. СПб., 2000.
34. *Почебут Г. А., Малкин Б. Г.* А. Е. Бадаев. Депутат питерских рабочих. Л., 1962.
35. *Прокопович С. Н.* Народное хозяйство СССР. Т. 2. Нью-Йорк, 1952.

36. Россия нэповская. Исследования. Под ред. С. А. Павлюченкова. М., 2002.
37. Русский рубль. Два века истории. XIX–XX вв. М., 1994.
38. *Самолыга И. А.* Идеино-политическая борьба по вопросам роли и места кооперации в системе экономического развития России конца XIX – первой четверти XX века. // Проблемы истории России и зарубежных стран. Под ред. Г. П. Аннина. Владимир, 2009.
39. *Сарабъянов В.* Кооперация в системе советского хозяйства. М.–Л., 1925.
40. *Он же.* Основные проблемы нэпа. М.–Л., 1926.
41. *Он же.* Экономическая политика СССР. М.–Л., 1926.
42. *Сергеев И. Н.* Закрытые распределители улучшат снабжение рабочего класса. М., 1930.
43. Современная кооперация и её проблемы. Сб.ст. Предисловие И. Т. Смильги. М., 1925.
44. *Соколов К.* Классовая борьба в промкооперации. М., 1930.
45. *Сорокин П. А.* Современное состояние России. Прага, 1922.
46. *Степин А. П.* Социалистическое преобразование общественных отношений средних городских слоев. М., 1975
47. Страницы истории советского общества. Факты. Проблемы. Люди. М., 1989.
48. *Терехов А.* Советское кооперативное право. Харьков, 1924.
49. *Файн Л. Е.* Нэповский эксперимент над российской кооперацией. // Вопросы истории. 2001. № 7.
50. *Файн Л. Е.* Развитие кооперации в СССР в 20-е годы. Ивово, 1988
51. *Хейсин М. Л.* Исторический очерк кооперации в России. Л., 1926.
52. *Хижняков В.* История и организация Совета Всероссийских кооперативных съездов. М., 1919.
53. *Целлариус В.* ВКП(б) и кооперация. Харьков, 1928.
54. *Шерих Д.* 1924. Из Петрограда в Ленинград. СПб., 2004.
55. Экономическая политика Советского государства в переходный период от капитализма к социализму. М., 1986
56. *Юровский Л. Н.* Денежная политика Советской власти (1917–1927 гг.). М., 1928.

Справочная литература

1. Библиографический десятигодник по кооперации. 1917–1927 гг. М., 1928.
2. Весь Ленинград. Л., 1925.
3. *Гриценко И. Ф., Меркулов А. В.* Систематический указатель литературы по кооперации. 1856–1924 гг. М., 1925
4. *Меркулов А. В.* Систематический указатель кооперативной литературы, вышедшей в СССР в 1925 и 1926 гг. М., 1927.
5. Петрогубкоммуна. Справочник. Пг., 1921.

ИСТОЧНИКИ

Публикации документов

1. VI Общегородская кооперативная конференция. 13–14 июня 1924 г. Стенографический отчет. Л., 1925.
2. VII Общегородская кооперативная конференция. Июнь 1925 г. Стенографический отчет. Л., 1925.
3. VIII собрание уполномоченных ЛСПО. 8–9 июня 1926 г. Стенографический отчет. Л., 1926.
4. IX собрание уполномоченных ЛСПО. Стенографический отчет. Л., 1928.
5. XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.–Л., 1926.
6. XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М., 1930.
7. XXIII Чрезвычайная конференция Ленинградской губернской организации ВКП(б). Стенографический отчет. 10–12 февраля 1926 г. Л., 1926.
8. XLI собрание уполномоченных Центросоюза. Июль 1928 г. Стенографический отчет. М., 1928.
9. *Алексеев И. М.* Премирование пайщиков потребительской кооперации. Л., 1926.
10. *Бухарин Н. И.* О новой экономической политике и наших задачах. Доклад на собрании актива Московской организации 17 апреля 1925 г. М., 1925.
11. Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1968.

12. Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М.—Л., 1922.
13. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1.
14. Законы о промысловой кооперации. М., 1925.
15. *Зиновьев Г.* Сочинения. Т. VI. М.—Л., 1929.
16. Итоги десятилетия Советской власти в цифрах. 1917–1927 гг. М., 1928.
17. Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) в 1928–1929 гг. В 5 тт. М., 2000.
18. *Киров С. М.* Избранные статьи и речи (1912–1934 гг.). М., 1957.
19. Кооперативно-просветительская работа ЛСПО за 1924–1925 год. Л., 1925.
20. Кооперация и школа. М., 1925.
21. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3. М., 1970.
22. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений (ПСС). Издание пятое. Т. 42, 45, 54. М., 1963–1964.
23. Ленинградская кооперация за десять лет. Т. II. Л., 1928.
24. Ленинградская потребительская кооперация с октября 1924 г. по апрель 1927 г. Л., 1927.
25. О школьной кооперации. Л., 1925.
26. Одиннадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1961.
27. Отчет о деятельности правления и ревизионной комиссии рабоче-кооперативного объединения «Полюстрово». Л., 1926.
28. Отчет Северо-Западного промбюро ВСНХ за 1921–1922 операционный год. Пг., 1922.
29. Партия о кооперации. Постановления и резолюции ВКП(б). М., 1928.
30. Переход жилищных товариществ на кооперативный устав. Л., 1925.
31. Положения о коопбюро на предприятиях. Л., 1926.
32. Продовольственная политика в свете общего хозяйственного строительства. Сб. материалов. М., 1920.
33. Протоколы заседаний президиума Ленинградского Совета с 25.III.1926 по 5.III.1927. Л., Б.г.и.

34. Протоколы заседаний Пленума Петроградского губернского исполнительного комитета Советов XII созыва. Пг.
35. Пятнадцатый съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М.–Л., 1961.
36. Речи о кооперации. М., 1925.
37. Речь А.М. Беркенгейма. // Государственное совещание. М.–Л., 1930.
38. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т.1. М., 1967.
39. Руководство по обложению подоходным и промысловым налогами государственных и кооперативных предприятий и смешанных обществ. М., 1924
40. Сборник материалов Ленинградского комитета РКП. 1924. Вып.8. Л., 1925.
41. Сборник материалов о промысловой кооперации и частной промышленности. М., 1930.
42. Сборник материалов Петроградского комитета РКП. 1922. Вып.IV, № 6.
43. Сборник постановлений о промысловой кооперации и кустарной промышленности. М., 1927.
44. *Скворцов-Степанов М. А.* Жилищно-строительная кооперация. Л., 1926.
45. *Слобожанин М.* Смотр кооперативным силам. СПб., 1909.
46. Смотр рабочей кооперации на конкурсе «Правды». Л., 1928.
47. Собрание узаконений. 1921. № 26.
48. Собрание уполномоченных и питерские рабочие в 1918 г. Документы и материалы. СПб., 2006.
49. *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 9. М., 1948.
50. Стенограмма заседания Политбюро РКП(б) «О внутренней торговле и потребкооперации». 27 марта 1924 г. Доклад А. М. Лежавы. // Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). 1923–1938. Том 1. 1923–1926. М., 2007.
51. Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). 1923–1928. Том 1. 1923–1926. М., 2007
52. Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924. Стенографический отчет. М., 1963.
53. Уставы, инструкции и положения по различным отраслям работы первичных потребительских кооперативов. Л., 1924.

54. Ф. Э. Дзержинский — председатель ВЧК—ОГПУ. 1917–1926. Документы. М., 2007.
55. *Хейсин М. Л.* Отклик кооператора. // Производсоюз. 1921. № 20–24.
56. Хозяйственный обзор Северо-Западной области за 1923–1924 гг. Л., 1925.
57. Хозяйственный обзор Северо-Западной области за 1925–1926 гг. Л., 1927.
58. Частный капитал в народном хозяйстве СССР. Материалы комиссии ВСНХ СССР. / Под общей ред. А. М. Гинзбурга. М.–Л., 1927.
59. Четырнадцатая конференция Российской Коммунистической партии (большевиков). М.–Л., 1925.

Мемуарная литература

1. *Ананьин Е. А.* Из воспоминаний революционера (1905–1923 гг.) // Меньшевики. Сост. Ю. Г. Фельштинский. Вермонт, 1988.
2. *Арский Р.* Восемь лет на хозяйственном фронте. Л., 1925.
3. *Бадаев А. Е.* Десять лет борьбы и строительства. Л., 1927.
4. *Лурье Я. С.* История одной жизни. СПб., 2004.
5. Незведанными путями. Л., 1967.
6. *Николаев А. А.* Революция и кооперация. Год русской революции. Сб. соч. М., 1919.
7. *Семенов Б. Ф.* Время моих друзей. Воспоминания. Л., 1982.
8. *Усанов П.* Здравствуй, товарищ райком. Л., 1984.
9. *Фроммет Б.* 25 февраля 1917 г. — 1 января 1918 г. // Вестник кооперации. 1918. №1–2.
10. *Хрущев Н. С.* Воспоминания. Время. Люди. Власть. Кн.1. М., 1999.
11. *Чадаев В.* «Афтобеография» моей жизни. Л.–М., 1925.
12. *Шабанова Н. Н.* Воспоминания о себе, о времени, в котором жила. СПб., 2009.

Периодические издания

1. Артельное дело. 1921. № 5–8; 1922. № 1–6; 1923. № 1–8, 16; 1924. № 6–12.

2. Большевик. 1926. № 5, 6, 18; 1927. № 13.
3. Бюллетень XXI конференции Ленинградской губернской организации РКП(б). № 1, 5. Л., 1925
4. Бюллетень XXII конференции Ленинградской губернской организации РКП(б). № 4. Л., 1925.
5. Бюллетень двадцатой губернской конференции Ленинградской губернской организации РКП(б). № 2. Л., 1924.
6. Бюллетень кооперативной секции Ленинградского Совета Х созыва. № 3. Л., 1925; № 16. Л., 1926.
7. Бюллетень Ленинградского областного комитета ВКП(б). 1929. № 8.
8. Бюллетень Первой Ленинградской областной конференции ВКП(б). № 4. 17 ноября 1927 г. Л., 1927.
9. Бюллетень Центральной управы Петроградского продовольственного совета. 1918. 6 июня. № 15.
10. Вестник промысловой кооперации. 1924. № 3, 7–8, 9; 1926. № 19; 1927. № 2; 1929. № 10; 1930. № 1, 2–3.
11. Воля России. 1922. Вып. 2, 4. Прага, 1922.
12. Жилищное дело. 1925. № 2, 3, 18, 19, 23–24; 1926. № 3–4, 6, 18, 19–20; 1927. № 2, 3, 4, 6, 10, 13, 20; 1928. № 1, 5.
13. Известия ВЦИК. 1921. № 16–19.
14. История СССР. 1987. № 3.
15. Кооперативная жизнь. 1926. Вып. от 17 сентября, 24 декабря; 1927. 19 апреля; 1929. 19 апреля.
16. Кооперативное строительство. 1926. № 4, 10, 11, 13, 15; 1927. № 1–2, 3–4, 7–8, 16, 20, 22; 1928. № 1, 3, 4, 5–6, 9–10, 11, 12, 15, 18, 19–20, 23–24; 1929. № 3, 4, 7, 8.
17. Кооперативный путь. 1926. 15 января.
18. Красная газета. 1922. Вып. от 1 января, 31 января, 2 февраля, 4 марта, 3 мая; 24 мая, 4 декабря; 1923. Вып. от 6 марта (утренний выпуск), 7 марта (утренний выпуск), 26 сентября (утренний выпуск); 1924. 1 января (утренний выпуск); 1925. Вып. от 17 октября, 3 декабря.
19. Красная кооперация. 1924. Вып. от 10 января, 13 января, 17 января, 7 февраля, 14 апреля, 24 апреля, 28 июня; 1925. Вып. от 1 января, 28 марта, 7 апреля, 14 апреля, 16 мая, 2 июля, 6 октября, 25 ноября, 17 декабря; 1926. Вып. от 5 января, 11 февраля.
20. Кустарь и артель. 1925. Вып. 15 июня, 8 июля.

21. Ленинградская правда. 1925. 1 июля; 1926. 5 января, 16 января, 3 марта.
22. На путях к новой школе. 1922. № 1.
23. Новгородский экономист. 1923. № 2–3. № 4.
24. Под знаменем коммунизма. 1923. № 4; 1924. № 1; 1926. № 8, 9; 1927. № 1–2, 12.
25. Петроградская кооперация. 1922. Вып. от 18 февраля, 21 февраля, 7 марта, 20 апреля, 3 июня, 10 июня, 14 июня, 17 июня, 2 августа, 4 октября, 23 сентября, 17 октября, 4 ноября; 1923. 29 декабря.
26. Правда. 1926. 26 января.
27. Производсоюз. 1920. № 3–6, 7–9, 10–12; 1921. № 20–24; 1921. № 16–19; 1922. № 1–4.
28. Союз потребителей. 1923. № 1, 3, 7; 1928. № 5.
29. Справочник петроградского агитатора и пропагандиста. 1921. № 4, 5, 8; 1922. № 8.
30. Экономическая газета. 1923. 17 июня.

Архивные материалы

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)
Ф. 374. Оп. 8. Д. 1137, 1163.
2. Российский государственный архив экономики (РГАЭ)
Ф. 478. Оп. 2. Д. 293.
Ф. 3986. Оп. 1. Д. 334.
3. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб)
Ф. 16. Оп. 1. Д. 55; Оп. 6. Д. 6933, 6946, 7000, 7009, 7012, 7013, 7036, 7039, 7040.
Ф. 2483. Оп. 1. Д. 3, 5.
4. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб)
Ф. 4. Оп. 1. Д. 26.
Ф. 382. Оп. 3. Д. 105.
Ф. 1000. Оп. 3. Д. 174; Оп. 5. Д. 42; Оп. 6. Д. 170; Оп. 8. Д. 242, 304; Оп. 10. Д. 158; Оп. 79. Д. 516, 587.
Ф. 1284. Оп. 3. Д. 221.
Ф. 1938. Оп. 1. Д. 1122, 1127, 1151, 1155, 1157.
Ф. 2279. Оп. 2. Д. 1451, 1452.

Ф. 7179. Оп. 4. Д. 41.

5. Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге (ЛОГАВ)

Ф. 123. Оп. 2. Д. 744.

Ф. 2578. Оп. 2. Д. 17, 18, 22, 27, 37, 124, 140; Оп. 3. Д. 16, 228, 233; Оп. 4. Д. 48; Оп. 9. Д. 107.

Ф. 2590. Оп. 2. Д. 18, 1097, 1173, 1175, 1212.

Ф. 2757. Оп. 1. Д. 1, 12, 25.

Ф. 3450. Оп. 1. Д. 169, 189, 550.

Ф. 3451. Оп. 1. Д. 321.

Ф. 3460. Оп. 1. Д. 37.

Ф. 3959. Оп. 1. Д. 1655; Оп. 13. Д. 1389.

Ф. 9520. Оп. 2. Д. 1246.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БО(ПЕ)К — Бюро объединенных (петроградских) кооперативов
ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
Всекопромсоюз — Всероссийский союз промысловой кооперации
ВСНХ — Высший совет народного хозяйства
ВЦИК — Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
Грамчека — Чрезвычайная комиссия при Петроградском отделе народного образования
Губкустпром — Губернский комитет кустарной промышленности
Губпрофсовет — Губернский совет профессиональных союзов
Губсоюз — Губернский союз потребительской кооперации
ГЭУ — Главное экономическое управление
ДПО — добровольные потребительские общества
ДШК — детский школьный кооператив
Жакт — жилищно-арендное кооперативное товарищество
Жилищсоюз — городской центр жилищной кооперации
ЖСК — жилищно-строительный кооператив
Комсод — Ленинградский комитет содействия жилищной кооперации
Кооплавка — кооперативная лавка
Кооптехникум — Кооперативный техникум
Ленгубисполком — Ленинградский губернский исполнительный комитет
ЛОГАВ — Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге
ЛЕПО — Ленинградское единое потребительское общество
ЛСПО — Ленинградский союз потребительских обществ
Наркомвнешторг, НКВТ — Народный комиссариат внешней торговли

- НЭП — новая экономическая политика
ОКС — Северо-Западный областной кооперативный совет
Откомхоз — отдел коммунального хозяйства
ПЕПО — Петроградское единое потребительское общество
Петрокоммуна — Петроградская потребительская коммуна
Петросовет — Петроградский Совет
Петросоюз — Петроградский Союз рабочих потребительских обществ
Покобанк — Всероссийский банк потребительской кооперации
Потребобщества — потребительские общества
Предкоопа — председатель кооператива
Предправления — председатель правления
Кусткомиссия Промбюро — кустарно-кооперативная комиссия Северо-Западного областного бюро ВСНХ
Промкооператив — промысловый кооператив
Промснабсоюз — Союз производительно-трудовых кооперативных объединений
ПСПО — Петроградский союз потребительских обществ
РГАЭ — Российский государственный архив экономики
РКИ — рабоче-крестьянская инспекция
РКП(б) — Российская коммунистическая партия (большевиков)
Севзапсоюз — Союз потребительских обществ Северо-Западной области
СТО — Совет труда и обороны
ЦГАИПД СПб — Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга
ЦГА СПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга
Центросоюз — Всероссийский центральный союз потребительских обществ
ЦК — Центральный комитет
ЦКК — Центральная контрольная комиссия
Экосо — Северо-Западное экономическое совещание

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Александровский А. И. 5, 89, 171, 186

Алисов Л. В. 40

Ананьин Е. А. 15, 54, 199

Андреев А. 96, 193

Андреев булочник 118

Андреев рабочий 117

Андреевский А. Ф. 43

Андриянов В. И. 98, 193

Арский Р. 19, 199

Арцыбашев М. 149

Б

Бадаев А. Е. 18, 34, 51, 52–59, 63, 66–68, 70, 77, 95, 117–122, 125–127, 132, 135, 143, 178, 180, 194, 199

Баранов М. 94

Барковский 59

Бедный Д. 129, 149

Бейка Д. С. 186

Белоусов В. 78

Бергавинов 21

Беркенгейм А. М. 13, 198

Билимович А. Д. 12, 193

Боборыкин П. 149

Брегин Л. 50

Бузлаева А. И. 9, 193

Буланкин 136

Булатов И. Г. 9, 193

Булдаков В. 25, 193

Бурлацкий Ф. М. 6, 193

Бухарин Н. И. 54, 82, 112, 125, 127, 184, 196
Быков Л. 57

В

Валуев Н. 176
Вараксин Ф. 113
Верещагин Н. В. 11
Владер М. 161
Волобуев П. В. 13, 193
Володин 165, 166
Воробьев-Набатов Н. 139, 142, 193
Ворошилов К. Е. 175
Вронский Н. 162

Г

Гард Э. 93
Гегель Г. 24, 25, 78, 121
Германов Л. (Фрумкин М.). 33, 193
Гете И. В. 129, 193
Гинзбург А. М. 136, 199
Гирляндин А. С. 145
Голиков Н. 124
Голиков П. Я. 43, 49, 168
Гоникберг И. 144
Горбачёв М. С. 6
Горбунов С. И. 107
Горький А. М. 54
Гриценко И. Ф. 9, 196
Гудков Е. А. 19, 44, 45
Гусаров 59

Д

Давидович М. Л. 94
Давыдов 36, 82
Далеман 25
Дзержинский Ф. Э. 20, 82, 148, 199
Дмитренко В. П. 10, 33, 194
Днепровский С. П. 26, 99, 194
Доломанов Н. С. 43

Домбровский К. Г. 96

Дюма А. (отец) 149

Дюма А. (сын) 149

Е

Евдокимов Г. Е. 117–121, 135

Евсеев А. Н. 96

Евтишкин 162

Ершов Ф. 82

З

Зайцев 59

Зайцев И. М. 94

Зайцев Н. 177

Залуцкий П. 70

Зарубкин 162, 163

Зельгейм В. Н. 12

Зенкович 87

Зиновьев Г. Е. 17, 18, 23, 24, 50, 54, 55, 56, 63, 65, 75, 76, 77, 80, 82, 98, 99, 113, 114, 117–123, 125, 126, 127, 128, 131, 135, 172, 197

Золотов Г. 36, 80

И

Иванов И. М. 84, 159, 168, 174

Игнатьев А. И. 145

Истомин 182

К

Кабанов В. В. 18, 194

Калинин М. И. 167, 172

Каменев Л. Б. 58, 59, 60, 117, 125, 126, 179

Карпов М. 116

Карпов Н. В. 94

Картужанский Л. И. 87, 161, 194

Кильчевский В. А. 12

Киров С. М. 2, 117, 128, 129, 135, 197

Киссин А. 180

Кливанский С. А. 26

Кожаный А. 153

Колобов И. В. 186
Колокольников П. Н. 12
Комаров Н. 128
Кондратьев Н. Д. 5, 66, 104, 184
Кондрашин 156
Копелянский 169
Коротков М. 47, 71, 111, 150, 153, 194
Косарев 37
Косыгин А. Н. 98, 193
Красин Л. Б. 67
Крохмаль В. Н. 20
Крупская Н. К. 63, 100
Кубе, фон См. Шабанова Н. Н.
Куйбышев В. В. 135
Куклин А. С. 18, 55
Куликов К. С. 40
Кулишер И. 48
Купрович Б. П. 152

Л

Ларин Ю. 28, 32, 50, 94, 144, 182, 194
Лебина Н. Б. 10, 16, 39, 71, 92, 194
Левин И. В. 128
Лежава А. М. 33, 198
Ленин В. И. 9, 22, 26, 50, 53, 55, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 66, 70, 75, 111, 116, 118, 121, 127, 149, 160, 171, 193, 197
Ломов Г. И. 176
Лукашин 169
Лунин 24
Лунченко 76
Лурье Я. С. 5, 6, 199
Любимов И. Е. 178, 194

М

Макиавелли Н. 6, 193
Максимов Е. Д. (Слобожанин М.) 5, 11, 48, 104, 105, 106, 107, 166, 188
Малкин Б. Г. 54, 55, 118, 194
Мариампольский 21

Марокке 164
Мартов Ю. О. 54, 118
Маяковский В. В. 134
Медаков 84
Медведев А. В. 185
Медведев И. С. 151
Меерович М. Г. 10, 92, 151, 194
Меркулов А. В. 9, 12, 194, 196
Микоян А. И. 175, 179, 180
Михайлов 147
Молвин 59
Молотов В. М. 127
Мольков 169
Морозов Л. Ф. 9, 10, 29, 33, 129, 194

Н

Невский В. И. 91
Некрасов Н. В. 26
Никитин А. Н. 12, 59
Никич Ю. 103
Николаев А. А. 12, 199
Новиковы 150
Нурмане О. Н. 89

О

Орлов И. М. 166
Ошеров 121

П

Павлюченков С. А. 8, 195
Пастушков 147
Пахомов П. 111, 180
Петровский Г. И. 127
Плотников А. И. 83, 157, 165, 173, 174
Погудин В. И. 10, 194
Пожаров Ф. А. 44, 83, 165, 166, 167, 168
Полещук 143
Попов 59
Почебут Г. А. 54, 55, 118, 194

Преображенский Е. А. 62
Прокопович С. Н. 12, 13, 194
Прокофьев 84, 119
Простак С. 121, 132, 133

Р

Разоренов 59
Ровинский А. 179
Розовский И .З. 44
Рудаков 25
Рыков А.И. 81, 82, 113, 125, 127, 134, 136, 172, 173, 180, 184

С

Самолыга И. А. 62, 195
Сарабьянов В. 61, 62, 74, 131, 134, 136, 137, 138, 140, 195
Сарафанников 59
Свидерский А. 5
Свищевский А. 94
Семенов Б. Ф. 28, 112, 199
Сергеев И. Н. 176, 195
Середа С. П. 83
Скворцов-Степанов М. А. 92, 198
Смилга И. Т. 75, 195
Соколов К. 185, 195
Сокольников Г. 59
Соловьёв В. 149
Сорокин П. А. 189, 195
Сталин И. В. 9, 59, 65, 82, 117, 119, 125, 127, 135, 180, 182,
184, 198
Степанюк А. Н. 5, 89, 90, 158, 174, 186
Степин А. П. 9, 195
Суханов Н. Н. 111

Т

Терехов А. 29, 42, 49, 195
Толстой Л. Н. 111
Тотомиани В. Ф. 61
Трифонов В. А. 28
Троцкий Л. Д. 81, 82, 135

Трусканов М. Д. 89
Трусканов Н. Д. 186
Туган-Барановский М. Н. 61
Тугаринов 45

У

Угланов Н. А. 31, 55
Угольников М. И. 94, 145, 152
Усанов П. 88, 199
Устинов 25

Ф

Файн Л. Е. 8, 10, 195
Фельштинский Ю. Г. 15, 54, 199
Филиппов булочник 118
Филиппов М. А. 94
Филиппов Ф. Н. 40
Флёров В. 153, 154, 155
Фроммет Б. 12, 199
Фрумкин М. См. Германов Л.

Х

Хабаров П. А. 74
Ханин И. Ф. 89
Харитонов Б. 148
Хейсин М. Л. 12, 32, 48, 77, 195, 199
Хижняков В. 12, 195
Хорберг 165
Хрущев Н. С. 126, 199
Хямеляйнен 84

Ц

Царева М. К. 95
Целлариус В. 61, 63, 64. 195
Цюрупа А. Д. 5, 23

Ч

Чадаев В. 15, 199
Чаянов А. В. 5, 104

Чекмарев А. 166

Чижииков 59

Чистиков А. Н. 10, 16, 39, 71, 194

Чуев 118

Чулков А. И. 166

Ш

Шабанова Н. Н. 102, 103, 176, 199

Шейко В. М. 72

Шерих Д. 68, 195

Шумов 142

Шумяцкий Я. 96

Э

Эренпрайс Л. 141

Ю

Юденич Н. Н. 20

Юдин Ф. А. 43, 45, 83

Юровский Л. Н. 19, 30, 114, 115, 195

Я

Ямайкер М. Н. 43, 83, 87, 161, 194

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
I. Отход от «военного коммунизма»: 1921–1924 гг.	15
Заседание Исполкома Петросовета 9 апреля 1921 г.	15
Переломный период	25
Петроградское единое потребительское общество и его руководитель	51
Метаморфоза В. И. Ленина	60
Противоречивый подъём кооперации. 1924 г.	66
Гибель добровольных потребительских обществ	74
Ремесленники и жилищники	81
Школьная кооперация, кооперативные кадры и традиции	95
II. На пути к социалистической реконструкции.	
1925–1929 гг.	109
Середина 1920-х гг.	109
Зиновьев — Бадаев — Киров.	117
Кооперация и частная торговля	130
Оживление на фоне спада	139
«Младшая сестра потребкооперации».	144
Промкооперация на пике и на закате нэпа	156
Социалистическая реконструкция кооперации	175
Закключение.	189
Список использованной литературы и источников	193
Литература	193
Справочная литература	196
Источники	196
Публикации документов	196
Мемуарная литература	199
Периодические издания.	199
Архивные материалы	201
Список сокращений	203
Указатель имен.	205

А. Ю. Давыдов

Кооператоры советского города в годы нэпа.
Между «военным коммунизмом» и социалистической реконструкцией

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*
Дизайн обложки *И. Н. Граве*
Оригинал-макет *М. В. Кузнецова*
Корректор *Д. А. Потапова*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»,
192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.
Тел./факс: (812) 560-89-47
E-mail: office@aletheia.spb.ru (*отдел реализации*),
aletheia@peterstar.ru (*редакция*)
www.aletheia.spb.ru

Фирменные магазины «Историческая книга»:
Москва, м. «Китай-город», Старосадский пер., 9. Тел. (495) 921-48-95
Санкт-Петербург, м. «Чернышевская», ул. Чайковского, 55.
Тел. (812) 327-26-37

*Книги издательства «Алетейя» в Москве
можно приобрести в следующих магазинах:*

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru
Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83
Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2.
Тел. (495) 915-27-97
Магазин «Гилея», Нахимовский пр., д. 56/26. Тел. (495) 332-47-28
Магазин «Фаланстер», Малый Гнезниковский пер., 12/27.
Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21
Магазин издательства «Совпадение».
Тел. (495) 915-31-00, 915-32-84

Подписано в печать 12.01.2011. Формат 60х88 1/6
Усл. печ. л. 18,3. Печать офсетная. Тираж 1500 экз.
Заказ №

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЛЕТЕЙ»

МОЖНО ПРИОБРЕСТИ В СЛЕДУЮЩИХ МАГАЗИНАХ

МОСКВА

Библио-Глобус
Дом книги «Москва»
Магазин «Православное слово»
ООО «Паолине»
Магазин РГГУ «Гуманитарная книга»
Магазин издательства «Гнозис»
Магазин «Русское зарубежье»
Магазин Издательства УРСС
Магазин «Гилея»
Магазин «Фаланстер»
Галерея книг «Нина»
Магазин издательства «Совпадение»
«Новое книжное агентство»
«Книжная лавка обществоведа»
ул. Мясницкая, д. 6/3, стр. 5. Тел. (495) 781-19-00
ул. Тверская, д. 8, стр. 1. Тел. (495) 629-64-83
Тел. (495) 951-51-84, 951-34-97
ул. Б. Никитская, д. 26/2. Тел. (495) 291-50-05
Миусская пл., д. 6. Тел. (495) 973-43-01
Тел. (495) 247-17-57
ул. Нижняя Радищевская, д. 2
пр. 60-летия Октября, д. 9
Нахимовский пр., д. 56/26. Тел. (495) 332-47-28
Малый Гнезниковский пер., д. 12/27. Тел. (495) 749-57-21
ул. Бахрушина, д. 28. Тел. (495) 959-21-03
Тел. (495) 915-31-00, 915-32-84
ул. Покровка, д. 27, стр. 1. Тел. (495) 916-28-14
Нахимовский проспект, д. 56/26. Тел. (495) 120-30-81

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Магазин «Историческая книга»
«Книжный салон»
Филологического факультета СПбГУ
Магазин «Классное чтение»
Книжный салон РНБ «Дом Крылова»
«Дом книги»
Магазин «Слово»
Магазин «Русская симфония»
Магазин «Перемещенные ценности»
ул. Чайковского, д. 55. Тел. (812) 327-26-37
Университетская наб., д. 11. Тел. (812) 328-95-11
6-я линия В. О., д. 15. Тел. (812) 328-61-13
ул. Садовая, д. 18. Тел. (812) 310-44-87
Невский пр., д. 28. Тел. (812) 314-58-88
ул. М. Конюшенная, д. 9. Тел. (812) 571-20-75
1-я линия В. О., д. 42. Тел. (812) 328-63-42
ул. Колокольная, д. 1

ЕКАТЕРИНБУРГ. «Дом книги»

ул. Антона Валека, д. 12

НИЖНИЙ НОВГОРОД. «Дом книги»

ул. Советская, д. 14а

СЕТЬ МАГАЗИНОВ «ТОП-КНИГА»

<http://www.top-kniga.ru>. Тел. (383) 336-10-26, 336-10-36

ТАЛЛИНН. Магазин Kniga.ee

15189 Tallinn, Tõnismägi 2, Eesti Rahvusraamatukogu
В вестибюле Национальной библиотеки Эстонии.
Тел. (372) 630 7472

Заказ книга-почтой

Тел. (812) 560-89-47
E-mail: office@aletheia.spb.ru

Экспорт из России

DataInternational Group

10122 Таллин Эстония. Тел. 646-03-81
E-mail: info@kniga.ee

ЗАО «Информ-система»

г. Москва, Севастопольский пр., д. 11а.
Тел. 127-91-47, e-mail: info@informsystema.ru

Юпитер-Импэкс

г. Москва, Налесный пер., д. 4.
Тел. 775-00-54, e-mail: export@jupiters.ru